

ONLY TO SLEEP

A PHILIP
MARLOWE NOVEL

LAWRENCE OSBORNE

ЛОУРЕНС ОСБОРН

**ВСЕГО ЛИШЬ
УСНУТЬ**

Оглавление

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	15
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	25
ГЛАВА ПЯТАЯ	32
ГЛАВА ШЕСТАЯ	37
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	41
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	45
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	51
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	55
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	58
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	62
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	69
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	75
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	80
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	87
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	93
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	97
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	101
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	105
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	111
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	115
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	121
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	124
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	129
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	132
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	134
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	137
ЭПИЛОГ	141
ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА	146
БЛАГОДАРНОСТИ	147
ОБ АВТОРЕ	148

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Всем борцам за свободу и независимость своей Родины, я посвящаю этот труд.

Ст.В.

24 февраля 2022 г.

©2018 Lawrence Osborne and Raymond Chandler Ltd.

©2023 Stanislaw Wepricki, wepricki@gmail.com, перевод с английского

Ca tontemiquico ahnelli

Tinemico in tlpс

Это и правда,

И это неправда,

За грёзами мы приходим на землю,

Чтоб ими лишь жить,

И всего лишь уснуть.

Песня ацтеков

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чуть ниже старой испанской миссии, в нескольких милях к северу от Энсенады в Бахе, у меня есть дом, который я купил у Ларри Даниша в 1984-ом. Там я и проживаю, как и положено старому детективу, вышедшему на покой, со средних лет горничной по имени Мария и бездомной собакой, подобранной на мусорной свалке. В открытом море есть ещё дельфины, которые никогда не спят. Ла-Мисьон был прибежищем Ларри на протяжении десятилетий. На скалах в пределах видимости старого отеля и бара «Ла Фонда», в котором, по слухам, во время одной из многочисленных фиест Риты Хэйворт была изобретена «маргарита»¹, он построил виллу в испанском стиле. Не важно, если про «маргариту» это и неправда. За эти годы я хорошо узнал «Ла Фонду», единственный отель в Ла-Мисьон. Я часто приезжал сюда в 50-е, когда всё ещё казалось прекрасным, до того, как мир скатился в канаву неудовлетворённых подростковых фантазий, превратившись в свалку глобальных проектов. Это было ещё до того, как корпорация «СанКор» захлмила побережье курортами с полями для гольфа, а на пляжах Росарито ещё не существовало такого понятия, как весенний сезон. Тогда я приезжал туда, чтобы просыхать в тёмной комнате, валяясь на кровати. К 70-м я всё ещё просыхал и уже перестал замечать, как вместе с ночами утекают целые десятилетия.

Здесь ещё сохранились утёсы, покрытые опунциями Билелоу. Так же, как и маленькие церквушки на пустынных раскалённых дорогах, ведущих вглубь страны, с исполненными на покрашенной жести ретабло² со статистикой дорожных аварий и смертей, вызванных раком. Тихий океан с бурными полосами водорослей, пугающие волны, накатывающие на пляжи между скалистыми мысами, окутанными лёгким туманом и водяной взвесью. Так когда-то выглядела вся Калифорния. Закрой глаза и удивляйся. Я сам так часто и делаю. Как было легко всё это уничтожить, гораздо легче, чем избавиться пластиковой вилкой от куска вишневого пирога. И всё ради чего?

Но для старика это самое подходящее место. Храм чистого воздуха и двести солнечных дней в году. По выходным я играл в казино в Энсенаде. Там, кажется, был бар под названием «У Порфирио», где на стойке стоял автомат под названием «El Electrucador»³. Это был своего рода генератор Ван де Граафа с двумя подушечками. Вы кладёте туда пальцы, и бармен, с шумом и суетой, запускает его, что приводит к тому, что вас довольно таки сильно бьёт током. Если вы сможете это выдержать, то получите бесплатную порцию мескаля. Бесплатный мескаль был мне не так уж и нужен, но я всё равно участвовал. Потом я пришёл к выводу, что такая встряска пошла на пользу моему кишечнику и волосным луковицам. Люди говорили, что после выходных я начинаю выглядеть намного моложе. Как будто я «восстаю из мёртвых». Что ж, в моём возрасте уже принимаешь любой комплимент.

---

¹ Алкогольный коктейль на основе текилы с ликером и соком лайма. К Рите Хэйворт не имеет никакого значения. *(Здесь и далее – примечания переводчика.)*

² Рета́бло (retablo — от лат. retro — за, позади и tabula — доска, первоначально retrotabulum) — испанский вариант алтарного образа. Ретабло представляет собой сложную архитектурно-декоративную композицию, как правило, достигающую потолка. Оно включает архитектурное обрамление, фигурную и орнаментальную скульптуру, а также живописные изображения. Здесь и далее: придорожное табло.

³ Электрикатор (исп.)

Вечером мы, старая гвардия, собираемся на веранде в «Ла Фонде», чтобы съесть жареного молочного поросенка, и зачастую остаёмся в палапе⁴ играть в карты круглые сутки напролёт, периодически подбивая бабки. *Жизнь* — штука относительная.

Из колонок звучат записи «Los Tres Ases⁵» и «Los Panchos⁶», и некоторые из нас могут ещё могут окунуться в те прекрасные времена. Здесь всё ещё иногда можно туда вернуться, и, возможно, это их последний проблеск, которым ещё можно насладиться. Было ли когда-нибудь время в истории, когда за четыре десятилетия всё могло бы перевернуться с ног на голову таким решительным образом? Я помню, каким было лето здесь в 1950-ом. Мужчины во фланелевых костюмах и женщины, одевающиеся как кинозвезды, только для того, чтобы днём заглянуть в супермаркет. Тридцать восемь лет спустя — не так уж много, если подумать, — нежное звучание свинга уступило место «Guns N’ Roses»⁷. В те времена старая Мексика всё ещё оставалась тут, стильно цепляясь за жизнь. На экранах был Педро Инфанте⁸, по радио — Мария Феликс⁹. Но всё это уничтожено, чтобы расчистить путь Мадонне¹⁰.

И вот однажды, после почти десятилетнего периода праздности, упадка и правления Рональда Рейгана, двое мужчин из «Тихоокеанской компании взаимного страхования» поднялись в бар на веранде отеля «Ла Фонда». Одетые подобно служащим похоронного бюро они неторопливо спустились по главной лестнице отеля и обнаружили меня с тростью с серебряным набалдашником, сидящим в одиночестве за кувшином сангрии, как будто точно зная, что я буду именно здесь, на этом самом месте, с которого открывается вид на мой собственный дом на скалах Бахи. Они точно знали, чей это дом, потому, что подняв глаза, чтобы его рассмотреть, улыбнулись с лёгким пренебрежением, свойственным сотрудникам этой компании.

Они слышали, что я ушёл на пенсию, но кто-то из Ла-Хойи, к кому они обращались, сказал, что я лучший из тех, кого можно нанять. Это, конечно, могло бы стать шуткой дня. Предложив угостить меня ранним ужином, они оскалили зубы дружелюбных гиен, которые уже покончили с убийствами на сегодня. Тот, что постарше, протянул карточку, на которой было указано его имя, Майкл Д. Калб, а другой своё просто назвал: О'Кейн. Калб был, по меньшей мере, на двадцать лет старше своего коллеги, но оба они были достаточно худощавы, чтобы походить на гробовщиков. Когда я вернул на место «хабанеро»¹¹, а они устроились за столом, старший из них заговорил голосом, который навёл меня на мысли об отце, рассказывающим на ночь сказку ребёнку, страдающему синдромом дефицита внимания. Он с отвращением смотрел на пляж Бахи, и его глаза казались мёртвыми. Там в палапах сидели мальчишки, продавая бычьи черепа и выловленные из волн водоросли, но было件нятно, что Калб не знает ни их мира, ни моего, и что он, вероятно, никогда раньше не забирался так далеко на юг. Был ли он удивлен, что солнце всё ещё греет так мягко?

⁴ Палáпа (исп. Palapa) — название на испанском и португальском языках небольших открытых (без стен) хижин на деревянных столбах, крыши которых покрыты черешками высушенных пальмовых листьев или самими листьями

⁵ Три туза (исп.) — романтическое мексиканское трио, образованное в 1947 году и выступавшее вплоть до 2009 г.

⁶ Международное романтическое трио, образованное в 1944 году и выступающее до сих пор.

⁷ Стволы и розы (англ.) — американская хард-рок-группа, образованная в 1985 году в Лос-Анджелесе, Калифорния.

⁸ Педро Инфанте (1917-57) — испанский актёр и певец.

⁹ Марíа де лос Áнхелес Фéликс Гуэрёнья (1914 —2002) — мексиканская киноактриса, модель, натурщица, крупнейшая актриса золотого века мексиканского кино — 1940—1960-х годов.

¹⁰ Мадóнна Луíза Чиккóне (1958) — американская автор-исполнительница, поп-певица, танцовщица.

¹¹ Коктейль, включающий в себя одноимённый сорт жгучего перца.

— Приятно познакомиться с Вами, мистер Марлоу. Мы с Сэнди не были уверены, что сможем Вас здесь застать. Так это Ваш дом там на утёсе?

— Его называют «Датский особняк». Пришлось всю жизнь избивать людей, чтобы его приобрести.

Они засмеялись, но удивительно тихо.

— Давайте закажем по «маргарите», — громогласно продолжил Калб. — Обажаю матовые бокалы с солью по краям.

— Их придумали в этом отеле, — сказал я. — Здесь часто бывала Рита Хейворт. Маргарита Хейворт¹².

Я задался вопросом, кто мог меня порекомендовать. Прошли годы с тех пор, как я в последний раз вёл какое-либо дело, стирая о тротуары подошвы настоящих кожаных ботинок, но многие из моих бывших работодателей, вероятно, всё ещё были живы. Дейдра Гоуэн из Дель-Мара, постаревшая, но возможно ещё не забывшая моих услуг; семья Гарланд, чья дочь пропала без вести в 79-ом, и чьё благополучие мне удалось восстановить. Все они ещё не пополнили ряды призраков.

— Есть небольшая работа, — сказал младший. — Вы когда-нибудь встречали американца по имени Дональд Зинн здесь, в Ла-Мисьон? Говорят, он часто бывал в Мексике.

Я сказал, что никогда о нём не слышал.

— Удивительно. Но в любом случае, он был застройщиком с большими долгами, и погиб в результате несчастного случая во время купания в местечке под названием Калета-де-Кампос в Мичоакане в прошлом месяце. У него был наш страховой полис, и мы должны заплатить вдове. С мексиканской стороны все документы в порядке.

— За исключением того, — сказал Калб, — что нас это не совсем устраивает.

— Почему?

— У мистера Зинна наш полис был уже несколько лет, и, само собой разумеется, что он включил в него свою жену, с которой прожил около семи лет. Так что ничего подозрительного в последнее время не происходило. Также известно, что он уже несколько лет подряд ездил в Калета-де-Кампос и не был склонен к рискованным или авантурным поступкам, которые могли бы поставить под угрозу его здоровье.

— Может быть, наркотики, — предположил О'Кейн.

— Я хочу сказать, что не было никаких причин увеличить его страховой взнос или считать его случай несущим повышенные риски. Совсем наоборот. Несмотря на то, что он расточительно обращался со своими деньгами, наш департамент не считал это опасным. Но в случае смерти в Мексике мы никогда не знаем, как всё было на самом деле.

— Предположим, — вмешался другой, — что он покончил с собой или даже умер во время совершения преступления. Наши обязательства стали бы совсем другими. Картина бы радикально изменилась.

— Понимаете, мистер Марлоу? Удивительно легко подкупить людей к югу от границы, чтобы внести нужные данные в свидетельство о смерти. Такое происходит постоянно. Калета — небольшая деревня на побережье, довольно удалённая. Это, по меньшей мере, в семнадцать сотнях миль к югу от границы. Наше посольство в Мехико получает отчёт от местной полиции, местного коронера и так далее, и прежде чем отправить его нам, они его просто проштамповывают. Большинство из этих свидетельств не вызывают сомнений. Страховые компании просто платят, оставляя всё как есть. И всё же нам известно, что есть

---

¹² Настоящее имя Риты Хейворт — Маргарита Кармен Кансино. Маргаритой Хейворт актрису никогда не называли.

случаи мошенничества. Ну, может быть, в данном случае это совсем и не так. Возможно, это просто попытка всё приукрасить, чтобы мистер Зинн не выглядел ответственным за свою собственную кончину больше, чем мог бы. А что, например, если он был под воздействием наркотиков в тот момент, когда пытался переплыть залив в Калета-де-Кампос? Думаю, что это меняет дело.

— Вам пришлось бы заплатить меньше?

— Возможно. Ещё вопрос с кремацией. Он был кремирован тут же, на месте, в Мексике, и очень быстро. Это, мягко говоря, необычно. Мы пришли к выводу, что нам, возможно, имеет смысл изучить это дело ещё раз. Мы подумали, что Вы, возможно, захотите отправиться туда для проверки.

— Куда?

— Ну, он околачивался в нескольких местах. Кроме как в Калета де Кампос, он любил рыбачить в Масатлане. Возможно, нам бы удалось узнать больше о том, что происходило в дни, предшествовавшие его смерти.

У них был с собой конверт, который теперь оказался на столе.

— Тут кое-какая информация. Вдову зовут Долорес Арайя, она управляет курортом, который они вместе построили недалеко от Эль-Сентро, в пустыне на американской стороне. Вы могли бы отправиться туда, поболтать с ней.

— Я ещё не принял предложение.

— В этом Вы правы! Может, ещё по «маргарите»? — сказал Калб, хлопнув ладонью по столешнице. — Не скажу, что это на что-то повлияет. Вы сделаете это только в том случае, если сами захотите.

— Я тоже так считаю.

Принесли напитки. Я не работал уже десять лет, и так слишком поздно вышел на пенсию. В то последнее время я чувствовал, что у меня скорее заканчивается мужество, чем энергия. Семьдесят два года — неплохой возраст, но шестьдесят два — это слишком много чтобы работать. Ты просто выдаёшь себя за человека, которым когда-то был. Отставка казалась лучшим способом не умереть, и адреналин ушёл в тот же день, когда я выбросил полотенце, и больше он уже не возвращался. Есть книги и фильмы, дневные грёзы и время под солнцем, но ничто из этого не может спасти вас больше, чем ирония.

Теперь же я смотрел на пляж, и мне было так же скучно, как и прошлым вечером. Всё те же старые разговоры эмигрантов, которые проводят вечер за вечером на веранде. Всё те же сплетни о соседях, сделках с недвижимостью, прелюбодеяниях пожилых людей и мелких преступлениях на побережье в Энсенате. То же подслушанное возмущение по поводу того, что на самом деле не имеет никакого значения. И тогда я понял, что никогда не предполагал, что состарюсь и стану никому ненужным. Мне вдруг польстило присутствие этих двух мужчин с солёными губами в облегающих чёрных костюмах, особенно, когда Сэнди произнёс:

— Вы лучше всех подходите для этой работы. Нам нужен кто-то незаметный.

Другими словами, кто-то далеко-далеко из-за холмов.

Его коллега заверил меня, что в это совсем не опасно и не потребует физических усилий. Это будет совсем не так, как в старые добрые времена. Я уже слишком далёк от того, чтобы быть героем, и мне не пришлось бы стать им снова.

— Мы знаем, что вы свободно говорите по-испански, и это самое главное. Вы бы просто собрали для нас кое-какую информацию. Не хотите ли вы пару дней подумать?

Калб протянул мне свою визитку, и я испытал искушение отказаться от неё, просто чтобы увидеть выражение его глаз.

— Вы же знаете, я всегда принимаю решение сразу. Это плохая привычка, но уж такая есть.

— И что же?

Я опрокинул вторую «маргариту» и мысленно подкинул монетку. Выпал «орёл», а я всегда ставлю на него.

— Ну, я мог бы попробовать.

— Отлично, — сказал Калб, и в его голосе прозвучало едва уловимое облегчение. — Завтра я уже смогу подготовить контракт.

И он начал тараторить условия.

— Три сотни в день на расходы... — Я его перебил:

— Я бы хотел съездить в Сан-Диего и посмотреть, где и как Дональд Зинн проводил свое время, а затем поехать на курорт и повидаться с Долорес Арайя. Повидаться с женой — это всегда забавно.

— Значит, мы договорились?

Мы пожали друг другу руки, они оба расслабились и придвинули конверт, который всё ещё оставался перед нами. Внутри была пачка фотографий Зинна и его жены, а также мест, которые они любили посещать в лучшие времена, включая ресторан «Мариус» в отеле «Мьеридьен» в Сан-Диего. Это была портретная галерея брака с доходом в двести тысяч долларов в год и домом с причалом для яхт в Коронадо-Кейс. Им сообщили, что жена там больше не появляется, но у них есть ключи, которые я могу забрать в их офисе, когда буду в городе. Как они их заполучили, они не сказали.

— Это законно — заходить в их дом? — спросил я, поскольку теперь уже был членом их маленькой команды.

— После старины Дональда осталась куча долгов, поэтому банк забрал дом и почти всё остальное. Мы пришли с ними к взаимопониманию. Но всё равно, это незаконно. Так что, если Вы захотите осмотреть дом, делайте это незаметно.

— Значит, он был банкротом?

— Выжатым до капли, как сушёная рыба. Мы вообще не можем понять, как он столько потратил. Возможно, у него вообще никогда не было денег.

— Самые лучшие мошенники — с великолепной причёской, — сказал я, рассматривая фотографии.

Он был по-своему хорош собой, с волосами, которые с возрастом не поредели и не немилостливо выпали. Глаза были полны терзаний, вечного страха быть разоблаченным, глаза преследуемого. Пижон из Сан-Диего, не совсем первого сорта, но создатель благословил его римским носом. Одежда, которую он носил, была изящной, из плотного хлопка — мне была понятна его тяга к такой. На некоторых кадрах можно было увидеть столь же прекрасные автомобили.

— У меня сложилась картина, — сказал я, откладывая пачку в сторону. — Он мёртв, но он вроде бы как ещё жив. Если он мёртв, может быть, мне стоит повидаться с его призраком. Но это уже будет излишне.

— Хорошо, — сказал Калб со своей ледяной усмешкой.

Я поднял свой пустой бокал и произнёс тост за Риту Хейворт, но они понятия не имели, кто это такая.

После того, как они ушли, и как только появились первые звёзды, колокольный звон начал отдаваться эхом от склонов холмов наверху, и я позволил себе переместиться из настоящего в прошлое. Море успокоилось. Трость покоилась у меня между ног. Зажглись огни лодок ловцов омаров, и я сразу же выпил свою единственную текилу. После наступления сумерек я прошёлся вдоль побережья, чтобы проветрить голову, следуя вдоль линии утесов, поросших агавами. Всё было так, как я проделывал каждый вечер, добираясь до нового американского гольфового городка Реал-дель-Мар. Среди грубых и безлесных склонов холмов под завывающими ветрами стояли штаб-квартиры Африканской группы и радиолокационной связи. Я предположил, что где-то там в закулисье и орудовал Зинн.

Когда я вернулся домой, Мария уже спала, а пёс бродил по пляжу в одиночестве, как ему разрешалось. С неразбавленным бурбоном я лежал без сна в своей спальне, единственное окно которой выходило на море, и его шум раздавался прямо над моей кроватью. Обычно у меня это начиналось часа в три, но в тот вечер едва наступило два. Электрическое освещение на пляже погасло ещё в полночь, но песок был залит тусклым светом с веранды отеля. Ловцы омаров стояли со своими корзинами перед потухшим от ветра костром, и я долго наблюдал за ними, дрожа от бессонницы. Мне казалось, что что-то обращается ко мне из темноты.

Это доносилось из шторма, даже от огней рыбацких лодок в миле от берега. Оно могло призывать вас к последнему усилию, к последнему героическому выступлению, потому что я сомневаюсь, что можно было самому заставить себя оставить удобства и уверенность в завтрашнем дне ради того, чтобы сорваться с места. Но этот зов находится внутри вашей собственной головы. Это печальный призыв из глубин вашего собственного растраченного прошлого. Вы могли бы назвать это велением уйти рёв фанфар и выстрелы вместо тихого отчаянного жужжания больничного вентилятора. Победа вместо поражения. Вы понимаете, что это точно будет последний раз, когда вы выезжаете за ворота в полном вооружении, и это подталкивает вас больше чем что-либо ещё.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Несколько дней спустя одним погожим утром приехал в Сан-Диего и зарегистрировался в одном когда-то бывшем очаровательным известном мне маленьком отеле в Хиллкресте. Теперь, как и всё остальное, он поблек и сохранился только лишь по ошибке. Мне нравилось находиться рядом с парком Бальбоа посреди грохочущего бандитского насилия по ночам. Варвары были не только у ворот города, но, на самом деле, уже и внутри него, уверенные в себе и смелеющие с каждым днём. Вечером я отправился в Каса-де-Пико на улице Хуан в Старом городе, где мог съесть несколько *suizas*¹³ под звуки оркестра мариачи в расшитых серебром сомбреро с их громоздкими контрабасами. Выглядело всё это грустно, но мне понравилось. Всё привычное имеет свои достоинства и недостатки.

В тот вечер я немного перебрал, и джентльмены из заведения, также одетые в усыпанные блестками сомбреро, собрались сопроводить меня к моей машине. Но я заверил их, что могу сам добраться до отеля, который располагался неподалёку. Но, в конце концов, мне пришлось приходить в себя, опёршись на капот, и лишь спустя некоторое время, я вообще смог сесть за руль. В отеле я упал на кровать и лежал там полностью одетый, переполненный каким-то дьявольским ощущением. Иногда такое случалось, когда я начинал пить, а это случалось, как только я оказывался в Америке совсем один, без своей экономки и тех, с кем постоянно общался в Мексике. Было так, будто погас свет, и я ползаю в темноте, в каком-то тайном восторге и восхищении. Пьющие не знают от этого никакого противоядия. Наш способ выжить — просто время от времени сдаваться.

На следующий день я отправился в «Меридьен». Поскольку Зинны часто там бывали, я полагал, что тамошний персонал их запомнил и сможет мне что-нибудь о них рассказать. Может быть, они скандалили на публике, может быть, Зинн иногда приходил туда один с кем-нибудь встретиться. Сейчас все дела ведутся в ресторанах. Сам отель стоял на берегу залива Коронадо, окруженный ландшафтными садами и бассейнами, в которых обитали лебеди и чирки, настолько безмолвные, словно находились под воздействием транквилизаторов. С террас открывался вид на башни центра города; под ним, на берегу Коронадо, по ночам зажигались огни других ресторанов — большие стеклянные клетки, мерцающие свечами и фонарями, установленными на пляжах. Это был лабиринт водопадов, бурлящих ручьев и голубых лагун. Новый мир. Однако в «Мариусе» окна отсутствовали. Это было сокровенное и немного душноватое место для секретных свиданий, с бежевыми известняковыми полами и стенами, покрытыми медовой глазурью. Менеджер был на удивление предупредителен. Я показал ему фотографию Зиннов и спросил, сможет ли он найти столик, который могла забронировать эта пара. Оказалось, что они в последний раз были здесь несколько месяцев назад, и он сам показал мне бронь. Я спросил, помнит ли он их.

— Месье Зинн? — спросил он. Да, он часто здесь бывал. Приходил почти каждую неделю. И они всегда заказывали «помероль»¹⁴.

— «Помероль»?

— Да, сэр.

— Он оставлял большие чаевые?

— Не могу вспомнить никого, кто оставил бы больше чаевых, как Вы выразились.

— Они никогда не ссорились на публике?

¹³ Тонкая тортилья с начинкой (энчилада) или под соусом, с большим количеством сливок и сыра.

¹⁴ Сорт французского красного вина.

Он сказал, что никогда такого не видел. Они всегда были сами по себе, всегда садились у стены, и всегда были одни. Один из официантов рассказал ему, что им ресторан нравился именно тем, что в нём не было окон.

— Интересная причина полюбить ресторан.

— Люди приходят сюда ради уединения.

— Он никогда не встречался здесь с кем-нибудь ещё?

— Иногда он приходил посреди недели и обедал с джентльменами. Никогда с леди. Иногда они все уходили вместе.

— Что за джентльмены?

Он пожал плечами.

— Джентльмены.

— И никаких Эйбл-Грэйбл¹⁵?

— Прошу прощения?

Я упустил, что он был слишком молод, чтобы понять намёк, и мне пришлось посмеяться над этой оплошностью.

— Простите, я имел в виду девочек. Лёгкого поведения. Так мы их называли в своё время.

После этого я побродил по этому нелепому отелю, размышляя о том, как он подходит такому человеку, как Дональд Зинн, и как он сильно, должно быть, ему нравился. Я пытался понять его мир, но на самом деле я уже и так его знал. Существовали сотни Дональдов Зиннов, запертых в сотнях похожих жизней. Они ничем не отличались от лебедей и чирков, заточенных в ландшафтных садах. За исключением того, что Дональд был чёрным лебедем.

После обеда в отеле я отправился к его заброшенному дому.

Коронадо-Кей расположен в местечке под названием Силвер-Стрэнд к югу от самого Коронадо в направлении Импераил-Бич. Это был ряд причудливых селений с вест-индской архитектурой, построенных вокруг искусственной лагуны. У таунхаусов были свои причалы, и у каждого из них была пришвартована яхта. В том числе и у Зинна. У ворот стоял охранник, одетый в белую куртку и пробковый шлем в бермудском стиле, у домов были крыши из голубого известняка, покоящиеся на белых, как мел, стенах и арочные антигуанские окна. Был также клуб с шатровой крышей в бело-золотую полоску и с флюгером, а резиденция Зинна находилась на территории лагуны под названием Грин-Тёртл¹⁶.

Прежде чем они закрылись, я зашел в «Ассоциацию домовладельцев Кейса» и хладнокровно осведомился, во что мне может обойтись красота Грин-Тёртл. Около трех четвертей миллиона. Это было полезно узнать. По их признанию, в страну вливалось много японских денег, и сейчас Кейс становился самым шикарным местом у воды. Учитывая, насколько это выглядело уродливо, не было никаких причин в этом усомниться. Я припарковался перед домом Зинна и подошёл к двери. Страховые агенты дали мне ключ. На изготовленной вручную керамической плитке, вделанной в стену, было написано и его имя, и номер квартиры. Я вошёл и оказался в вытянутой передней комнате, декорированной шёлковыми занавесками с узорами цвета индиго восемнадцатого века. Было очевидно, что люди из банка побывали тут и провели инвентаризацию. На некоторых симпатичных антикварных штучках висели маленькие бирки.

¹⁵ Жаргонное название сексапильной женщины.

¹⁶ Зелёная черепаха (англ.)

Это был дом человека, привыкшего к деньгам и стремящегося их не потерять. Я поднялся наверх и осмотрел три спальни. На каминной полке стояли фотографии пары в рамках: одна на поле для игры в поло, другая в ресторане в Париже. Такие вот взаимозаменяемые декорации для тех, кому повезло в материальном плане. Шкафы всё еще были забиты его шикарной одеждой. Бархатные смокинги, охотничьи костюмы, рубашки из Рима (или «Хортон Плаза»¹⁷). Я посидел в одном из бархатных кресел, которые, казалось, подходили к его пиджакам, и побродил по ванной с белыми ставнями. Выглядело так, как будто они только ушли и вернутся к чаю.

Но все это, конечно, зиждилось на долгах. Таков был ключевой факт о Зиннах: они брали займы и никогда не возвращали. Расплата за каблук да крошки. Искусство зеркал и отражений.

—

Моей последней остановкой стал офис компании Зинна «Дезерт Блумс» в Дель-Маре. Он располагался на улице под названием Камино Реал, заполненный затененными деревьями зданиями и элегантными постройками, а вокруг него раскинулись пышные каньоны Сан-Диего, увитые огненными лозами. Дель-Мар был излюбленным местом мафиози из-за ипподрома и прибрежных отелей, и, по крайней мере, в пятидесятые годы это было место, где любили играть *caporegimes*¹⁸. Это я помнил хорошо, и вспоминал без особой любви. В свое время я сам поиграл там за несколькими столами для «блэкджека». Но теперь всё продвинулось в мире, вверх или вниз, в зависимости от того, как на это посмотреть. Я нашёл здание, где располагались «Дезерт Блумс», и поднялся на первый этаж. Там, конечно же, были стеклянные двери с логотипом компании, но за ними все выглядело безжизненным. Офис закрылся, и, насколько я мог судить, совсем недавно. Это не означало, что они закрылись совсем, но на Камино Реал их уж точно больше не было. На столе в бывшей приёмной стояла стопка запечатанных коробок.

Я сделал несколько фотографий закрытого офиса и вернулся на улицу, где меня ничто не поджидало, и где нового ничего было не обнаружить. Его вдова, должно быть, быстро уладила все дела и продала всё, что можно было продать. Она проявила просто чудеса оперативности. Теперь я понял, почему «Тихоокеанскую страховую» бросило в дрожь, хотя ни на что конкретно они указать не могли.

¹⁷ Торговый центр в Сан-Диего.

¹⁸ Помощники босса в итальянской мафии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день я отправился в Эль-Сентро, что находится в двух часах езды на восток по Восьмой автомагистрали. Я надеялся застать Долорес на территории её курорта до наступления темноты, но сначала сам отправился к дому Армии спасения на окраине фермерских полей салата и редиса, туда, где пограничный город исчезает в пыли и тумане. Там, рядом с этим зданием, в разгар весенней жары разместилась ярмарка, колесо обозрения подготавливали к сумеркам, а мексиканцы в высоких белых «стетсонах» таскали на руках своих девочек. Место в двух милях к северу от границы тут всё ещё оставалось Мексикой. В тени было девяносто семь градусов¹⁹, но тени-то и не было. Тёплый день, можно сказать, или в конце весны, или в начале ада, или посреди Анза-Борrego²⁰.

Я купил сахарный чуррос²¹ и немного побродил по краю этого прячущегося мира, впервые за много лет почувствовав себя молодым. Это так и происходит, иногда в одно мгновение. Тебе больше не семьдесят два года. Окотильо²² расцвели красным, и их цветы походили на жесткие бумажные стаканчики, а мескиты²³ были оккупированы граклями²⁴, как будто они являли собой первые признаки новой жизни: старик в потрепанной ковбойской шляпе шурил на них и задавался вопросом, есть ли у него впереди ещё год. Год, или, может быть, даже два. Я посмотрел на часы и увидел, что уже перевалило за три.

Час спустя я миновал товарную станцию «Саутерн Пасифик» и пересёк за ней границу гетто, мимо миль текстильных складов, выцветших элеваторов и заброшенных участков, поросших пустынным кустарником. В районе под названием Нортсайд символика банд была нанесена по краям дороги, эти улицы принадлежали *Nuestra Familia*²⁵ и *La M*²⁶. Темные джакаранды²⁷ и рекламные щиты нависали над дорогами, последние рекламировали преимущества «Страхования фермеров» и «Дома Шарма». К северу от города лежала глухомань под названиями Броули и Калипатрия. Я слишком хорошо знал Солтон-Си и сомневался, что он также сильно изменился за одиннадцать лет. Насколько может измениться к лучшему место под названием Слэб²⁸-Сити? Страх здесь никуда не девался. Тогда я проводил благословенные дни в Бомбей-Бич и Дурмиде под горами отработанного кокса, разговаривая с теми, кто уже умер. Однажды я вернусь сюда как турист, но только не в этой жизни.

В миле от дороги располагался курорт «Пальмовые Дюны», и это действительно был оазис из пересаженных пальм. В один прекрасный день все рабочие ушли — так это выглядело, — бросив бетономешалки и мотыги прямо на местах, и теперь тут остались только бунгало из необожжённого кирпича, стоящие на лужайках с декоративными сагуаро²⁹, и бассейны,

¹⁹ По Фаренгейту. Около 36 градусов по Цельсию.

²⁰ Анза-Борrego-Дезерт (англ. Anza-Borrego Desert State Park) — парк штата США, расположенный в пустыне Колорадо в южной части Калифорнии.

²¹ Сладкая обжаренная выпечка из заварного теста.

²² Род колючего кустарника.

²³ Род небольших бобовых деревьев.

²⁴ Птицы семейства воробьиных.

²⁵ Наша Семья (исп.) — тюремная преступная организация мексикано-американцев северной Калифорнии[

²⁶ Мексиканская мафия, также известная как La Eme (рус. Ла Эмэ) — мексиканская преступная организация, одна из старейших и могущественнейших тюремных банд США.

²⁷ Род растений семейства Бигнониевые.

²⁸ Плита, пластина, большой кусок (англ.) В металлургии — полупродукт металлургического производства.

²⁹ Род кактусов.

пустые, но всё ещё сверкающие мозаикой в стиле ар-деко. Песок, наносимый ветром, постепенно покрывал все открытые места, оставляя царапины на запертых дверях и подоконниках. Я вышел из машины и обошёл вокруг. Охранник попытался вмешаться, но я завоевал его симпатии несколькими фразами на хорошем испанском. Он даже сказал мне, сколько уже площадка закрыта. А что насчёт *el patron*³⁰, спросил я. Он пожал плечами и сказал, что понятия не имеет. Он был застройщиком, у которого на «Пальмовые Дюны» просто закончились деньги.

— А что насчет сеньоры?

— Сеньоры Зинн?

— Она ведь всё ещё здесь, так ведь?

Он очень настороженно посмотрел в мои старые глаза, которые ему были незнакомы, и на мою ухмылку гринго.

— Как так получилось, что ты вообще говоришь по-испански?

— Я там вышел на пенсию.

— В Мексике?

Я сказал, что это его не касается, мне просто надо узнать, в офисе ли сейчас сеньора Зинн.

— *Claro que sí*³¹.

Я дал ему монетку и, не спрашивая разрешения, отправился к воротам, чтобы заглянуть внутрь. Он посмотрел мне вслед, но ничего не сказал. Это место напоминало кладбище в Иерихоне. Солнце заливало пустой бассейн, и императорские пальмы теперь казались чужеродными и неуместными. Получается, богачи из Сан-Диего сюда всё-таки не переехали.

Я прошёл через затенённую приемную в офис, где кондиционер стал первым облегчением за последние несколько часов. Выглядело так, как будто компания уволила всех, но оставила кондиционер включённым в знак отказа признать поражение. Я выкрикнул имя Долорес, а затем снова, пока что-то не изменилось. Она была одна, и когда появилась через одну из стеклянных дверей, удивлённая и немного встревоженная, я сразу же узнал её по фотографиям, которые мне предоставила страховая компания. Я шагнул вперёд, чтобы назвать себя и сообщить о своей безнадежной миссии: Филип Марлоу, совсем недавно извлечённый из отставки. Когда её взгляд упёрся в меня, я вздрогнул, и что-то оттолкнуло меня назад. Её взгляд не казался отстранённым, а был открытым и выражал интерес, — но не слишком. Он у неё был таким же, как у леопарда. Пока тот решает, можно ли вас убить или нет, его глаза удивительно нежны и безмятежны.

Она была миниатюрной, с мелкими и тщательно прорисованными чертами лица, ей было около тридцати или около того, как я рискну предположить. Мексиканка или, по крайней мере, наполовину, и гораздо более привлекательная, чем можно было предположить по фотографии. На ней были чёрная юбка и жакет, под которым была плотная белая хлопчатобумажная блузка, а подплечники были эффектны, даже чересчур. Стиль той самой грозной эпохи. Её лицо, однако, было идеально накрашено, и выглядело, как безупречная композиция икебаны. Она казалась одетой для свидания, неважно по какому поводу, и я подумал, одевается ли она так каждый день или кого-то ждёт. В моей голове внезапно всплыли такты старой песни: «Начинай бегинку»³². Музыка 40-х, на которую до сих пор настроены мои бёдра. И на мгновение я задумался, каково это — подхватить её и закружить в танце. Этого я никогда не узнаю.

³⁰ Хозяин, работодатель (исп.)

³¹ Ясное дело (исп.)

³² Бальный танец, похожий на медленную румбу, родом из Французской Вест-Индии.

Я снял соломенную шляпу, которая была на мне, и спросил её, не миссис ли она Зинн. Она смерила меня взглядом и в мгновение ока убедилась, что я явился один и что, сняв шляпу, я не только её поприветствовал, но и выразил соболезнования. В то же мгновение её глаза изменили своё настроение и загорелись фиолетовым с тихой яростью, которую не смог скрыть даже её элегантный макияж. Мне пришло в голову, что всё это время она меня ждала, и что до сих пор всё это было лишь притворством. Я объяснил, что пришёл по поручению компании, которая выплачивает страховую премию.

— Вы здесь по этому поводу?

— По их, не своему. У Вашего мужа был с ними договор.

— Не надо мне об этом говорить. Я всё о них знаю.

— Они милые люди, если смотреть на вещи с их колокольни.

— Может, пройдем в мой кабинет?

— Да можно и здесь остаться, вокруг никого. Выглядит так, как будто вы закрываетесь. Это так?

— Возможно.

Она указала мне на один из пыльных офисных стульев, и я сел, ощущая лёгкую усталость в ногах и сухость во рту.

Заметив это, она спросила:

— Выпьете?

— Мне бы воды.

— Если хотите, у меня есть немного старого рома.

В конце концов, мы к нему не притронулись.

Позади неё было большое окно, а за ним на ярком свете, приглушённом и золотящемся от медленно падающего песка, неподвижно стояли пальмы. Такой и была мечта Зиннов, пока её мужа не выбросило на берег в Калета-де-Кампос. Истериичность всё ещё отражалась на её лице. Я сказал, что сожалею обо всём этом, и она приняла это спокойно. Сам факт моего присутствия бросал долгую тень сомнения на её горе и, следовательно, делал моё присутствие оскорбительным.

— Выглядите немного староватым для такой работы, — сказала она, усевшись за единственный стол в комнате. — Разве Вы не на пенсии?

— Вообще-то да, — начал я. — Но один из старых друзей попросил меня об одолжении. Вы же знаете, как болезненно воспринимают страховые компании необходимость расплачиваться с вдовами. Не принимайте это близко к сердцу. Мне просто надо задать обычные вопросы.

Её взгляд проник прямо в сердце моей окутанной туманом немогности. На мгновение я почувствовал, что слабею, а затем вспомнил — запоздалая мысль, омытая печалью, — что я уже достаточно стар, чтобы суметь проигнорировать яркий свет её глаз и желание наброситься на неё.

— Давайте, — протянула она. — У меня есть час до обеда в Эль-Сентро.

Час: в ее устах это прозвучало как небольшая вечность. Это была бы пустота, которую ей пришлось бы заполнять любезностями, в то время как для меня это было непродолжительным пропуском в страну чудес, которая могла стать лучшим часом этого года. Теперь она уже чувствовала себя непринужденно, более расслабленно, как будто это нахлынуло на неё внезапно из ниоткуда, и это настроение отразилось даже в уголках её рта. Она успокоилась, как змея, нашедшая своё место под солнцем.

Итак, мы начали.

Мои вопросы вряд ли были оригинальными. Я спросил её о муже и их браке. Они были вместе семь лет; вместе владели бизнесом по продаже недвижимости, который, насколько я мог видеть (и вопреки её отрицанию), привёл к неприятностям. Детей у них не было; её родители жили в Масатлане, раз в неделю они ездили в Сан-Диего, чтобы поужинать в местах, которые любили посещать недавно разбогатевшие честолюбцы, таких как «Милле Флерс» в Ранчо Санта-Фе или тот же самый «Мариус», в котором я только неадвно побывал. Последний был их любимым местом для романтических ужинов пятничными вечерами. Когда Дональду погиб, ему был семьдесят один год, он был вдвое старше её. Не намного моложе меня, подумал я с мимолётной завистью. Он возлежал рядом с этой красавицей ночь за ночью, как Ганди среди своих nereид³³, безразличный к опасностям, грозящим его удаче.

Выплата ей составляла два миллиона долларов. И поэтому возникал вопрос, что она ими распорядится. Но об этом нельзя было спросить напрямую.

— Вам, должно быть, тоскливо здесь, — сказал я. — Это место, которое вы строили вместе с Дональдом. Поэтому Вы его закрываете?

— Конечно. Вы бы на моём месте оставили всё как есть?

— Конечно, нет.

— Это как жить в доме с привидениями. Я могла бы продолжить, если бы у меня хватило духу. Но не могу. Я устала.

— Вы всё продали?

— Так и есть, мистер Марлоу. Я продала всё компании под названием «Драгон Тауэрс³⁴». Они, вероятно, всё снесут и начнут сначала. Но как будет на самом деле, я не знаю.

— Жаль слышать.

— Дональд был бы потрясен. Но мне надо оставаться практичной.

— Разве не как всем нам? Я Вас в этом не обвиняю. Как говорится, всегда наступает время, когда надо двигаться дальше.

— Думаю, моё время как раз пришло. Не хотели бы Вы осмотреться? Думаю, что Вы всё равно об этом попросите.

Направившись к двери, она как-будто пыталась снискать моё расположение. Я улыбнулся, признал, что так и есть, и мы вышли на улицу, почти соприкоснувшись плечами. Жар на мгновение ослепил меня, и я почувствовал, что теряю равновесие. Из непродолжительной тьмы проступила озорная и приятная улыбка. Она была амбициозной Эйбл-Грэйбл, кокетничающей со старой развалиной и потому ей приходилось притворяться. Но всё же. Мы прошли по курорту под пронизывающим послеполуденным ветром, и я тяжело опирался на свою трость. Мои губы внезапно пересохла и сморщились, также как и глаза. Оставшаяся в бассейне вода дрожала и покрывалась рябью, а между шезлонгами начал скапливаться песок. Разрушение зашло далеко, но ещё не одержало победу. В баре у бассейна всё ещё стояли пластиковые бутылки «Столичной», а на окнах всё ещё висели занавески. Тем не менее, на границе участка песку удалось более успешное вторжение.

³³ Нереиды (др.-греч. Νηρηίδες) — в древнегреческой мифологии морские божества, нимфы, дочери Нерея и океаниды Дориды. Они часто сопровождают Посейдона, бога моря, и могут быть дружелюбными и полезными морякам, как например, аргонавтам в их поисках Золотого руна. Нереиды символизировали всё прекрасное и доброе, что есть в море. В мифах и произведениях искусства они представлены как очень красивые девушки, одетые в белые шелковые одежды, отороченные золотом, их головы украшены кораллами.

Интересно, что Ганди мог поделывать с nereидами?

³⁴ Драконьи башни (англ.) Семейное предприятие Таргариенов?

Чтобы газон не погиб, новая компания оплачивала остающиеся включенными поливальные машины.

— Подумать только, сказала она, — что Дональд сам разбивал эти газоны.

Лопатой и совком, подумал я, без всяких там мексиканцев?

— Вы ездили в Мексику, чтобы решить, что делать с телом? — спросил я, подумывая вывести ее из равновесия. Но она приняла это с тем невозмутимым спокойствием, которое, казалось, было ей присуще всегда.

— Да. Это было ужасно. Он был хорошим пловцом, поэтому я не понимаю, как это могло случиться. Вы когда-нибудь видели утопленников?

— Множество. Они выглядят такими безмятежными.

— Таким он совсем не выглядел.

— Ну, Вы знаете, как это может случиться — приливы и всё такое. Тут не имеет значения, насколько Вы хороший пловец.

— Тамошняя полиция сообщила, что он сильно пил и что, возможно, принимал на пляже какие-то наркотики. Вы знали, что у него в крови обнаружили марихуану?

— Да, мне сказали.

— Я должна была поехать с ним. Но рыбалка — это мужское занятие. Они с друзьями всегда ездили в Масатлан за марлином.

Это было сказано так небрежно, что мне понравилось, в этом не было упрека: она не возражала, что время от времени он занимался своими делами.

— Вы там с ним познакомились?

— Я работала официанткой в одном из клубов.

— Обычная истоория, — пробормотал я.

— В этом нет ничего плохого. Мужчины всё время женятся на официантках. Ничего необычного.

Такой взгляд на вещи был совсем не высокомерным. Мы подошли к большому парку, на создание которого в этой пустыне они потратили целое состояние, и за полив которого теперь платили «Драгон Тауэрс». Высокий дурман³⁵ затенял дорожку, сделанную из ракушек.

— Где сейчас прах Дональда? — спросил я.

— Здесь, у меня. Хотели бы взглянуть?

— Не особенно.

Она поморщилась, и её язвительность немного уменьшилась.

Я сказал:

— Кстати, мне жаль, что он так умер.

Я подумал, что с менее неоднозначным парнем этого не могло бы случиться.

— Я полагаю, Вы думаете, что у нас были проблемы, — однако продолжила она.

Мы шли под сенью дурмана, и его сладкий запах менял атмосферу между нами. Я чувствовал старый ритм очарования, начало танца, в котором я больше не был искусным партнёром.

---

³⁵ Дурман (лат. Datúra) — род растений семейства Паслёновые. Крупные травы, редко древовидные растения. Все виды дурмана — ядовитые растения; наиболее ядовиты цветки и семена.

— Ну, были, но это ничего не значит. Каждый человек в бизнесе проходит через периоды, когда возникают проблемы. Я уверена, что у Вас самих были подобные времена.

— На самом деле, я и сейчас прохожу через это.

— Тогда Вы понимаете. Это было просто временно.

«Тихоокеанская страховая» изучила цифры, провал курорта должен был исчисляться миллионами. Любезный Дональд занял в десять раз больше, чем мог когда-нибудь вернуть, и сделал это исключительно очарованием, тем самым, которое соблазнило молодую официантку на жизнь, сильно отличающуюся от той, которую она знала до того. На фотографиях, которые я видел, он был самым элегантным мужчиной в любой обстановке, по крайней мере, из средней лиги прекрасного и шикарного. Но в остальном он остался местным парнем с грязью Эль-Сентро под ногтями. Я был рад, что никогда не встречал его. Я бы его возненавидел так же, как и завидовал бы ему из-за жены. Многие из его предыдущих начинаний терпели неудачу, но каждый раз ему удавалось избежать полного разорения. Он был одним из тех обманщиков, которых я встречал на протяжении всей своей жизни. Заклинатель змей старой школы, из тех, чья кровь невосприимчива к яду. Его авантюры были по всей Мексике, и потому что там закон не так силен, и ему это могло сходить с рук: старая история, и Долорес знала это так же хорошо, как и я. А затем однажды ночью, часа в три, накачанный текилой и наркотиками, он отправился купаться на дикий пляж Калета-де-Кампос, и прилив, или медуза, положили конец его невероятной полосе везения. Прощай, *pendejo*³⁶. По воле судьбы он оставил свою молодую вдову обеспеченной, и по моему разумению в этом не было ничего плохого. Это было очень правильно.

Наша небольшая экскурсия закончилась у ворот, за которыми начиналась открытая пустыня с её слоями оврагов, сверкающих желтыми цветами чоллы³⁷. Гнетущие горы на горизонте придавали ей ощущение бесконечности времени и предзнаменование чего-то дурного, и ничего более.

— После того, как закончите здесь, Долорес, что дальше?

— Я ещё не решила. Может быть, я вернусь домой.

— Это никогда не бывает плохой идеей. Как думаете, чего бы хотел Дональд?

— Вернуться домой, без вопросов.

Но тогда где же, собственно, был дом? Она не была похожа на человека, у которого он был или который даже хотел его иметь. Это было в её глазах: изворотливость бродяги, постоянно движущиеся зрачки, которые напоминают вам яблоки, покачивающиеся на грязной воде. Но теперь ей, казалось, не терпелось избавиться от меня, и я почувствовал, как меня очень незаметно подталкивают обратно к воротам. Чтобы это замедлить, я спросил:

— Мне просто было любопытно узнать одну вещь.

— Да?

Её взгляд внезапно перестал быть недружелюбным или встревоженным.

— Просто хотел узнать, что Вам больше всего нравилось в Дональде. Я имею в виду, что Вас в нём привлекло, когда вы впервые встретились?

Она остановилась и задумалась над этим вопросом. И, в конце концов, рассказала, что однажды вечером в клуб «Крокодил» вошел мужчина в бордовом бархатном смокинге с двумя девушками и попросил коробку сигар. Это так избито, сказала она, но было так

³⁶ Мудак (исп.)

³⁷ Цилиндропунция (лат. *Cylindropuntia*) — род кактусов, распространённых в пустынях США и Мексики.

высказанно с такой уверенностью, что заставило её улыбнуться. В любом случае, что плохого в клише? Они служат своей цели. В этом был Дональд. Клише в смокинге, но с большим, нежным сердцем и ужасно голубыми глазами.

— О, у него были голубые глаза?

— Голубей не бывает. Голубые, как у младенца.

Мы отправились к главному офису, сквозь унылые арки проносился ветер, принося безжалостную жару, и мы прикрывали лица руками. Она не пригласила меня войти, а я был не в том положении, чтобы настаивать. Мой отрезок времени, отведенный ею, истёк. Трость поддерживала меня при порывах ветра, а песок летел мне прямо в глаза, когда она провожала меня до ворот.

— Не знаю, зачем Вас попросили приехать, — сказала она, оставаясь в тени, тогда как я рискнул вернуться на яркий свет.

— В полиции в Калета-де-Кампос все бумаги были оформлены. В посольстве их просмотрели и сказали...

— Они просто занимаются своим делом, Долорес. В этом нет ничего личного.

— Хотелось бы, чтобы так и было.

Я пожал ей руку, последовало почтительное прощание с вопросом, смогу ли я снова её увидеть, и вдруг она позвала охранника, чтобы он помог мне добраться до машины.

— *No me necesita*³⁸, — крикнул я ему в ответ, и он отстал. Она смотрела, как я уползаю обратно к своей машине, рука была сложена козырьком, чтобы защитить глаза от солнца и получше разглядеть номера. Я почувствовал, что она пытается их запомнить. Через неделю, может быть, через две, она уедет, и «Тихоокеанская страховая» понятия не будет иметь, куда она подевалась. Олицетворением спокойной элегантности и печали стояла в она в тени своих разрушенных ворот с поднятой рукой и поджатыми губами. Несомненно, рада избавиться от меня и защитить урну, стоящую где-то в её пустых комнатах. «*Hasta la vuelta*³⁹», — подумал я, но промолчал.

—

Уже смеркалось, когда я добрался до мотеля «Кон Тики» на Адамс-авеню в Эль-Сентро. Мотель мог похвастать неоновой зелёно-жёлтой пальмой, которая наклонялась к земле и начинала потрескивать с наступлением темноты. Двор был посыпан гравием и заполнен побитыми машинами *оки*⁴⁰, которые приезжают работать на салатных плантациях в Имperiал-Вэлли. Хозяева были китайцами. Их дочь играла на скрипке в задней комнате, что-то романтическое и русское, их жизнь продолжалась за задернутым занавесом. Я поднялся на второй этаж, открыл дверь, бросил сумку на кровать и заперл за собой дверь. Сейчас комната временно служила сауной. Я включил кондиционер, стены задрожали, и через полчаса она начала остывать.

У меня с собой была бутылка ржаного виски, я налил порцию в бумажный стаканчик и выпил, развалившись на кровати. По-своему это было достаточно хорошо, и, осмелюсь заявить, меня это расслабило. Как обычно и бывает. Свою трость я пристроил рядом с собой и часик вздремнул. В какой-то момент скрипка замолкла, и я, казалось, проснулся, но это был фальстарт: я всё ещё спал. Тёмно-красная луна висела над неровными рядами

³⁸ Здесь: Не надо (исп.)

³⁹ До первого поворота (исп.)

⁴⁰ Странствующие сельскохозяйственные рабочие (преим. из штата Оклахома)

мансаниты⁴¹, и в её свете ничего не было видно. Однако, когда я проснулся, было уже утро, а я всё ещё был в своей вчерашней одежде, покрытой пылью. Я не ел двенадцать часов и уже начал подсыхать изнутри. Семьдесят два года, подумал я, а ты в шесть утра всё такой же потрёпанный.

Я отправился в закусочную на Адамс и заказал чимичангу⁴² с жирными сливками и каркаде. На широкой аллее за окном не было ни одного прохожего; она была пуста, если не считать кружащихся в воздухе песчинок, которые принёс из пустыни ветер. И всё же сквозь них через то же самое окно проникал призрачный свет и падал мне на руки, которые лежали рядом с сахарницей. Ископаемое, одинокое на своей маленькой каменной кровати, свернувшееся калачиком, и как будто готовое к вечности. Такой же пережиток истории, как автобусы «Пасифик Электрик», которые когда-то бороздили дороги в Западном Голливуде. Пока я задавался вопросом, кто находился в оперенных стабилизаторах огромных машинах с затемненными окнами, урчащих по жаре под пальмами Адамс-авеню, появились мариачи: убийцы, неспособные найти свою утреннюю жертву. За двадцать или даже тридцать лет всё изменилось только внешне. Я также сидел у окна в 1971-ом году, смотрел, как мимо проезжают грузовики с сахаром, и удивлялся, почему мои руки стали так выглядеть раньше времени. В то время мой разум был поглощен размышлениями о технике, пригодной для убийства. Но годы отставки привлекли меня к более простым занятиям: поглощению виски, любительским телескопам и наблюдению за морскими свиньями, и я, и склонности мои немного изменились. Теперь вид за окном, у которого я сидел, вызывал у меня лёгкий интерес, и не более того.

Тем не менее, теперь, когда я повстречался лицом к лицу с настоящей миссис Зинн, меня это увлекло больше, чем накануне. Хорошая махинация подобна соединению двух химических элементов, которые вместе создают нечто гораздо более значительное, чем просто хорошая и просто махинация. Одно из этого может уже вернуть вас к жизни.

После, когда я направлялся в полицейский участок, в котором я знал одного детектива — лет за десять до этого мы вместе работали над одним делом, — я подумал, не стоило ли мне просто отправиться домой и позабыть обо всём этом. Но оставались деньги, которые мне были нужны, несмотря на то, что я говорил жлобам из «Тихоокеанской страховой». И то чувство, которое приходит, когда ты всё ещё не стал совсем бесполезным для окружающего мира. Так что я туда и отправился. Участок представлял собой низкое здание шестидесятих годов в нескольких кварталах от Империял-авеню, в вестибюле не было кондиционера, а на стенах висели многочисленные фотографии героев правоохранительных органов двадцатых годов, полицейские позировали на задних сиденьях своих машин с «томми»⁴³ и сдвинутыми набекрень шляпами. По потолку ползали необращающие внимания на снующих туда-сюда людей пауки, а в камерах спали несколько ворочающихся из-за жары бродяг.

Моего знакомого детектива звали Бонхоффер. Его лицо взирало на вас с тех же самых фотографий, но с течением времени оно стало менее выразительным и более измученным. Вместе мы работали над делом в Солтон-Си, в котором три человека были разрезаны на куски и утоплены в чемоданах, три мертвеца, оказавшиеся замешанными в торговлю наркотиками. Жена одного из них наняла меня, чтобы я нашёл её мужа, и я его нашёл. Но не там, где она надеялась. Бонхоффер был тогда из нас двоих более спокойным. Он никогда не ввязывался в драки и никогда не повышал голос. Аура страха, которая окружала его — и которой он совсем не сознавал — делала такую грубость невероятной,

⁴¹ Мансанита — общее название для многих видов вечнозеленых кустарников или небольшие деревья.

⁴² Чимичанга — популярное среди простого населения Мексики острое блюдо мексиканской кухни, напоминает собой буррито, поджаренное на сковороде или во фритюре.

⁴³ Пистолет-пулемёт Томпсона, изобретённый в 1918 году.

так же, как и его манера смотреть на вас одним глазом, тогда как, на самом деле, это было не так. Он предложил прокатиться куда-нибудь, где подают кофе на вынос.

— Выглядишь каким-то потрепанным, — сказал он в машине. — Стоит ли появляться на улице в таком виде?

— Со мной всё в порядке.

— Правда?

— В конце концов, это мой выбор.

— Это-то и хуже всего, — сказал он.

Снова был ясный день, и пустыня сияла меловой белизной, гарантированной безоблачным небом. Мы подъехали к перекрестку Юха и Сигнал Роуд. Местный Синай, сюда стекается весь мексиканский кокаин. Бонхоффер был в приподнятом настроении и казался толще, чем когда я его видел в последний раз. Жулик, запертый в тело честного полицейского, подумал я. И это ведь на всю жизнь. Я почти в это поверил, и решил, что это означает, что он всё-таки не жулик.

Когда мы вышли, потягивая кофе, на улицу и оказались в пустынной тишине, я спросил его, встречался ли он когда-нибудь с Дональдом Зинном.

Он слегка вздрогнул, а затем отвёл взгляд, как это делают люди, которые вообще не задумываются о столь отстранённых вещах.

— Ну, Зинны — здешняя старая семья. Дональд был из них самым колоритным. Конечно, я с ним сталкивался. Он столько раз садился за руль пьяным, чтои не упомнишь.

— Но до обвинений дело не доходило?

— Скажем так, именно поэтому мы болтаем об этом у чёрта на куличках. Дональд был одним из наших клиентов. Я бы не сказал, что он был насквозь прожжённым ублюдком. Мне даже нравилась его жена. Мне её жаль, и, возможно, ты испытываешь то же самое. Мне просто трудно поверить, что он мёртв. Мне казалось, что он смог бы открутиться и от смерти, стоящей на пороге. Действительно смог бы. Смерть бы отвернулась и предложила ему контракт, невыгодный для ада.

— Это был настоящий талант.

— Да, сэр, именно так. Но что до тебя, Филип, тебе, на самом деле, тут не место, гоняться за туманом и призраками. Не тот возраст. Сколько тебе предложили?

— Прилично.

— Разве ты не собирався в Мексику?

— Я там и живу.

— Но теперь вернулся из отставки?

Он прислонился к машине и положил руку на капот. Насколько хватало глаз, блестящие колючки чоллы образовывали своего рода цветущее минное поле, волнисто простиравшееся над оврагами. Ветер донёс слабый запах аммиака.

— Я бы не вернулся, — тихо сказал он, — если только это не просто, чтобы вернуться домой. Я слышал, у тебя есть дом недалеко от Ла-Мисьон. Так?

— Да, с недавних пор.

— Здесь, на севере, всё совсем по-другому, это точно. Ты правильно сделал, что убрался отсюда. Ты помнишь то тело, которое мы выловили из Солтон-си в 79-м? Оказалось, что это был итальянец, который занимался недвижимостью. Я слышал, что Эль-Сентро он подрался с Дональдом в баре. Но, это всего лишь слухи.

Возможно, он прав, подумал я.

— У тебя там нормальная жизнь, Филип. И ты слишком стар, чтобы выбивать из людей дерьмо. Возвращайся и отправляйся на рыбалку. Тебе не могут предложить слишком много. Или, может быть, тебе просто скучно.

— Вот это точно. Я никогда не думал, что на пенсии может быть так тоскливо.

— Что же тоскливого в том, чтобы делать то, что хочется?

— Может быть, я просто ещё недостаточно постарел. Иногда по утрам мне просто хочется сесть в машину и скрыться за горизонтом. Вот так. Глупо объяснять.

И не надо, сказали его глаза достаточно жизнерадостно.

— Разве у тебя там нет девчонки? Всегда ведь были.

— Это раньше.

— Ну, печальное начало.

— Ты знаешь, когда-то я был женат⁴⁴, но это меня не очень устраивало. Это выбивало меня из колеи.

— В том-то и дело, — пробурчал он.

Так ли это? Я так считал. Было ли это чем-то, о чём все всегда знали, тем, что подстерегало в супружестве за каждым углом?

Следующие несколько дней я провёл в Сан-Диего, обдумывая всё то, что он мне сказал, и, сделав несколько звонков людям, занимающимся недвижимостью, чьи имена я также узнал от Бонхоффера. Однако никто из них не был в игре. Это выглядело так, как если бы распространился слух, что Дональд пустился в бега, а за ним охотится бывшая ищейка, и пытаться склонить их к сотрудничеству не стоило потраченного времени. И я всё это время знал, что рано или поздно мне придется полететь в Масатлан. И совсем не возражал против этой идеи. Это было хорошее место, чтобы провести отпуск и поучаствовать в карнавале, который, как говорили, был одним из самых массовых в мире. Мне всегда хотелось на него посмотреть. Это, а ещё более яркое солнце и возможность наблюдать за дельфинами. Должно быть, я был там в последний раз в конце 50-х — начале 60-х годов. Годы могут перевернуть всё вверх дном или, что ещё хуже, расставить всё по своим местам.

---

⁴⁴ Похвальная преемственность. См. «Пудл-Спрингс».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Вот так и вышло, что за десять дней до карнавала я отправился в Масатлан с сумкой из крокодиловой кожи и бумажником, набитым банкнотами «Тихоокеанской страховой». В ту же сумку я упаковал свои немного старомодные устройства — небольшой радиопередатчик с подслушивающими устройствами, пару театральных биноклей и миниатюрный «минокс». В работе я всегда использовал театральный бинокль, поскольку, он не так заметен, когда за кем-то следишь. Также у меня с собой была трость, которой я пользовался постоянно с тех пор, как в 1977-ом сломал ногу, внутри неё находился японский клинок, изготовленный для меня на заказ в Токио местным кузнечным мастером. *Сикомидзуэ*⁴⁵, вдохновленный всеми теми фильмами о Дзатоити, которые я посмотрел в 60-х. У Дзатоити — оружие слепого; у меня — глубокой старости и бессильной хитрости.

Улицы в городе улицы уже были заполнены желтыми воздушными шарами и девочками, занимающимися под музыку пилатесом, а в тавернах уже были приготовлены небольшие коробки превосходных сигар. Я нашёл свою гостиницу среди разрушенных домов, взорванных ещё во время Революции⁴⁶, да так и не восстановленных, поднялся наверх со своими единственными сумкой и фляжкой, и распахнул ставни.

Последний бросок кости, подумал я, и не было лучшего места, чтобы утонуть или выплыть. Для меня это была та самая «старая страна», последнее волшебное место на земле, пуп мира.

Я уже знал, какую машину возьму напрокат, рестораны, в которые направлюсь, бары, отведённые для поглощения виски. Мой вес пойдёт вверх, и боги, определяющие красоту смертных, будут улыбаться, прикрывая рот ладонью. А Масатлан продолжал смеяться под Тропиком Рака.

На набережной толпа пребывала в хорошем настроении, а с нынешней позиции я мог видеть напоминающие сталактиты карстовые образования, зелёные как нефрит. Новый мир, залитый светом прошлого. Но когда я ехал из аэропорта, я заметил, что стены покрыты повторяющимися и мрачными граффити: *Fuera los corruptos!*⁴⁷ Нет, от них никогда не избавиться.

Несмотря на то, что перелёт из Сан-Диего не занял много времени, я принял ванну и покопался в списке друзей Дональда по спортивному клубу «Марлин». После того, как зацепки Бонхоффера были исчерпаны, я позвонил нескольким своим старым друзьям, занимающимся недвижимостью в Калифорнии, и получил от них кое-какие сведения. Все друзья Дональдо были американцами, за исключением нескольких богатых мексиканцев, которых, он, видать, держал наудачу. Некоторые из этих добропорядочных граждан знали его много лет, и предварительное расследование страховой выявило двух или трёх, которые могли оказаться более полезными, чем остальные. Таким человеком был, например, Эдвард Делаханتي.

Делаханتي владел в городе отелем под названием «Рубио»⁴⁸, по ночам местом шумным и подозрительным, и именно туда я отправился встретиться с ним, когда солнце опустилось за набережной, а настроение начало меняться к ночи.

⁴⁵ Холодное оружие для «скрытой войны». Представляет собой деревянную или бамбуковую трость со скрытым клинком.

⁴⁶ Мексиканская революция 1910—1920 годов (иногда датой окончания считается 1917 год) — период в истории Мексики, во время которого в стране шла гражданская война.

⁴⁷ Долой коррупционеров! (исп.)

⁴⁸ Светловолосая, блондинка (исп.)

Лет ему было столько же лет, сколько и Дональд, и время он любил проводить в своём баре, наблюдая за его работой. Мне показалось, что на голове у него парик, но это оказалось не так. В одном из салонов города его завили тонко как паутинку, а затем покрасили в цвет изрядно обжаренного баклажана. Можно было бы сказать, что на его собственный взгляд это было огромное улучшение по сравнению с данными ему от природы, хотя, конечно, всё было совсем иначе. Было восемь часов, и он был в рубашке с рисунком из пальм, с серебряными браслетами на запястьях и часами, напоминающими ёлочную игрушку. Под Тропиком дела шли неплохо. Многие любители глубоководной рыбалки приезжали туда провести свои сумрачные хемигнуэевские дни посреди шейкеров и девушек на опасно высоких каблуках, поражая всех своими волосатыми спинами и животами, и радуясь своим стаканам.

Я звонил Делаханти за два дня до этого, и он ждал меня, хотя мой внешний вид, похоже, не произвел на него впечатления, несмотря на всё великолепие моего страстного галстука.

— Выглядите как привидение, — первое, что сказал он, увидев мою трость, и пожал мне руку, не вставая. — Люди там всё еще носят галстуки?

— Мексиканцы.

— Давайте выпьем. Рекомендую «рубикон». Это наш фирменный коктейль. Поняли, «рубикон»?

— Он такой же красный?

— Грейпфрутовый сок с мескалем и чем-то сладким. Роза, *dos Rubicones*⁴⁹!

Я сказал то же, что и говорят в подобных ситуациях:

— У вас здесь неплохо.

Он скорчил гримасу.

— Тень былой славы. В наши дни Масатлан пошёл под откос — стал дружелюбным по отношению к приезжающим семьям.

— Я это заметил.

— Бывали здесь лет двадцать лет?

— Скорее тридцать. Да, именно так.

— Ах, динозавр — в лучшем виде! Мы с Дональдом часто ходили в «Камино Реал» и ели в «Чикита Банан». Это было его любимое место.

Принесли напитки, пугающе холодные, ярко-красные, их подали в бокалах для бренди.

— *Arriba, abajo, al centro*⁵⁰, — воскликнул он, поднимая свой бокал и касаясь им моего. — *Pa dentro!*⁵¹

Мескаль благоприятно подействовал на меня, и я вновь обрёл заряд бодрости на весь вечер.

— Так Вы приехали расспросить о Дональде? — Делаханти откинулся на спинку стула. — Я слышал о его смерти. Сначала я подумал, что его сожрала акула. Но теперь говорят, что он утонул, приняв на пляже несколько рюмок. И скажу, что это не самая худшая смерть. Ни в коем случае.

— А когда он в последний раз был в Масатлане?

⁴⁹ Два «рубикона»! (исп.)

⁵⁰ Вверх, вниз, в центр (исп.)

⁵¹ Здесь: внутрь (исп.)

— На той же неделе. Он всегда приезжал сюда немного порыбачить, а потом отправлялся на побережье.

— А что ему надо было на побережье?

— А зачем туда вообще отправляются? Девушки и наркотики. Он не был чистым сердцем серфингистом. Те отправляются в Фаро-де-Буцериас. Калета — это место, куда отправляются за «Золотом Акапулько⁵²». Его выращивают там на холмах. К тому же там можно поставить яхту на якорь.

— Значит, он был не на машине?

— На машине? Он сел там на яхту. Он и его друг Деннис Блэк. Они всегда ходили без жён. Блэк, полагаю, сейчас находится в Мансанильо. Он там швартуется на зиму.

— Значит, они отправились вместе?

— Наверное, это была их ежегодная традиция. Я много слышал об этих путешествиях на яхте Блэка. Интересно, рассказывал ли Дональд когда-нибудь своей жене?

— Интересно, спрашивала ли она?

— Сам я никогда с ней не встречался. Даже несмотря на то, что она откужа-то отсюда. Она хорошенькая?

— Слишком хороша для таких, как мы.

Он улыбнулся.

— Приятно слышать. Рад, что Дональд не подвёл команду. Теперь, полагаю, она богата. От гринго есть польза.

Он повертел стакан в руке и уставился на кровавое ледяное месиво.

— Все честно, — сказал я. — Мы ведь покупаем их время, не так ли?

— Думаю, мы уже дошли до этого.

— Иначе бы их не было рядом.

— А разве это не так?

Но, однако, похоже, это его не беспокоило.

— Вот что я Вам скажу, — продолжал он. — Отправляйтесь в клуб «Марлин» и поспрашивайте там о Блэке. Там точно знают, где он. Вероятно, сможете найти его где-нибудь на побережье. Он проводит там всю зиму, переходя из порта в порт. Есть группа таких людей, которые проводят вот так на яхтах весь сезон. Мы называем их «Дикая банда». Потрясающий фильм, Вы смотрели?

— Конечно.

— Вероятно, они закупают у местных дилеров наркотики, которые продают на обратном пути. Такие ходят слухи. Но я-то всего-навсего просиживаю круглые сутки в баре, а это значит, что я знаю не так много, как мне кажется.

— Я думаю, Вы знаете достаточно. И мне хотелось бы угостить вас еще десятью напитками. Или хватит и девяти? Официант...

— Он мой, — прорычал он.

Я попросил его высказаться мне, что он думает о Дональде, и он мог быть честным, поскольку этот человек был уже мёртв.

— Дональд? Самый щедрый человек в мире. Великодушие его и сгубило. Он любил всех этих паразитов вокруг себя. Я видел, как он тратил тысячи долларов за ночь на людей,

---

⁵² Сорт конопли.

которых никогда раньше не встречал. Если это болезнь, может быть, для неё есть название?

— Уточню это позже.

— Лично я думаю, что к концу он просто хотел умереть. Просто становишься слишком старым, и когда подходишь к этому моменту, внезапно отбрасываешь все угрызения совести по поводу смерти и добиваешься конца любым возможным способом.

— Он так и поступил?

— Возможно. Мужчина среди ночи отправляется купаться в не самом безопасном месте — вероятно, ещё и после литра текилы.

— Выглядит так, — сказал я, — как будто у него была здесь своего рода другая жизнь. Может быть, на севере никто об этом и не догадывался, и он предпочел, чтобы всё так и оставалось.

— Может, так и было.

Он второй раз улыбнулся, и намеренно поймал мой взгляд, в глазах его было чистое веселье. Каждый человек вынашивает идею о жизни в другом месте или времени. Сколько лет мне приходила в голову одна и та же идея? О месте, где я мог бы носить фальшивые усы и быть доном Филиппо, месте, где не надо было бы платить налоги, и где кожа не чешется от воспоминаний.

— Скажите мне, Филип, Вы относитесь к этому как к отпуску? Я бы на Вашем месте так и сделал. Вы ничего не найдёте в Калета-де-Кампос. Федералы здесь, на юге, — старые славные парни, Вы же знаете. Дай им взятку, и будут нести, всё что захотите, ни к чему не это приведёт. Дональд знал, как поступить.

— А как он поступил?

— Я думаю, с него достаточно. А как насчёт Вас — что-нибудь ещё? Девушку на ночь? Могу посодействовать.

— Я сейчас не в форме, — сказал я, взмахом руки отказываясь от его предложения. — Но всё равно спасибо.

— Тогда ещё «рубикон». Роза, *dos Rubicones*.

Я подумал, что с таким же успехом могу наслаждаться и этим. Как он и сказал, я был в отпуске. Это было совсем не похоже на все тяжкие моих прежних рабочих поездок. Подсветка у меня давно перегорела, и так мне даже нравилось больше, потому что теперь не было необходимости её постоянно включать. Мой глаз уже не реагировал, как ртуть в градуснике, на внезапное появление женщин; я остыл. Я смотрел на мир вокруг себя более расчётливо. Это была тайная жизнь Дональда за границами брака. Маленькие танцполы с доступными женщинами, танцующими кумбию⁵³ под мелодию «Эль Тропикомбо», коктейли из мараскино⁵⁴ с бумажными зонтиками, дым, покинувший чужие лёгкие. Ночи с «Дикой бандой» в городе и в открытом море. Я начал лучше узнавать Дональда Зинна, человека, который уже умер.

— Вам бы понравился Эль Дональдо, — продолжал Делаханте, каким-то образом прочитав мои мысли. — Вы бы вместе хорошо провели время. Может быть, даже появились бы какие-то общие знакомые. Никогда не знаешь наверняка. Байки-то он умел травить.

Ага, а теперь и в преисподней.

— Я давно выпал из этого круга, — сказал я. — Когда-то у меня этого было сполна. Теперь я живу рыбалкой и ресторанами.

⁵³ Колумбийский музыкальный стиль и танец.

⁵⁴ Сухой фруктовый ликёр.

— Жаль, конечно, что это случилось с Дональдом. Думаю, и вспоминаю одну из его шуток. Смысл примерно такой: черепаха обращается в полицию после того, как на неё напала стая улиток. Черепашья полиция спрашивает, что же случилось. Черепаха в замешательстве. Не могу, говорит, вспомнить, всё произошло так быстро...

Он со стуком опустил на стол свой стакан, и его глаза яростно блеснули перед неизбежным взрывом смеха.

— *La chingada!*⁵⁵

— Не удивлюсь, если он всё это подстроил.

Я прикончил свой «рубикон», и это, на удивление, мало на меня повлияло.

— Так Вы собираетесь в Калета-де-Кампос, чтобы пойти по следу? Мне сказали, что тело было кремировано прямо там, на месте. Это так? Интересно, что происходит, после того, как вас прибудет мёртвым к берегу? Разве вас не опознают, не уведомляют посольство, а затем не отправляют домой?

— Похоже, что не всегда. Может быть, на то есть причины. Я слышал, это маленькое поселение — тяжело добраться до внешнего мира.

— Он хорошо выбрал место, правда?

— Похоже на то, — сказал я.

Делаханти на мгновение поднял взгляд на стену, на часы, цифры которых были сделаны из маленьких бутылочек.

— Интересно, где он сейчас? — улыбнулся он. И это был вопрос, на который действительно можно было найти ответ.

—

На следующее утро я взял такси и отправился в клуб «Марлин». Он располагался на побережье к северу от отеля «Плайя» в направлении к пристани для яхт, являвшейся неофициальным клубом для частных рыболовецких судёнышек, пришвартованных внутри неё, и принадлежащих американцу по имени Ронни Шугар. Сам Шугар был там, толстый и в то же время достаточно мускулистый, чтобы управляться с удочкой с боевого поста рыболовной лодки. Теперь же, оказавшись на суше, его чудовищная фигура располагалась в шезлонге под солнцем, лицом к двум тенистым островам, которые поднимались перед нами из моря, а на пальцах руки, прикрывавшей его глаза, были ацтекские кольца. Он захотел узнать, кто я такой, и мне пришлось призвать на помощь всё своё умение очаровывать, чтобы, в конце концов, заставить его признаться, что он знаком с мистером Блэком. К счастью, моё имя ему ничего не говорило.

— И что тебе надо от Денниса?

Моя тень падала на него, потому что он не пригласил меня сесть, и поэтому что-то в нём напоминало Диогена. Попросит ли он меня не заслонять ему солнце⁵⁶?

— Делаханти предположил, что Вы, возможно, знаете, где он сейчас. Я из страховой компании, но это к нему не имеет никакого отношения.

— Это из-за Зинна?

— А его тут хорошо знали?

⁵⁵ Выражение, обычно используемое в разговорном мексиканском испанском, относящееся к различным условиям или ситуациям, и имеющее, как правило, негативный смысл.

⁵⁶ По легенде, когда Александр Македонский при встрече предложил Диогену выполнить любое желание, тот попросил его отойти в сторону, так как Александр заслонял ему солнце.

— Сам убедишься через пару минут. Он не из тех, кто скрывается. Но на твоём месте, я бы вёл себя осмотнительно. На свои лодки я перестал его пускать.

— Почему?

— Любит играть с мачете. Есть два способа убить крупную рыбу: хороший и плохой. Понимаешь, о чём я? А теперь, если не возражаешь...

— Ещё кое-что. А Вы сами хорошо знали Зинна?

Он воспринял это с усталой невозмутимостью.

— Он рыбачил на моих лодках, если ты это имеешь в виду. Я не запрещал ему напиваться. Он был плохим рыбаком, но ему нравилось общество. Собираешься спросить меня, что я о нём знаю. Ничего. Думаю, у него были какие-то дела с недвижимостью на побережье, но это не моё дело. Нет, его жена никогда не приезжала с ним. Он был наркоманом, но я видал и похуже. Это немного не вяжется с его возрастом. Но он так и не повзрослел. Я бы назвал его ублюдком, потому что однажды он самым отвратительным образом обошёлся с одной из моих лодок. Я никому не позволяю так делать. Это была его неприятная сторона. Но так поступают многие.

— Мне кажется, что он был немного мешуга⁵⁷. Так?

Его лицо омрачилось, и он подумал, не смеюсь ли я над ним.

— Ты имеешь в виду, что он был сумасшедшим?

— Да, просто не дружил с головой.

— Ну, можно и так сказать. Мешуга! Ты говоришь так, как будто тебе до сих пор двадцать пять, Марлоу. Это жаргон времён Ледникового периода?

— Старые привычки и всё такое.

— Нет, мне это нравится. И этот обалденный старый костюм, который на тебе, старина. Когда его пошили? В День «Д»⁵⁸?

Я взглянул на себя со стороны и сам себе удивился. Конечно, широкие полосы цвета мела и завышенная талия, но, по крайней мере, ни намёка на zoot⁵⁹. Я всегда одевался консервативно. Старые добрые изделия от «Харт Шаффнер & Маркс, Нью-Йорк», но, возможно, он и прав, и я позволил годам пролететь под моим мостом, не заметив этого.

— То, что подходит, не может выглядеть плохо.

— И все же, сейчас восемьдесят восьмой, приятель.

— А что насчёт Зинна? Он одевался по моде?

— Он был довольно крут. Круче тебя. Но, как я вижу, ты более приятный в общении человек.

— Значит, время от времени он поправлял парик, — сказал я. — Это не тяжкое преступление. Мы все так поступаем, не так ли?

— Нет, мы так не поступаем. Он — ублюдок, и мне на него наплевать. Но и с Вами я не хочу обедать, мистер Марлоу. Я хочу, чтобы Вы отправились своей дорогой. Блэк сейчас в Пуэрто-Вальярте, если хотите знать. Как Вы знаете, это на побережье, так что Вам по пути. Если найдёте его, не говорите, что это я Вам сказал. Или я отправлюсь туда и сам убью Вас.

---

⁵⁷ Сумашедший (идиш).

⁵⁸ 06 июня 1944 года — дата высадки союзных войск в Нормандии.

⁵⁹ Стиль одежды, особенно популярный в США у представителей национальных меньшинств, в 1940-е годы.

Под ярким полуденным солнцем я спустился в отель «Плайя» и пообедал недалеко от пляжа: энчилада суизас⁶⁰ с белым соусом и бутылкой белого вина «Баха». Это был мир, в котором жил Дональд Зинн, но до сих пор никто не выразил подлинную скорбь по поводу его ухода. Казалось, он производил на всех впечатление взрослого подростка, чей истинный характер остаётся полной загадкой. Через пол-бутылки я попросил администратора отеля позвонить в заведение под названием «Кончас-Чинас» в Пуэрто-Вальярте, так называлась деревня, где оно находилось, и забронировать мне на пару ночей номер. Туда было чуть больше четырех часов езды на арендованной машине, и я хотел попасть туда этим же вечером. Мною двигал инстинкт. Блэк был там, и я хотел загнать его в угол до того, как попаду в Калета-де-Кампос.

В конце концов, это оказалась более чем долгая поездка.

Жара доконала меня, а длинная прямая дорога, покрытая белой пылью действовала мне на нервы. Как обычно, повсюду были лачуги из листов железа, расположенные одна за другой, мимо которых за машинами бегают дети, чтобы заполучить монетку. Сезувиум⁶¹ придавал трущобам фальшивый вид садов.

На зелёных перекачивающихся холмах я остановился среди обычных заброшенных строений в лугах, поросших маками, и широко зевая, улёгся. В зарослях кукурузы поднимались в тёмно-синюю высь высокие раздвоенные сагуаро, а я спал, положив рядом с собой на горячую примятую траву трость с серебряным набалдашником, и мне снились те, кого я встречал целую жизнь назад. Иногда они лежали в полях, немного похожих на это, иногда падали в барах, получив пулю в висок. Несчастные могут умереть где угодно, и часто они выглядят как спящие дети, с лицами, которые были мне знакомы, когда они ещё были живы.

---

⁶⁰ Энчила́да — традиционное блюдо мексиканской кухни, представляет собой тонкую тортилью из кукурузной муки, в которую завернута начинка.

⁶¹ Сезуви́ум — род растений из семейства Аизовые. Представляет собой лежащие многолетние травы с одиночными цветками.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пуэрто-Вальярта вызывала у меня всё большую сильную ностальгию по мере того, как я становился старше, а город на вид молодел. На самом деле его золотой век пришелся примерно на 1964 год, время «Ночи игуаны»⁶², тогда я провёл там много золотых дней. Теперь все люди, которых я когда-то там знал, либо умерли, либо уехали. К югу от города лежала деревня Кончас-Чинас, где как раз и снимался этот фильм, её старые гостиницы стояли на вершинах скал, которые обрывались в бензиново-синее море. Кажется, это было в 1958 году, когда я приехал сюда с Моной Котцен, девушкой, которую я подобрал в Лос-Анджелесе, работая над делом Смитсона. В то время ей, должно быть, было двадцать три года, чудо, которое я встретил в Уитли-Хайтс, разговаривая с её отцом, а потом я увёз её на своей божественной колеснице в каменистые бухты, где волны всю ночь разбивались о скалы. Что мы говорили друг другу теми ночами? Должно быть, это были важные и красивые слова, но теперь я не мог вспомнить, какие именно. Слова, как и Мона, растаяли в воздухе. Но отель и его владелец, с которым я подружился много лет назад, всё ещё оставались на месте. Дэнни Комбс, любитель цветастых рубашек, обладатель сломанного носа и ярких глаз был из тех, кто так легко не умрёт.

Я снял номер с видом на бухту и маленький частный пляж с покрытыми напоминающими блестящие органые трубы кактусами утёсами, с которых местные мальчишки на мгновение взмывали в воздух, прежде чем с ножами в зубах опуститься в прибой подобно зимородкам, и всё исключительно для удовольствия гостей. Такое же они проделывали и в прежние времена. Из бара отеля доносился звук маримбы. Солнце садилось за похожие на копыта заросли агавы, когда я уселся ужинать у себя на балконе.

У богатых есть свои скрытые ото всех особняки вокруг Пуэрто-Вальярты и дальше по побережью в таких местах, как Коста-Карейес и Тенакатита. Дома, такие же красивые, как и в Провансе и расположены на побережье, напоминающем Лазурный берег. Владельцы часто приезжают в Пуэрто, чтобы поужинать в элегантных ресторанах, даже несмотря на то, что дорога в оба конца занимает много времени. Многие из них остаются на ночь в Кончас-Чайнас.

Мне потребовался час, чтобы выяснить, что яхта Блэка была пришвартована у пристани Парадизо в Нуэво-Вальярте к северу от центра, и что он каждый вечер отправляется со своей девушкой в город, чтобы поужинать на террасе крыши отеля Чез-Елена. В девять я подошёл к пристани в темно-синем блейзере с медными пуговицами в надежде застать его на яхте, но там мне сказали, что этим вечером на «Дип Блю Дэвил» намечается небольшая вечеринка. Мне показали, где яхта, и я прошёл по пристани со своей тростью, сопротивляясь небольшим артритным спазмам, которые когда-то меня мучили, а сейчас опять вернулись. Когда я оказался у трапа, то увидел, что это была вовсе никакая не вечеринка со множеством гостей, а всего лишь мужчина средних лет в обществе мексиканской девушки и, вроде как, капитана судна в кремовой униформе. У мужчины средних лет — Блэка, как я предположил, — было загорелое лицо пирата с нелепой крашеной эспаньолкой и бровями, как будто нарисованными кистью каллиграфа. В человеке, борющемся с признаками старения, всегда есть что-то из плохого водевиля. Но одет он был безупречно. Они сидели втроем за стеклянным столом с бутылкой рома «Джав», играли в карты и слушали Боба Дилана. Блэк был в свитере йельского университета с V-образным вырезом, белой рубашке под ним и хрустящих белых брюках и

---

⁶² «Ночь игуаны» (англ. The Night of the Iguana) — художественный чёрно-белый драматический фильм режиссёра Джона Хьюстона, экранизация одноимённой пьесы Теннесси Уильямса. Премьера фильма состоялась 6 августа 1964 г. Главные роли исполнили Ричард Бёртон, Ава Гарднер и Дебора Керр.

тёмно-синих парусиновых туфлях от «Сперри». И в самом деле, в нём было что-то почёрпнутое из «Официального руководства по созданию опрятного образа», как будто Лиза Бирнбах⁶³ писала именно о нём, когда инструктировала наше поколение о том, как надо правильно выглядеть. Это было не то, чего я ожидал, но тогда я и сам не был уверен, что, собственно, я собираюсь увидеть. Сама сцена была по-джентльменски степенной, погружённой в атмосферу старинной рассудительности. Был даже бар, любезно расположившийся у стола, с шейкерами, длинными ложками для смешивания и явно дорогой стеклянной посудой. Все трое одновременно подняли глаза, когда я появился у подножия трапа, и из ниоткуда, призванный общим чувством тревожности, появился дворецкий и обратился ко мне с филиппинским акцентом: «Да, сэр?»

Девушка захихикала, возможно, потому, что я был одет немного не для такого случая, а мужчина средних лет, которого я принял за Блэка, поднялся со стула и подошел к краю лодки, чтобы получше меня рассмотреть. Внезапно он улыбнулся.

— Эй, там. Мы вас знаем?

Я изложил свое дело, сделав это так любезно, как только мог, и притворился другом Зинна, а не тем, кто ведет его расследование. Опять же, моё имя не вызвало никаких подозрений.

Блэк повернулся к своим товарищам.

— Он говорит, что он друг Дональда.

Девушка была настроена скептически.

— В самом деле?

Блэк снова повернулся ко мне.

— Вы явились сюда совсем один без звонка? Довольно странно с Вашей стороны. Но лично я не имею ничего против. Не поднимитесь на борт выпить?

Дворецкий помог мне подняться по трапу, мои ноги чувствительно напрягались. Яхта была красивая, на несколько миллионов, и, если я не ошибся, то «Найт энд Карвер Ривьера». Когда я уселся с ними, Блэк попросил дворецкого приготовить мне «Кампари» с содовой, они пили именно это, и задал неизбежные вопросы обо мне и Зинне — знаем ли мы друг друга по Сан-Диего? Я сказал, что знал его много лет назад, и так как я случайно оказался на пути в Акапулько, то решил узнать, как он умер. Было печально об этом услышать.

— Как и нам, — вздохнул он. — Я сам узнал, когда был в Мансанильо. Можете себе представить...

— Так вы не вместе путешествовали?

— С чего Вы взяли. Нет, насколько я знаю, он был сам по себе. Это довольно дикое место, Калета. Одно из укрытий Дональда. Само собой, мы и сами там иногда встаём на якорь, обычно зимой. Милая маленькая бухта с милыми барами на пляже. Можно купаться прямо с яхты.

— Интересно тогда, как же он там очутился в июле?

— О, да сел на одну из попутных яхт. В это время туда многие собираются. А потом купаются пьяными — так и происходят несчастные случаи.

— Это кажется немного глупым.

---

⁶³ Лиза Р. Бирнбах — автор, наиболее известная как соавтор вышеупомянутого «Руководства» (1980) — ироничного юмористического справочника, в котором обсуждается, в т.ч., субкультура в Соединенных Штатах, связанная с выпускниками старых частных подготовительных школ в Новой Англии.

Девушка смотрела на меня снизу вверх, прохладно и подозрительно. У меня было такое чувство, что она меня сразу раскусила. Её глаза были по-кастильски тёмно-зелёного цвета, как монеты, опущенные в холодную воду.

— Вы за рулём? — жизнерадостно спросил Блэк. — Отличный способ путешествовать. Надо самому как-нибудь попробовать. Правда, говорят, что ночью на дорогах становится беспокойно. Кое в каких местах не следует появляться после девяти часов.

— О?

— Похищения и всё такое. Неприятная сторона жизни. На Вашем месте я бы ездил только в дневное время.

— Даже не в сумерки, — наконец подала голос девушка.

Её звали Эльвира, а произношение было американским.

— Сначала, — сказал я, — я решил, что Дональда похитили. Признаюсь, что это было первое, что пришло мне в голову. Подозреваю, что у него было достаточно врагов, и они легко могли похитить его ради выкупа. Я бы нисколько не удивился. Жаль — он был прекрасным человеком. Не так ли, Эльвира?

— Он был развратником, давайте взглянем правде в глаза.

Блэк рассмеялся.

— Они так жестоки к мёртвым. К живым тоже, задумайтесь над этим. Но он действительно был немного развратен. Так же, как и я когда-то. А что насчёт вас, мистер Марлоу?

— Вы меня поймали.

— Значит, слепой судит слепого. Нет ничего плохого в том, чтобы быть немного развратным. По крайней мере, его убили не за это.

Но, как мне показалось, этот вопрос оставался открытым.

— К сожалению, Марлоу, каждый год здесь умирает довольно много стареющих белых мужчин. Своего рода ежегодная жатва. Если учесть, зачем они здесь, это неудивительно. Они приезжают сюда за острыми ощущениями и находят их. Вот и всё, что я могу сказать.

— Довольно мрачно, — солгал я.

— Как есть. Задайтесь вопросом, действительно ли это то, чего все они хотят в глубине души? Где-то придётся умереть, так почему бы не здесь? Я бы сказал, что, учитывая обстоятельства, это довольно неплохое место для смерти.

— Не могу представить себе более красивого места. Может быть, Капри? Но кто может позволить себе умереть там?

Он поднял свой бокал, чтобы провозгласить тост за ушедшего Зинна.

— За Дональда, может теперь он рапутничает в райских кущах!

Дворецкий подал несколько маленьких мексиканских сэндвичей, и я спросил о жизни американцев на побережье. О мире собравшихся под Тропиком Рака загорелых мужчин в пиджаках с широкими плечами, любящих сигары, охотиться на марлинов и преувеличивать свои победы на любовном фронте.

— Приходят, уходят, — продолжал Блэк. — Всем что-то нужно в этом мире, что-то такое, чего мы не можем получить дома. Я не стал бы жить в Штатах, даже если бы мне за это платили поминутно. Можете себе представить, как закончите там свои дни в больнице? Или, как пытаетесь оплатить ночь страстных желаний? В какой-то момент вы устаете от всех этих вечно недовольных подростков. Устаёте от того, что ночью удалось поспать пять часов, от бесконечного пустого шума. И тогда вы бежите за границу. Когда я вижу тысячи людей, бегущих в противоположном направлении, мне вспоминаются некоторые факты человеческой природы, которые не внушают оптимизма. Но вы должны примириться с

миром и найти свое место для смерти. А пока можно просто немного раздвинуть границы дозволенного.

— Не знаю — независимо от того, как сильно вы их раздвигаете, они всё равно существуют.

— И ещё, — продолжил он другим тоном, — Вы, кажется, слишком интересуетесь нашим общим другом. Или, как говорится, просто шли мимо?

— Да, вот, собственно, и всё.

Я взглянул на часы — классический приём — и издал ритуальный вздох. Пора двигаться дальше. Я шевельнулся, и дворецкий бросился ко мне, чтобы помочь подняться. Но Блэк жестом его остановил.

— Мы отправляемся в Мансанильо, — спокойно сказал он. — Можете присоединиться к нам, если хотите. Можем даже пройти мимо Калеты — как Вам?

В приглашении была угрожающая нотка, как у сжатого кулака в очень красивой перчатке.

— Спасибо за предложение, но я не люблю яхты — клаустрофобия.

— Хорошо. Сэм, не мог бы ты помочь мистеру Марлоу спуститься по трапу? Похоже, его трость будет ему только мешать.

Я отвесил им старомодный поклон и внезапно осознал, что на лице у меня блестит пот, и какой, судя по всему, это должно было произвести эффект в нездоровом свете жёлтых палубных ламп.

— Вы дрожите, — сказал Блэк, когда дворецкий повёл меня к трапу. — Признаю, наш Сэм делает крепкий «кампари» с содовой. Но так...

— С Вами всё в порядке? — спросила девушка.

— Уже иду, — ответил я и пожелал им *a hasta la vuelta*⁶⁴.

Я приподнял свою трость, как будто одновременно приподнимая плащ, и поднялся на свои усталые ноги. Уход мой оказался достаточно шикарным.

На terra firma⁶⁵ дворецкий бросил на меня встревоженный взгляд.

— Вы знаете, как вернуться в город? — спросил он.

Но вопрос, казалось, скрывал другое — это было необычно закодированное предложение уйти как можно быстрее и не возвращаться. Мне захотелось отблагодарить его за это, и, в конце концов, он проводил меня к машине.

— Любопытный парень, твой босс, — сказал я по дороге. — Он ест на завтрак живых скорпионов? Мне просто любопытно.

— Нет, только круассаны.

— Я поражён. Вы в самом деле завтра отплываете в Мансанильо?

— Нет, сэр.

— Что ж, передай им всем мои наилучшие пожелания.

— И Вам счастливого пути, сэр.

Как бы то ни было, я остался в «Кончас Чайнас» ещё на одну ночь, а следующим днём разнюхивал по городу, расспрашивая о Дональде Зинне. Но он был человеком-которого-никогда-не-было. С наступлением сумерек я выпивал на балконе и наблюдал, как внизу мальчишки, как маленькие тарзаны, ныряют в бухту и подумал, что они, должно быть, внуки тех мальчишек, которых я впервые увидел здесь в 1958 году. Время было жестокое, да и сам я изменился к худшему. Мои руки дрожали, когда тянулись к солонке. Может

⁶⁴ Здесь: счастливого возвращения (исп.)

⁶⁵ Твёрдая почва (лат.)

быть, Блэк был прав, и Тропик был тем горшочком с медом, в который попадали мухи и в котором они тонули, и, если уж на то пошло, мы с Зинном не так уж сильно отличались друг от друга. Убегающие люди, убогая мелюзга с длинным шлейфом прошлого, которое стоило бы позабыть. Только Зинн нашёл свой выход и способ обеспечить свою молодую вдову: если ещё раз взглянуть на это, то это не так уж и бесчестно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В полдень я остановился в Куютлане, чтобы купить на рынке бутилированной воды. Его улицы пламенели от огненных виноградных лоз и коралловых деревьев. С моря дул свежий солёный ветер, а вдоль высоких бордюров перед выбеленными известью домами стояли женщины с ацтекскими лицами, продавая гордитас⁶⁶, фаршированные измельченным, наполовину пережаренным кокосом, и корзины с красными лепестками того же кораллового дерева. Это место отличалось от Пуэрто-Вальярты. Я чувствовал себя ослеплённым и посвежевшим одновременно, моя трость стучала по булыжникам, а мысли путались. Неподалеку возвышался священный вулкан Колима, а голоса на улицах нашёптывали на наутль⁶⁷. Всё так, как и должно было быть в тени этого вулкана. Кокосовые рощи окутывали землю под ним потусторонней прохладой, сквозь них небольшими ручейками спускавшейся к морю.

Дальше дорога стала извилистой, петляя по лесу то вверх, то вниз, и, по крайней мере, один раз я остановился, чтобы позволить тарантулу пересечь дорогу подобно тому, как вы бы остановились, пропуская старушку. Горы скатывались к побережью, на котором буруны разбивались о пляжи, заваленные корягами, а их склоны были покрыты призрачными деревьями, напоминающими кисточки для бритья с распутившимися цветами.

Когда солнце приблизилось к зениту, я увидел Калета-де-Кампос, лежащую на фоне диких холмов с красотой, созданной с исключительной небрежностью. Это была сонная деревня, построенная вокруг двух отдельных бухт, соединявшихся несколькими грунтовыми тропинками, и там, где эти тропинки сходились, стоял небольшой отель под названием «Лос-Аркус⁶⁸». Но на склонах, спускающихся к морю, дома казались в основном заброшенными. За отелем была деревенская площадь и кантина⁶⁹, а за ней дорога и горы, поросшие кактусами. Это было поселение, чьё население состояло максимум из сотни, может быть, из нескольких десятков человек, и, в любом случае, под неоновым светом полудня на улицах никого не было видно.

Я припарковал машину под деревом у отеля и вошёл в вестибюль. Вентилятор разгонял воздух, а за письменным столом, положив голову на сложенные руки, спала девушка. Я не был уверен, каким образом стоит её разбудить. Наконец я закашлялся. Она пошевелилась, без смущения приоткрыла один глаз и сказала:

— *Buenas*⁷⁰.

Я попросил номер с видом на море.

— *No hay*⁷¹.

— Хорошо, тогда номер без вида на море.

Она дала мне ключ и позволила самому занять номер.

Оказавшись там, я распахнул ставни. Отсюда открывался прекрасный вид на море. Затем я спустился обратно в вестибюль и обнаружил, что она снова спит.

От входной двери отеля грунтовая дорожка вела вниз, к разрушенным виллам и главному пляжу. Я направился к нему. Вскоре в поле зрения появилась причальная стенка с

⁶⁶ Мексиканская уличная еда в виде небольших лепёшек с начинкой или без.

⁶⁷ Одна из основных групп южно-ацтекских языков.

⁶⁸ Арки, своды (исп.)

⁶⁹ Тип бара или кафетерия, распространённый преимущественно в Испании или Латинской Америке.

⁷⁰ Привет (исп.)

⁷¹ Нет (исп.)

надписью *Cerveza Corona*⁷², написанной белыми буквами во всю её длину. Слева пляж изгибался к мысу, покрытому еще большим количеством разрушенных домов, а вдоль него стояли палапы с гамаками. В защищённой от ветра бухте вода была спокойна. Я спустился по склону на пляж, снял обувь и побрел вдоль полосы прибоя. Всё это место, казалось, находилось под действием сонных чар. Тропинка вела к мысу через заросли низменных кактусов. Так вот где Дональд встретил своего создателя. Палапы, без сомнения, были местом, где он устраивал свои ночные вечеринки на протяжении многих лет. Я вернулся к ним и выбрал себе место. Никто не вышел, чтобы принять у меня заказ. Полчаса спустя я прошёл вдоль причальной стенки до самого её конца. Когда я туда добрался, то обнаружил старика, который в полном одиночестве рыбачил на берегу моря. Тогда я и понял, что всё это время он наблюдал за мной.

Я уселся у стены в тени собственной шляпы, и мы вместе стали смотреть на воду. В конце концов, я спросил его, почему сегодня в бухте нет ни одной яхты.

— Они приходят и уходят, — ответил он.

— Американцев на этой неделе не было?

— Приходят и уходят.

Теперь я смог разглядеть на мысе группу из трех солдат, устроившихся у стены с оружием, сложенным рядом с ними. Это был контрольно-пропускной пункт службы по борьбе с наркотиками на дороге, которая проходила рядом с Калета-де-Кампос. Старик, который здесь каждый день ловит рыбу, подумал я, должен видеть всё изо дня в день. Я решил завести себе друга. Через пару сигарет у меня на устах было его имя: Нестор. Отличное имя для старика у моря.

Он не отложил удочку и не повернулся ко мне, когда несколько мгновений спустя спросил:

— Ты кого-то ищешь?

— Выглядит именно так?

— Да, сэр, знаете ли.

— Что ж, жаль это слышать.

— Ты хорошо говоришь по-испански.

— Я хорошо подражаю.

Солнце теперь было таким жарким, что мой разум начал терять свою связь с реальностью. Даже морской ветер не мог воспрепятствовать этому, и я дал себе ещё одну минуту, прежде чем вернуться к палапам. Я спросил его, кого, по его мнению, я ищу. Это вызвало у него смехок. Я его уже спрашивал?

— Летом здесь кто-то утонул, — сказал я. — Помнишь?

Он сказал, что такое бывает каждый год, иногда и не один раз.

— Но того американца — ты помнишь?..

— Того, старого?

— Да.

— Помню. Он приезжал каждый год. Обычно переплывал залив.

— Значит, он был хорошим пловцом?

— Для своего возраста он был хорош.

— Тогда, — сказал я, — странно, что он утонул.

---

⁷² Сорт мексиканского пива.

— Это было ночью, — сказал Нестор. — Никто, однако, не смог понять, зачем он отправился плавать ночью. Может, был под кайфом.

— Здесь все накуриваются?

— Американцы. Они могут покупать марихуану где угодно, когда им заблагорассудится.

В нём была какая-то медлительность и отблеск правды, те качества, которые не сможет подделать даже самый хитроумный человек.

Остаток дня я провел в палатке, наблюдая за течением жизни. Старики, приходившие ловить рыбу и весь день просиживавшие на пристани с мескалем в руках, маленькие мальчики, бродящие с ведрами по устью реки в поисках крабов. В пять включились радиоприемники, а кухни открылись для приготовления в жестяных кастрюлях *sopa de mariscos*⁷³. Приветливые женщины, которые этим занимались, затем спускались по грунтовым дорожкам, чтобы полюбоваться закатом. Чтобы попасть в самую гущу событий, надо, чтобы твоё лицо хотя бы на время стало хорошо узнаваемым и, при этом, ты заказывал много напитков. Что касается меня, то это были время и деньги «Тихоокеанской страховой», и я был бы только рад провести здесь несколько дней, а затем вернуться в страну гринго и сообщить о том, что зашёл в тупик. И в то же время мне вскоре следовало отправиться к полицейским в *delegación*⁷⁴, чтобы услышать их версию. Она могла оказаться невероятной и, вероятно, далёкой от истины, но я все равно должен был её узнать.

Была суббота, и в тот вечер на площади был устроен праздник. К тому времени, как я вернулся в «Лос-Аркос», выступления марьячи были уже в самом разгаре, и площадь была забита народом. Я спустился туда, чтобы посмотреть, как *rechulos*⁷⁵ в ковбойских шляпах и сапогах с острыми носами танцуют со своими девушками, и обнаружил, что динамики, установленные на площади, на высоте выше моей головы, заставляют дрожать всю деревню. Я бы и сам пустился в пляс, если бы только ноги были в состоянии меня нести, но всё, что я мог, так это смотреть и ждать. Нет ничего более грустного, чем оказаться в маленькой горной деревушке, когда все вокруг на площади танцуют, а ты нет. Мне показалось, что я услышал несколько выстрелов, когда парни вокруг уже достаточно подогрелись мескалем, но это не несло никакой угрозы. Напротив, это как бы даже успокаивало. Там был бар с ледяным *micelada*⁷⁶, и я взял себе один, солнце скрывалось за горизонтом, а тёмные очертания гор становились зловещими. Вскоре только сияние залитого лунным светом моря могло противостоять вспышкам фейерверков и фонарям, раскачивающимся на проводах вокруг площади. Внизу у дороги я нашел *federales*⁷⁷, показал им свое удостоверение личности и сказал, что хотел бы, если это возможно, порасспросить об американце, который утонул семь месяцев назад. Они оказались на удивление вежливы и готовы к сотрудничеству.

Они сказали, что позвонят в полицейский участок в Лазаро-Карденас, город на побережье, и что я смогу поговорить с кем-нибудь на завтра утром, если у меня будет такое желание. Оно у меня было. Кто-нибудь там будет с утра, и я смогу с ним поговорить. Все утопленники доставляются в морг в Лазаро, и именно тамошние власти занимаются подобными делами. Они были так вежливы и любезны, возможно, из-за гуляний поблизости и тишины на дороге в ту ночь, и заверили меня, что присмотрят за мной на всё

⁷³ Мексиканский суп из морепродуктов.

⁷⁴ Участок, отделение (исп.)

⁷⁵ Симпатичные парни (исп. разг.)

⁷⁶ Мексиканский коктейль на основе пива, распространенный также в других латиноамериканских странах. Пиво может смешиваться с соком лайма и других цитрусовых, томатным соком, острыми соусами и специями. Подается мичелада обычно в охлажденном стакане с ободком соли.

⁷⁷ Здесь: сотрудники федеральной полиции (исп.)

время пребывания в Калете. Позже, когда праздник утих, я услышал крики морских птиц над утёсами и звуки музыки, доносившиеся от палап. А когда сидел у окна, то услышал где-то вдали женские вскрики. То были звуки утех, борделя и алкоголя, kloкочущего внутри людей. Посреди бухты, тихо, без предупреждения, появилась большая яхта с включенными огнями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ту ночь я слишком устал, чтобы спуститься вниз, и вместо этого рано лёг спать и также рано встал. Когда я пил *café de olla*⁷⁸ на веранде отеля, появился обещанный полицейский в штатском, холодно элегантный в своей открытой белой рубашке. Его звали Гомерос Нервос, детектив из Лазаро, лет пятьдесят с чем-то, с гладкими щеками, источающими слабый аромат (некоторые из запахов я не смогу узнать даже после стольких лет), в строгих туфлях из крокодиловой кожи, которые мне показались неуместными на детективе в начале рабочего дня. Он просто зашёл на веранду и спросил, не тот ли я мистер Марлоу, который накануне вечером просил о встрече с детективом. Я спросил его, не хочет ли он чего-либо. Он говорил по-английски, и он говорил на нём так же хорошо, как я говорил на его языке, так что мы на нём и остановились.

— Нет, всё в порядке. Хотя я мог бы выпить с Вами кофе.

Он присоединился ко мне за столом, так мы и оказались вместе в этой чудесной утренней тени, под свежим морским ветром.

В тот день на небе не было ни облачка.

— Вы проделали долгий путь, — начал он.

Я всё ему объяснил, не меняя ни одной детали. Лучше всего было оставаться честным.

— Понятно, — сказал он.

— Я просто хотел, так сказать, во всём удостовериться. В свидетельстве сказано, что Зинн утонул в заливе.

— Верно. Мы проводили вскрытие в Лазаро.

Взгляд его глаз цвета свежеспаханной земли оставался ровным.

— Каковы были обстоятельства?

— Насколько мы могли судить, это случилось на яхте, пришвартованной в бухте. Должно быть, это было ночью, но тело обнаружили только ранним утром. Его выбросило на берег.

Я спросил его, во что Зинн был одет. Нервос улыбнулся, и дело было не только в банальном воспоминании о том, во что был одет Зинн в момент смерти.

— Забавно, что Вы спросили. Он был в шортах и льняной рубашке. Возможно, просто ночью свалился с яхты и утонул. Он крепко выпил — во всяком случае, в его крови было много алкоголя.

— Почему же все говорят, что он плавал?

— Кто Вам сказал?

Но теперь, когда я подумал об этом, это было всего лишь предположение.

Так что, может быть, он и не плавал, подумал я.

— Сколько же алкоголя обнаружили у него в крови?

— Более чем достаточно, чтобы он вырубился. Вы собираетесь спросить, что сказали люди на яхте. Но когда мы приехали сюда утром, никакой яхты не было. Она улизнула той же ночью.

Это было правдой лишь наполовину, и на его лице появилась улыбка, но лишь на несколько мгновений, а затем она растаяла. Надевать маску — это целое искусство, и он

---

⁷⁸ Кофейный напиток, популярный в Мексике. Его приготовление включает в себя ароматизацию корицей и панелой — нерафинированным брикетированным тростниковым сахаром, иногда также гвоздикой, горьким шоколадом, анисом, перцем табаско и апельсиновой или лимонной цедрой.

долго и упорно в нём практиковался, пока не достиг совершенства. Я спросил его, как называлась яхта, и он признался, что никто этого не знал или не смог вспомнить. Она шла под мексиканским флагом, но кто на ней был, никто не знал. Я спросил, сходили ли пассажиры на берег, хотя бы поужинать? Он сказал, что владельцы палапы утверждали, что у них никого не было.

Он продолжил:

— Но сюда постоянно заходят новые суда. Я бы сказал, что это обычное дело.

— А позже вы не смогли обнаружить яхту?

Утомительный, настойчивый иностранец: Нервос немного напрягся.

— Мы объявили её в розыск, но он ничего не дал. Как можете видеть, — он махнул рукой в сторону дороги, — у нас много других дел. Так что мы её не нашли. И понятия не имеем, кто на ней тогда был, и кому она принадлежала.

— Но сеньор Зинн, должно быть, знал их.

— Конечно, должен был. Но теперь уже слишком поздно их разыскивать. У меня такое ощущение — ну, скажем так, у меня сложилось ощущение, что местные их знают. Но боятся нам что-либо сообщить. Они довольно хорошо знали сеньора Зинна, но его друзья — они предпочли бы не иметь с этим дела.

— Мне кажется, что так оно и есть. Как думаете, сеньор Зинн был связан с наркобизнесом людей с гор?

— Скорее, нет. Но точно не могу сказать. Мне кажется, что он был просто прожигателем жизни, который упал с яхты и утонул. Владельцы запаниковали и сбежали. Взгляните на это с их точки зрения.

— Они сбежали с места происшествия. Это я могу понять. Но получается, что его друзьями они не были, так ведь?

— Полагаю, что нет.

Он обратил на меня свой кроткий взгляд, судя по которому дистанция между нами увеличивалась всё больше и больше, как будто с каждой секундой мы расходились друг от друга в разные стороны всё дальше и дальше.

— Должен также заметить, — продолжил я, — весьма любопытно, что местные власти здесь же решили кремировать тело. Разве вы не связывались с его женой, чтобы узнать, как следует поступить?

— А кто сказал, что мы этого не сделали? Конечно же, мы с ней связались. Она сказала, что лучше всего было бы кремировать его в Лазаро. Потребовало бы огромных расходов доставить тело в Соединенные Штаты. Мы подтвердили личность и отправили документы в посольство.

Это было поразительно, но я ничего не сказал — даже веки не дрогнули.

— Значит, она была непротив? И она не прилетела, чтобы опознать тело?

— Опять же, я этого не говорил. Она так и сделала. Прилетела и опознала тело в морге, а потом уже мы сделали всё остальное.

— Полагаю, она была очень расстроена.

— Можете себе представить. Она останавливалась в том же отеле, что и Вы. Вы этого не знали?

— Она не рассказывала.

— А, так вы встречались. Красивая женщина, не находите?

Отстранённость в его глазах внезапно исчезла.

— Наверное, соглашусь. Наверное, слишком хороша для Дональда Зинна. Обычно иметь рядом такую опасно.

— Я тоже так тогда подумал. Известно, как это происходит. Слышал, он был застрахован на значительную сумму. Это почти клише, но природа человеческая не очень изменилась.

— Да, Нервос, это так.

Я поинтересовался, в каком номере останавливалась Долорес. Он сказал, что ей хотелось остановиться поближе к тому месту, где умер её любимый Дональд. Но у неё, вероятно, были и другие причины, более практического характера.

— Как долго она здесь пробыла? — спросил я.

Он вытянул ноги и посмотрел на группу танаг⁷⁹, которые опустились, чтобы исследовать чуррос, лежавшие в стеклянной посудине на нашем столе. Интересно, слышал ли он о божьих колибри Уицилопочтли или о том, что ацтекские воины, как считалось, после смерти перевоплощались в маленьких птичек. Но, в любом случае, он наблюдал за ними с опаской, хотя это самые безвредные существа, когда-либо созданные, чтобы истязать столы для завтраков. Он сказал, что она пробыла здесь неделю, пока решался вопрос с телом, и что она являла собой эталон мрачной благопристойности. Она подписала все необходимые бумаги и разрешила кремацию. А также заполучила удостоверение личности, которое было найдено на теле — да, оно было у него с собой даже на воде, — и которое использовали в первую очередь, чтобы узнать его имя.

— Значит, при нём было удостоверение личности?

Я улыбнулся самым бесстыдным образом, и, возможно, он на мгновение обиделся.

— Так и было, — протянул он. — Весьма удобно, но всё именно так. Не я решаю, каким образом люди оказываются в воде!

Можно было представить себе эту сцену: Долорес, стоящая над раздутым телом своего мужа, пытающаяся оставаться хладнокровной и не теряющей присутствия духа, когда она подтверждала его личность. Было ещё несколько вопросов. Пожилые белые мужчины, умирающие вдали от дома в отпуске или по делам слишком обычное явление, чтобы придавать этому слишком большое значение.

А вдова? Она вернулась в Калифорнию с прахом.

— Её было очень жалко, — сказал Нервос. — Я сам отвозил её в аэропорт Гвадалахары. За всё это время она почти ничего не сказала. Оформление документов заняло некоторое время, и она спокойно это перенесла, ни разу как-то ничего не случилось. Я был этим очень удивлён. Я тогда подумал, что это, должно быть, из-за шока; вот так это всё тогда и прошло.

— Да, должно быть ей это тяжело далось.

Нервос бросил на меня взгляд, который сначала показался понимающим, но стоило на нём задержаться, показался мне презрительным. Но это было не то презрение, которое можно было высказать открыто — оно таилось лишь в тени уголков его красивого рта.

— Что ж, — сказал он тогда, — полагаю, что на этом всё. Собираетесь задержаться? Лучшего пляжа Вам не найти. Только купайтесь в заливе. Я слышал, что сейчас в нём заметили акулу. Тигровую.

— Останусь на берегу. Как всегда.

Он хлопнул себя по бедрам, и танагры резко разлетелись.

— У Вас отличная работа, — весело сказал он. — Завидую Вам. Может, тоже этим займусь, когда выйду на пенсию. Получать деньги за то, чтобы валяться на пляже.

⁷⁹ Небольшая птица отряда воробьиных, длиной около 10-15 см с необычно пестрой окраской.

— А, по-моему, это нечестно. Спасибо, что пришли повидать меня. Если мне что-нибудь ещё понадобится...

— Просто позвоните. Но я не думаю, что до этого дойдёт. Это один из самых простых случаев из тех, что были у нас за последние годы. Мне только жаль жителей Калеты. Сплетни о подобных вещах могут повредить их бизнесу. Как я заметил, после смерти сеньора Зинна здесь стало немного тише.

Некоторым, как-будто, удаётся появляться из ниоткуда и исчезать в никуда. Нервос был одним из таких. Его ложь сияла изяществом и могла понравиться, но за этим скрывались всё, что он знал и подозревал, то, что он никогда не открыл бы такому человеку, как я. Поэтому нам и приходится вскрывать заковыристый код, который придумывают и используют другие. Меня это привело в негодование — а кого бы нет? Но ничего другого я и не ожидал. Именно Долорес выжала из этой ситуации всё. Она повела себя как надо, и заполучила состояние, которого ей хватит на всю оставшуюся жизнь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

К тому времени было всего девять. Поскольку впереди у меня был весь день, я решил прогуляться к папалапе вдоль причала, где и я надеялся обнаружить рыбака старого Нестора. Он был на месте. Перед нами в центре бухты покачивалась только что прибывшая яхта, большой «броуард»⁸⁰ под американским флагом, с её палубы, на которой загорали две белые женщины с надетыми козырьками от солнца, до нас по воде доносились слабые звуки музыки. Нестор стоял точно на том же с тем же ведёрком с наживкой, и когда я уселся на причале рядом с ним, он поинтересовался, как мне спалось.

— Я не спал всю ночь. Не мог вспомнить, что там было в «Маленьком кролике Фу-Фу»⁸¹.

Он сказал, что это из-за призраков, которые тут по всем домам. Он тоже плохо спал, как и все остальные. Множество наркодилеров нашло свой конец в развалинах, на мысах, на безлюдных тропах, ведущих в горы. Их убивали другие дилеры или же *federales*, которые так поступали, если не было свидетелей. Тела обнаруживали в подвалах заброшенных домов или в высокой траве, полностью открытой солнцу. Облака бабочек красноречиво отмечали такие места. Повсюду здесь стоял запах случайной смерти. А поперёк лежала паутина сплетен, страхов и слухов, и лишь благоразумные оставались в мире с самими собой. Единственным способом проникнуть в эту паутину без шума можно было с помощью *propina*⁸².

Я плавно переводил наш разговор в нужное русло, пока его темой не оказался сеньор Зинн. Затем я признался — приглушённым тоном, который предполагал, что ещё только он это знает, — что я оказался тут, чтобы выяснить, утонул ли сеньор Зинн или умер как-то иначе. В конце концов, сказал я, полиция была далеко не первой, кто прибыл на место происшествия. Разве сам он не приходит сюда каждое утро — иногда даже на рассвете?

Я вытащил из бумажника банкноту не самого мелкого достоинства и зажал её в руке, чтобы мы оба теперь имели представление о том, как будут развиваться события. Он бросил взгляд вдоль дамбы и вниз, на пляж, и, убедившись, что он пуст, движение глаз подтвердил согласие.

— Не приближайся, — сказал он. — Отвернись и говори нормально.

Я поступил в точности так, как мне было велено.

— Ты был там в тот день?

— Я появился в шесть. Тело уже было там, но был и ещё кто-то. Я его знаю. Он ловит здесь рыбу, но сам живёт дальше от побережья, у него там дом. Я видел, как он перевернул тело и обшарил карманы. Потом он уехал. И ещё долго здесь не появится.

— Почему?

— Не могу сказать. Тебе придется самому его разыскать.

Я вытянул руку и, вложил банкноту ему в ладонь, заметив, как изменился цвет его лица. Он рассказал, что этот человек живёт в маленьком городишке под названием Нуэва Италия⁸³ по дороге, ведущей вглубь страны в сторону Пацкуаро. Все звали его Рубио Пез⁸⁴, но, очевидно, что это было его ненастоящее имя. Где-то у него был дом, и когда рыбалка

⁸⁰ Яхта, постороенная на американской верфи «Броуард Марин», основанной Фрэнком Денисоном в 1948 году.

⁸¹ Детское стихотворение о кролике, который преследует популяцию полевых мышей, хватая их и стуча по головам.

⁸² Взятка, чаевые (исп.)

⁸³ Новая Италия (исп.)

⁸⁴ Улов (исп.)

здесь заканчивалась, он мог оставаться там месяцами. Никто ничего о нём не знал. Если я порасспрашиваю вокруг, то найду его, и тогда, я смогу сказать ему, что меня послал Нестор. Если я хорошо ему заплачу, то он расскажет мне, что такого он нашёл и почему скрылся. Но я должен быть осторожен в его поисках. Он не знает, кто я такой, и его реакция может быть непредсказуемой. Это маленький городок в пустыне, и там нет никого, кто мог бы мне помочь.

— Это действительно того стоит? — спросил он наконец.

— Если он тот человек, который обнаружил сеньора Зинна, то — да.

— Уверен, что это он.

Я повернулся к яхте, похожей на лебедя в агатовой бухте, и спросил его, кому она принадлежит. Он пожал плечами.

— Никогда не видел её раньше. Говорили, это американцы из Лос-Анджелеса. Может быть, люди связанные с кино.

— Они уже сошли на берег?

Он не ответил — янки его не волновали. Их музыка не проникала в его сознание. Я провёл с Нестором ещё больше часа, но он больше мне ничего не сказал. В разговорах нет смысла, если ты уже высказал всё, что хотел.

—

Нуэва Италия лежала в нескольких милях от берега в полупустыне, её дома были пропечены до состояния полной готовности. В полуденной тишине мои шаги были единственным звуком, который был слышен вне пределов отделения «Касета Телефоника Луна»⁸⁵, в котором располагалось местное представительство «Вестерн Юнион», где я осведомился о Рубио Пезе, и мне сообщили, что он приходит сюда раз в неделю, получить деньги. Я ещё не утратил хватку. Женщина в окошке даже знала, где он живёт, в лачуге к северу от города, в местечке под названием Преса-де-Инфьернильо⁸⁶. Я вернулся обратно под яркое солнце с небольшой нарисованной от руки картой, любезно предоставленной мне в обмен на десятидолларовую купюру, в то время как вокруг меня рассыпались ласточки, абсолютно свободные в их свободном мире, а за их звуками стояла великая тишина пустыни.

По обе стороны дороги, ведущей на север, простирались равнины, покрытые сагуаро, на которых располагалась целая армия чёрных дроздов. На карте был отмечен съезд на грунтовую дорогу, которая отходила от главной под прямым углом, и я проехал по ней пять миль.

Вокруг не было никаких лачуг, кроме его, и та с отчаянием ракушки держалась за вершину утеса, над которым кишели всё те же птицы. Должно быть, они дожидались смерти её одинокого обитателя. Я припарковал машину в сотне ярдов от двери и достал с заднего сиденья свою трость-клинок *сикомидзуэ*. Ветер поднимал вокруг слепящую пыль, пока я с трудом карабкался в гору к лачуге. Она была слеплена из дерева, алюминия и синего пластика. Я выкрикнул его имя и сказал по-испански, что меня послал Нестор. Ответа не последовало, но входная дверь распахнулась. Потом вдвалеке в зарослях я заметил какое-то движение. Кто-то стоял среди гигантских кактусов, наблюдая за мной, и это, несомненно, был Рубио. Я повернулся и направился к нему вдоль оврага, все также выкрикивая его имя.

⁸⁵ Мексиканская телефонная компания.

⁸⁶ Жертва ада (исп.)

И сразу же раздался выстрел, и воздух над моим правым плечом вздрогнул, рефлексивно заставив меня отпрянуть назад. Но я сохранил хладнокровие и не потерял голову. Стычка была последним, чего я хотел. Я снова его позвал.

— Встретимся у дома, — крикнул я.

И развернулся, подставляя себя под выстрел, чтобы направится к хижине. Когда я туда добрался, он был уже прямо у меня за спиной, мужчина даже постарше меня, с белой щетиной и выражением безумного страха в глазах. У него был дробовик, и выбрался он наружу явно не для того, чтобы поохотиться на кроликов. Античный моряк, потерявшийся на суше и собирающийся сорваться с катушек. Я сразу понял, что он безобиден. Но люди, которых переполняет страх, зачастую наименее безобидны. Я решил вести себя с ним помягче, используя улыбку и обаяние.

— Ты ужасный стрелок, — сказал я.

— Нет, я никогда не промахиваюсь.

Итак, он принял меня за того, кто однажды придёт, чтобы убить его.

— Может, зайдем внутрь? — сказал я.

Он сомневался. Прижав дробовик к бедру, он оглядел меня. Наконец он провёл меня в свою жалкую берлогу, подальше от ослепительного солнца.

Лачуга была заполнена снастями, буйками, сушившейся на верёвках рыбой и ножами. Я рассказал ему, кто я такой и сколько могу заплатить, хотя ему, должно быть, и приходила в голову мысль, что проще всего было бы меня застрелить, всё забрать и потом закопать в овраге.

Но он был обычным нормальным стариканом, не готовым к настоящему безумию.

— Садитесь, — сказал он, опустил ружье и водворил его на место.

Я положил деньги на стол между нами и был откровенен. Я хотел знать всё о человеке, которого он нашёл на пляже в Калета-де-Кампос, и что он нашёл у него. Я сказал ему, что знаю, что он вернулся сюда, чтобы спрятаться, и что, в конце концов, он ни в чём не виноват. Я признался, что работаю на страховую компанию и, следовательно, на правильной стороне закона, как и он, если он мне всё расскажет.

— Чьего закона? — спросил он.

Справедливый вопрос.

— Ну, во всяком случае, американского, — сказал я.

— Здесь это не поможет.

— Деньги помогут.

На столе было что-то около тысячи долларов.

Он посмотрел на них, постепенно смягчаясь, и тогда я сказал ему, что от меня никто ничего не узнает. С этой стороны ему бояться нечего.

— Ты рыбак?

Он сказал, что работает на побережье в определенное время года.

— Ты должен был видеть все яхты, которые приходили и уходили. Я слышал, что, в основном, они одни и те же.

— Так и есть.

— Они покупают наркотики, так?

Он мог сидеть на набережной и наблюдать за маленькими лодками, осуществлявшими свой промысел, курсируя между пляжем и яхтами. Богатых и бедных соединяло «Золото

Акапулько». Однако в то утро он готовил свою лодку к ловле омаров. Он был на пляже в 3 часа ночи, а ранее вечером был небольшой шторм. Небо было ясным, и ярко светила луна.

— В бухте стояла большая яхта, и горели огни.

— На борту была вечеринка?

— Ничего подобного. Казалось, что там вообще никого нет. А через час я заметил, что волнами прибило человека. Я спустился посмотреть.

— Это был сеньор Зинн?

— Вовсе нет. Я спустился, чтобы взглянуть, и увидел, что это мёртвый гринго, разбухший от воды, и я вытащил его на песок.

Человек был мёртв уже с час, подумал он, хотя и не был экспертом в подобных вещах. Покойник был в шортах и рубашке с короткими рукавами, а на шее у него была золотая цепочка. Мужчина примерно лет шестидесяти, худые конечности, коротко стриженные седые волосы и татуировки на руках. Поскольку палалы были давно закрыты, он был там с трупом наедине, и признался, что обшарил его карманы, чтобы посмотреть, что сможет найти. Он не пытался украсть. Он просто хотел узнать, кто это. Он смотрел на яхту и видел с происшедшим очевидную связь, но на палубе никого не было, и, хотя свет горел, других признаков жизни не было. В нагрудном кармане рубашки он нашёл водонепроницаемый пакет с удостоверением личности, кредитной картой и наличными. Они не намокли. Он подумал, что что-то здесь не так и что эти предметы могут пригодиться в будущем. Он спросил меня, был ли он неправ, так решив. Я сказал, что ему пришлось самостоятельно принимать быстрое решение. Но как, спросил я, там вообще могли оказаться удостоверение личности или кредитная карта? Должно быть, он не расставался с ними, как это зачастую делают.

— Тогда они у тебя здесь, — сказал я.

— Кредитную карту я не взял. И удостоверение личности тоже. Я подумал, что из-за них могут быть неприятности. Их я оставил. Наличные забрал — признаю. Я подумал, они их тоже не оставят. Нельзя было бы доказать, что они не потерялись в море.

— Так ты всё это время прятался тут из-за денег, которые украл?

— Нет, сеньор.

На мгновение ветер, бьющийся о стены, заглушил звук его собственного дыхания, и глаза у него чуть не выпали наружу. Нет, повторил он, он не взял ничего, кроме наличных, но он внимательно изучил удостоверение личности, и действительно, оно принадлежало сеньору Зинну, но он уверен, что человек на маленькой фотографии в документе не был человеком с пляжа. У того было другое лицо, совершенно другой человек. Он так был уверен в этом, что решил обратиться к полицейским на дороге и рассказать им, что произошло. Но сначала он решил немного выждать. Он сказал, что просто сидел на пляже и пытался придумать, как ему поступить. Но, пока он сидел там, в темноте, огни яхты погасли, и она направилась в открытое море. Через несколько мгновений яхта исчезла. Он встал и медленно начал подниматься вверх по дороге. Он всё еще колебался. Никто, кроме него, не видел тела, но он беспокоился о взятых деньгах. Вполне возможно, что солдаты на блокпосте обыщут его и найдут двести долларов, и тогда дело примет неприятный оборот. Тем не менее, он решился. Было ещё темно, когда он подошёл к четверем мужчинам на блокпост и рассказал им, что он обнаружил. Они попросили его отвезти их на место, что он и сделал. Когда они туда прибыли, его заставили подождать у палалы, пока они, переговариваясь, осматривали тело, перевернув его под светом фонариков. Я спросил его, упоминал ли он им о несоответствии между фотографией на удостоверении личности и лицом покойника, и он сказал, что нет. Он ожидал, что они сами это заметят.

Но этого не произошло.

Они вызвали кого-то по рации, а он подумал о деньгах в своём заднем кармане. Его легко могли бы обыскать и арестовать за кражу и препятствованию расследованию. На какое-то время, казалось, все вообще забыли, что он был там. Наконец, однако, один из них подошел туда, где он сидел на песке, и спросил его, знает ли Рубио, мёртвого гринго, и забрал ли он что-нибудь у покойника. Он с невозмутимым видом ответил, что не знает этого парня и ничего у него не брал.

— Если мы тебя обыщем и найдём доллары, то заберём тебя, ты ведь это понимаешь, верно?

Рубио стоял на своем.

Я спросил:

— Ты взял только доллары?

Он кивнул, но затем добавил:

— Ну, было ещё кое-что. Так, ничего ценного.

Он рассказал, что, обыскивая карманы убитого, он нашёл в одном из задних карманов шорт листок бумаги. Так как от воды его ничто не защищало, то он промок насквозь.

Он встал, прошёл на кухню и достал из шкафчика книгу. Это была телефонный справочник. Вернувшись к столу, он открыл его, и внутри я увидел маленький листок бумаги, квитанцию из банкомата. Он выжал её и высушил, и теперь она была вполне читаема. Я взял её и надел очки. Выдана она была в июне прошлого года, в городе Колима. Была указана сумма, полученная из банкомата, и имя владельца карты, с которой было проведено снятие: Пол А. Линдер. Буквы почти стерлись, но их всё ещё можно было разобрать.

Я посмотрел на Рубио и сразу увидел, что вся та мизерная хитрость, которая была в его глазах, исчезла.

— Пол А. Линдер? — сказал я.

— Так написано.

— Ты не показывал это солдатам?

— Нет. У меня было такое чувство, что мне не стоит этого делать.

— А что было потом?

— Солдат отвёл меня обратно к дороге.

Когда они туда выбрались, он сказал Рубио исчезнуть и никогда не возвращаться. Солдат знал, что Рубио забрал у мертвеца деньги, но ему было всё равно — это был способ от него избавиться. Рубио спустился к кокосовой роще за пляжем, где держал свой мотоцикл, и, без промедления, отправился на юг. Ещё даже не рассвело. С тех пор он туда не возвращался и думал, что его молчание может оказаться более важным, чем он мог предположить. Поэтому он держал свой дробовик заряженным и только раз в пару недель ездил в Нуэва Италиа за припасами. А теперь я появился и заплатил ему тысячу долларов за клочок бумаги из банкомата. Он был близок к тому, чтобы счесть это забавным.

— Мистер Линдер, — сказал я, — и был тем покойником с пляжа, умершим в три часа ночи?

— Может быть. — Рубио пожал плечами. — Должен быть.

О «должен» пока ничто не говорило.

Возможно даже, что и Рубио сам всё неправильно понял, и что я заплатил просто так.

— В любом случае, — сказал я, — ты никогда раньше не видел этого парня в Калета-де-Кампос?

— Никогда не видел ни одного из них.

— Зинн и Линдер. Два немецких имени. Довольно забавно, не так ли?

— Ну, если Вы так считаете...

Я оставил деньги на столе и, спотыкаясь, вышел к слепящему свету и пыли. Попрощаться со мной он не вышел. Я представил, что он просто сидит там, пока все звуки, издаваемые мной, не стихнут, а затем потянется к пачке банкнот, перевязанных резинкой. В конце концов, как он и планировал, к нему неожиданно пришла удача. Я вернулся к машине, и мне стало стыдно за то, что я думал, что мне придётся прибегнуть к силе против такого олуха, как он. Это ему нужны были пули, а не мне.

В миле от его лачуги я остановился и вышел. Я хотел посмотреть, не вышел ли он посмотреть, как я уезжаю, так он и поступил. Я помахал ему рукой, и он вернулся обратно в сумрак своей лачуги. Вернувшись на узкую дорогу, которая вилась на север, я снова остановился и взглянул на карту. Я подумал, что понятия не имею, что теперь делать. Вернуться на побережье или двинуться дальше. Самое последнее, что сделал бы тот, кто оставил своё удостоверение мертвецу, это вернулся в Калета-де-Кампос.

Он бы отправился в противоположном направлении, вглубь страны, и, возможно, по этой самой дороге, хотя есть множество и других. Проезжал ли он мимо этого самого озера, окруженного выжженными холмами? К концу дня я был в Пацкуаро, в любезно оплаченном «Тихоокеанской страховой» комфортабельном отеле на главной площади города. Когда наступили сумерки, я спустился к озеру и на лодке переправился на остров под названием Яниццо. Я прошёл по тропинке, которая огибает весь остров, проходя под сохнувшими рыболовными сетями и останавливаясь, чтобы поесть жареной озёрной рыбы, которую там готовят. *Pescado blanco*⁸⁷. Она напоминает маленьких чудовищ. Таким образом, я и размышлял всё это время, но всё же я недостаточно хорошо, чтобы найти выход из этой символической чащобы. Однако, сидя здесь и наблюдая, как на материке зажигаются огни, мне пришла в голову мысль, что Пол А. Линдер всё ещё, так сказать, жив и здоров. Теперь Зинн стал Линдером и ходит по земле под именем своего бывшего сотрудника, простая подмена, которой Зинн сможет пользоваться, пока я его не найду. Он так легко вжился в свою новую личность, да ещё в стране, где он всё равно остаётся иностранцем, и только я это смог обнаружить. Но у него самого, должно быть, внезапно могло возникнуть ощущение, что кто-то уже ходит по его могиле.

⁸⁷ Белая рыба (исп.), термин, используемый для обозначения определенных видов рыбы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На стойке регистрации отеля мне смогли предоставить путеводитель по роскошным отелям Мексики, и в течение следующих двух дней я обзвонил 207 из них. Это заняло много времени, и было не слишком изящным решением, но и время, и деньги у меня были, да и сам город был приятным местом, где можно было провести несколько дней. В каждом отеле я спрашивал, могу ли я, пожалуйста, поговорить с мистером Полом Линдером, и в первых 168 мне сказали, что такой человек у них не останавливался. Но что-то мне подсказывало, что это лишь вопрос времени, когда я смогу получить иной ответ. Это оказался отель «Моралес» в Гвадалахаре. Когда я спросил сеньора Линдера, администратор, не колеблясь, ответила: «Полагаю, он выписался сегодня утром. Если позволите, я сейчас уточню». Через минуту она вернулась к телефону и спросила, кто спрашивает.

— Сеньор Вашингтон, — сказал я.

Второе отсутствие было более продолжительным, и на этот раз она сказала, что сеньора Линдера сейчас точно нет в отеле.

— Он выписался?

— Да, сеньор.

— Какая досада. Как я могу связаться с ним?

— Это срочно?

— В каком-то смысле так и есть. Полагаю, Вы не знаете, куда он поехал?

Она не должна была отвечать на подобные вопросы, но она была молода, мы мило болтали, и она позабыла о гостиничных правилах.

— Если позволите, я у кого-нибудь спрошу, — сказала она.

Я разложил на кровати карту, и в ожидании, пока она что-нибудь выяснит, снял с красного фломастера колпачок.

Вернулась моя собеседница.

— Мы думаем, что он отправился в местечко под названием Мазамитла.

— Это город поблизости?

— Деревня в горах. К югу от озера Чапала.

— Минутку, попробую его найти.

Надев очки, я так и сделал. Это действительно была затерянная среди высоких холмов маленькая деревня, к которой вела единственная дорога. Примерно в ста милях от того места, где я находился, и к ней из Пацкуаро вели проселочные дороги. Легко добраться.

— Там есть отель? — спросил я.

— Один или два. Люди едут туда на воды.

— На воды?

— Там в лесах есть сеноты⁸⁸ для купания. Они считаются целебными.

— А это так?

---

⁸⁸ Сенот (исп. cenote, «сеноте») — форма карстового рельефа, естественный провал, образованный при обрушении свода известняковой пещеры, в которой протекают подземные воды. Сеноты находятся на полуострове Юкатан в Мексике и близлежащих островах Карибского бассейна. В прошлом использовались древними индейцами майя в качестве водных источников и мест для жертвоприношений.

— Да, сеньор.

— Может быть, он себя плохо чувствовал, — предположил я.

Последовала пауза.

— Он сказал, что чувствует себя немного не в своей тарелке, и думаю, наш консьерж порекомендовал ему Мазамитлу. Это популярное место отдыха.

Если он поехал в Мазамитлу из Гвадалахары, прикинул я, это заняло бы у него почти столько же времени, как и у меня. Было что-то около десяти утра. Я спустился вниз, чтобы расплатиться, затем вернулся в номер, где потратил полчаса, перекрашивая волосы в тёмно-каштановый цвет. Было самое время для маскировки, чтобы незаметно преследовать добычу, держась к ней поближе. Соответственно, к этому времени, я отрастил небольшие усы, которые выкрасил в более светлый тон. Эффект был уродующим, но маскирующим. Я стал выглядеть как мошенник, который обожает кого-нибудь надуть, или как неудачливый бездельник. В полдень я покинул отель и отправился из города на север в сторону местечка под названием Сакапу, откуда довольно прямая дорога вела на запад к большому озеру. Когда я оказался на ней, то немного расслабился и включил Синатру. Мои ладони сильно вспотели, во мне снова проснулся хищник. Вместе с музыкой вернулась часть энергии прежних славных дней, я вспомнил, как, наверное, тысячу раз отправлялся в подобные поездки, путешествия при лунном свете, и я ловил в зеркале свой взгляд и мысленно напевал: «*Совсем неплохо, ты, железный боб*».

Солнце скрывалось за облаками, когда я остановил машину на главной площади. В поле зрения не было ни души. Только церковь с многоярусными башенками, над которой кишели птицы из джунглей. Недалеко я увидел отель, но решил подождать, прежде чем туда отправиться. Вполне вероятно, что Зинн — теперь безобидный сеньор Линдер — остановился в нём, хотя на площади кроме моей не стояло ни одной взятой напрокат машины. Что же могло его сюда привести? Мазамитла была не более, чем пограничным поселением среди холмов, индейским до мозга костей, деревушкой таких же стариков, как я, усталых кошек и нескольких дюжин написанных маслом картин, изображавших отца Идальго⁸⁹.

У отеля был внутренний двор, который, очевидно, когда-то был конюшней, комнаты были украшены тёмными балками, а второй этаж был обрамлён грубо отесанными бревенчатыми перилами. Заправляла здесь группа женщин, которые, вероятно, были родственницами. Я спросил их, действительно ли отель так пуст, как кажется, и они с некоторым удивлением ответили: «*No, Señor, esta lleno*⁹⁰». Имелись два свободных номера, и я занял один из них. Я спросил, не видели ли они в деревне американцев, и они ответили, что в отеле никого похожего не видели. Так что вполне возможно, что его тут вообще не было.

Это было бы совсем некстати. Пока дождь барабанил по крыше, я пережидал в своём номере, а затем, когда он немного утих, вернулся на площадь. Сама церковь была закрыта, поэтому я направился к опушке леса, откуда, как сказали мне дамы, начиналась тропинка, ведущая к сеноту. С собой я взял с собой фотоаппарат «минокс», готовый превратить любой счастливый момент жизни в вещественное доказательство.

Спускаясь по тропинке, я миновал не одну ватагу лесорубов, трудившихся на вырубках. Они молча махали своими смазанными топорами в облаках стружки и комаров. Их ослы были привязаны к соснам, а на ниже лежали сонные пруды и, как мне сказали, водопад. Я

⁸⁹ Мигель Идальго (1753 — 1811) — мексиканский католический священник и революционер, положивший начало войне за независимость страны от испанского владычества.

⁹⁰ Нет, сеньор, он полон (исп.)

с трудом передвигался, опираясь на трость, когда ко мне подошёл один из лесорубов, мальчик лет двенадцати, и спросил, не заплачу ли я ему, если он мне поможет.

У меня появилась идея. Я дал ему доллар и попросил спуститься к сеноту посмотреть, нет ли там кого-нибудь. Сам же присел у дерева, и стал ждать его возвращения. Когда он вернулся, то сообщил, что в сеноте плавают только какой-то старик в трусах. Гринго? Возможно, сказал мальчик. Я сказал, что подожду здесь, пока этот человек выйдет на тропинку, и тогда его отпущу. Дорога тут была только одна. Но прошёл час, а на тропинке, как я того ожидал, никто не появился. Дождь уже прекратился, когда я неохотно сдался и вернулся в деревню. Я чувствовал себя чуть ли не одуроченным. Мальчик последовал за мной, считая меня возможным источником новых долларовых купюр, и он-то мне и сказал, что иногда люди разбивают лагерь у сенотов вместо того, чтобы останавливаться в отелях. Я вошёл в церковь, теперь уже открытую и переполненную старушками и белыми лилиями, а он всё ещё меня сопровождал. Но когда мы вошли в неф⁹¹, то я увидел, что среди старушек был белый мужчина в ветровке, сидевший на передней скамье спиной к нам и, очевидно, погружённый в свои мысли.

— *Es el!*⁹² — сказал мальчик, ткнув пальцем, и куда-то ускользнул.

Вместо того чтобы подойти к нему там, поскольку церковь, всё-таки, не самое подходящее место для подобного рода встреч, я вышел на улицу и стал поджидать его на площади. Когда гринго вышел из церкви, на нём была широкополая соломенная шляпа, он неторопливо пересёк площадь и свернул на одну из отходящих от неё улиц. Я последовал за ним, и вскоре мы оказались с ним вдвоём в переулке совсем одни, если не считать снующих вокруг кошек.

Он был примерно моего роста, но более сутулый, неприметный в ветровке и мешковатых штанах, и, казалось, что он знает, куда идти. Я держался позади, и, в конце концов, он нырнул в один из дверных проёмов и оказался внутри дома.

Я сфотографировал его со спины, дверь тоже, а затем вернулся в отель. Я всё ещё не был уверен, что это был Зинн. Я мог позволить себе некоторое время следить за ним, пока не сделаю достаточное количество снимков, после чего, вероятно, смогу просто вернуться обратно в Сан-Диего и покончить с этим. В ту ночь я спокойно выспался в отеле и встал рано, чтобы съесть свои уэвос ранчерос⁹³ во двореке с дамами, которые сообщили мне, что дождь продолжится весь день.

Из отеля я мог видеть всех, кто пересекал *zócalo*⁹⁴, городскую площадь, и поэтому это был хороший пункт наблюдения, но к середине утра старик, которого я видел прошлой ночью, всё ещё не появлялся. Я снова обошёл улицы в поисках машины, которая могла бы ему принадлежать, но опять ничего подобного мне не попало. Потом мне пришло в голову, что где-то тут должна быть автобусная остановка, и действительно, несколько человек ждали под дождём прибытия следующего автобуса. Напротив неё в кантине сидели несколько мужчин; я спросил их, не видели ли они этим утром, как в один из автобусов садился старый гринго. Конечно же, так и случилось. Это был предыдущий автобус, который отправился в Тукспан два часа назад.

Внезапно мне пришло в голову, что он пытается стряхнуть меня, что он узнал о моём звонке в «Моралес» и уехал на автобусе, чтобы запутать следы. Кем бы он ни был, он мог и не знать, что я последовал за ним в Мазамитлу, но он знал, что кто-то ищет Пола Линдера.

⁹¹ Часть церкви западнее средокрестия, предназначенная для мирян.

⁹² Он самый! (исп.)

⁹³ Мексиканское блюдо из жареных яиц на тортилье со свежим соусом из томатов и острого перца.

⁹⁴ Здесь: площадь (исп.)

Я прибыл в Тукспан во второй половине дня. Погода полностью изменилась: вдалеке солнце опаливало жаром вулкан Невадо-де-Колима. Дорога проходила мимо серебряной шахты, по её обочинам возвращались домой со смены шахтёры. Ряды кукурузы стояли с неподвижной внимательностью, блестящие и молодые, как будто они выросли всего за одну ночь. Тут и там виднелись мужчины в высоких шляпах, медленно перемещающиеся вдоль них. Бледное облако висело над вершиной Невадо, в равной степени свежее и неподвижное. В центре Такспана стоял истертый каменный крест, похожий на кельтский, откуда-нибудь из Ирландии и покрытый чем-то, напоминающим руны. Кантины были закрыты. Попутный ветер лохматил собак. В центре городского парка была установлена доска, предупреждающая об извержении вулкана с трёхцветной кодировкой уровней опасности. В тот день Невадо был «умеренно активен». С одной стороны, на путях ржавели брошенные железнодорожные вагоны, трущобы вытянулись в линию. И опять я был сбит с толку случайной остановкой в случайном месте. Зинн с таким же успехом мог бы пересестись здесь на другой автобус.

Я поспрашивал в кафе у креста. Да, был автобус, который ходил до Колимы, и он уже ушёл. Следующий будет через час.

Неужели он на нём и уехал? Я сидел у креста и наблюдал, как индейцы спуют в кукурузе, то появляясь, то исчезая, а шахтёры всё бредут и бредут по дороге. Человек, пересеживающийся с одного автобуса на другой в подобных местах, — хитрая уловка, и ничего более. Мальчики, игравшие в зарослях крапивы, с радостью сообщили мне, что пожилой белый мужчина вышел из автобуса из Мазамитлы и уехал в Колиму. Мы, гринго, очень выделяемся, и нас легко запомнить. Я спросил, был ли у него с собой пакет. Они сказали, что в руках у него ничего не было.

Я вернулся к машине и обнаружил, что она окружена толпой восторженных пацанов. Заметив меня, они кинулись кто куда, и я понял, что в моей внешности, должно быть, есть что-то пугающее, что-то свирепое, то, что сам я не смог бы заметить в зеркале. Всё также не торопясь, я отправился в Колиму, минуя дремлющие деревни, и к тому моменту, когда я добрался до города, выглядевшего так, как будто был построен примерно в то же время, что и Гавана, был уже поздний вечер.

К этому времени я уже чувствовал себя слегка не в себе. Кремовые здания города показались мне причудливо воздушными, отстроенными после многочисленных землетрясений. Я припарковался у парка, разбитого в центре города, и отправился в самый большой отель, расположенный неподалеку в сквере, место под названием «Себолла»⁹⁵. Это было здание в колониальном стиле, полное бахвальства, и от этого кажущееся приветливым. Мне это понравилось. Фонари на цепях и дремлющие завсегдатаи, расположившиеся на диванах. С каким-то предчувствием я снял номер, а затем осведомился о сеньоре Линдере. Да, подтвердили мне, он остановился в отеле. Это не было гениальным ходом с моей стороны; в этом районе был только один приличный отель. Мне также удалось выяснить, что его номер находится этажом выше моего.

Затем я вышел наружу с «хабанеро» и сел выпить пива в баре на террасе отеля, где только-только начали появляться москиты. Мои руки дрожали, а они уже давно так не тряслись, но по мере того, как наступала ночь, возвращалось ощущение спокойствия. Воздух наполнился свистом острохвостов⁹⁶, а вскоре в парке заиграл духовой оркестр. Я пошел прогуляться по парку и увидел, что на газоне были расставлены маленькие таблички с надписями «No pise al pasto»⁹⁷. Почему-то меня это рассмешило. В нашем городе можно выдавать себя за другого, но ходить по газонам запрещается.

⁹⁵ Луковица (исп.)

⁹⁶ Птица отряда утиных.

⁹⁷ На траву не наступать (исп.)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Были времена, когда я, будучи в дороге, останавливался в номерах, в которых просыпался в четыре утра, окружённый потёртыми обоями, с удивлением обнаруживая, что я уже вырос и не проснулся в своей детской спальне, с пчёлами, стучащимися в окна, и матерью, где-то рядом заводящей музыкальную шкатулку. Годы подобной жизни изматывают тебя и опустошают. Понемногу ты умираешь. Затхлая пыль дороги проникает в подсознание, тихий голос возникает в голове и сообщает: «Это в последний раз, больше ты не проснёшься, и, слава Богу за это, а?» Номер в Анахайме, году в 1957-ом; другой в Сакраменто, возможно, в конце 1940-х. Звуки из музыкальных автоматов и дайв-баров⁹⁸, находящихся по соседству, а персонажи, давно покинувшие этот мир, внезапно вновь оживают и что-то шепчут мне на ухо. Парни с именами, которыми люди уже не пользуются. Мэлоун, Сэм Как-Его-Там, Макс Вон-Там-У-Окна. Какой-то Липшульц, умерший в кабинете собственного казино. Да, и говорят уже совсем не так.

Всё утро я проспал в своём номере, напоминающем пещеру. Мой сон был полон старых чудовищ и шарлатанов. Избитые где-то в переулке десятилетия назад мужчины, женщины, смирившиеся со окружающей безнадёжностью. Вдоль той стороны отеля, куда выходило моё окно, тянулась пешеходная аллея с богатыми магазинами, и оттуда доносились музыкальные звуки наугатля, на котором разговаривали люди, сидевшие на скамейках. Я наслаждался встречами с призраками, медленно кружась в пустоте своих снов. В одном из них, мужчина, которого я знал, под муссонным небом шёл по тропическому пляжу. Насвистывая, он нёс на плече топор. Звали его Топси Перлштейн, и его нашли мёртвым в букмекерской конторе в Окснарде в 1953 году. Вообще-то я не был с ним знаком, просто видел его фотографию в деле, когда расследовал его смерть. Зачем он, вообще, тогда ходит с топором по нашему пляжу с таким видом, как будто знает, как им воспользоваться, как будто мы с ним знакомы, между тем как мы оба просто пересеклись в грохоте моего сна? Не могу объяснить, как Топси появился в этом раю, и как я сам там оказался. Вцепившись в прохладную ткань простыней, я открыл глаза, затем снова их закрыл и подумал, что этот раз не будет последним. По крайней мере, будет ещё один.

Я почти полностью проснулся, как и до этого, и моя рука не обнаружила на месте трость, от которой я так зависел. Я перевернулся на бок, и боль в шее немного утихла. Когда я огляделся, моей первой мыслью было, что это не та комната, в которую я заселился накануне. Но всё равно выглядела она очень хорошо, без ярких красок, изысканная, ставни, приоткрытые ровно на дюйм, чтобы впустить солнечный свет. На секретере лежала стопка старых книг, а стул перед ним служил опорой для моей трости, которая была к нему прислонена. Больше тут ничего не было, кроме кровати с балдахином, на которой я лежал, и квадратного ковра, цвета которого изменились до полной неопределённости.

Потом моё зрение затуманилось, и я закрыл глаза, а когда снова открыл их, комната снова изменилась. Теперь на столике рядом с моей кроватью стояла бутылка шотландского виски. Как она тут очутилась, и как эта амброзия попала мне под язык?

Я неуклюже оделся, спустился в кафе отеля на улице и заказал свой обычный *кофе де олья*⁹⁹ с чуррос. Со знанием дела на меня слетелись обрадованные мухи. Я находился в сени бледно-серого собора в районе, подверженном землетрясениям, а улицы были

⁹⁸ Дайв-бар, как правило, представляет собой небольшой, невзрачный, эклектичный бар в старом стиле с недорогими напитками, который может иметь тусклое освещение, потертый или устаревший декор, неоновые вывески, продажу только пива в таре, обслуживание только за наличные и местную клиентуру. В общем, та ещё забегаловка.

⁹⁹ Кофе де олья (исп. *café de olla*, «кофе в горшке») — кофейный напиток, популярный в Мексике. Приготовление кофе де олья включает в себя ароматизацию его корицей и панелой —

заполнены собравшимися вдоль ограды парка детьми, одетыми в праздничные версии игрушечных ацтекских доспехов и держащими в руках игрушечные атлатли¹⁰⁰. Мои веки обжигал жар. Был первый день пасхальной *чарреады* — праздника быков, — и среди детей теперь маячили грозные женщины на лошадях, сверкающих серебряными заклёпками и чинелос¹⁰¹ с лицами конкистадоров. Хорошее зрелище за завтраком после ночи кошмаров. Карикатурно представленные лица завоевателей, яркие и усатые, с подведенными глазами, кружащиеся в стиле дервишей, индейское представление европейского зла. Это снова заставило меня задуматься. У зла всегда есть лицо, очень человеческое лицо, которое заставляет вас задать себе вопрос, что такое добро на самом деле и существует ли оно вообще. Лица чинелос вернули к жизни мёртвые лица убийц из моего собственного прошлого.

Накануне вечером я прилично заплатил официанту и попросил его присматривать за сеньором Линдером, который остановился на третьем этаже, и теперь, когда он меня увидел, то наклонился ко мне и сказал на ухо: «Сеньор Линдер присоединился этим утром к процессии на арену для боя быков в Вилле де Альварес. Так мне сообщили посыльные». Это было, примерно, в трёх милях отсюда, так что, возможно, он мог отсутствовать весь день.

Вернувшись в отель, я выяснил, что в главном вестибюле дежурит удивительно падкий до дармовых денег консьерж, завязав с ним беседу, я сообщил ему — срезая некоторые углы — чего я хочу. Я — следовательно, и оценил бы его усилия, если бы он отправился вместе со мной в комнату сеньора Линдера и позволил мне там осмотреться. Если бы Линдер неожиданно вернулся, то мы могли бы свести всё к невинной путанице с номерами.

Сначала он заколебался, но потом убедился, что наш абсолютно аморальный разговор никто не услышал. Положив мою сотню в карман, он кивнул мне. Мы вместе поднялись по парадной лестнице, прошли по залам в колониальном стиле, наполненным эхом некогда пойманных птиц. На третьем этаже мы обнаружили, что лестничная площадка пуста, и тихо направились к двери Линдера. Он явно нервничал, но за сто долларов в Колиме можно многое себе позволить. Он повернул ключ, толкнул дверь и позволил мне войти внутрь, всё так, как будто я собирался осмотреть номер прежде, чем его снять. Он дал мне две минуты, не больше.

К моему удивлению, комната была точно такой же, как у меня, и практически пустой. Не было ни багажа, ни одежды, а в ванной только гостиничное мыло. Даже кровать была застелена так, как будто ночью к ней никто не прикасался. Не было даже запасной пары обуви. Я повернулся к консьержу.

— Ты уверен, что здесь кто-то остановился?

— Да, сеньор. Как я сказал, это сеньор Линдер.

— Но у него нет багажа.

— Это его дело, разве нет?

— Он путешествует как призрак.

Я быстро обошёл кровать в поисках чего-нибудь, но не нашёл ничего более примечательного, чем наполовину сгоревшая сигарета в стеклянной пепельнице на ночном столике. Занавески были раскрыты, как и ставни. Я спросил своего спутника,

---

нерафинированным брикетированным тростниковым сахаром, иногда также гвоздикой, горьким шоколадом, анисом, перцем табаско и апельсиновой или лимонной цедрой. Кофе де олья традиционно готовится в глиняном горшке, отсюда и его название, и подается в глиняных чашках особой формы.

¹⁰⁰ Ацтекская копье-металка.

¹⁰¹ Исполнители одноимённого традиционного костюмированного танца.

оставил ли Линдер у них свой паспорт. Разумеется, он так и поступил. Мы заперли дверь и спустились вниз, в офис. Всё ещё нервничая, он просмотрел паспорта гостей, пока не нашёл паспорт Линдера. Это был обычный американский паспорт, содержащий сведения о «бизнесмене» семидесяти двух лет, родившемся в Стоктоне, со сроком действия ещё на семь лет, с фотографией, которая поначалу не показалась мне похожей на фотографии Зинна, которые были у меня с собой, но которая постепенно наводила на мысль об имеющемся сходстве. Волосы и усы были изменены, да и глаза казались старше, если уж на то пошло, но мне не нужно было долго смотреть на него, чтобы понять, что это не настоящий Пол А. Линдер. Я осмотрел края фотографии и заметил следы подделки. Это была хорошая работа, но не более. Достаточно, чтобы одурачить служащего отеля или без лишних вопросов пересечь сухопутную границу. Я спросил его, могу ли я сделать ксерокопию страницы с фотографией, и это потребовало дополнительной оплаты. Как только я её заполучил, то спросил, сколько времени займет добраться до Виллы де Альварес.

— Для Вас, — сказал он с пренебрежительной улыбкой, — целый день.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пробираясь под джакарандами¹⁰² сквозь толпу, я высматривал Линдера. Фестиваль *чарреада* был в самом разгаре, и процессия продвигалась по длинной аллее, над которой, казалось, парили снега Невадо. Это было движение столь же неторопливо, как у танцующих конгу¹⁰³ в конце вечеринки. При этом высокогорном свете лица чинелос казались ещё более кошмарными, чем на городской площади, и я пытался сделать своё продвижение сквозь толпу настолько неприметным, как только было возможно. Но к тому времени, когда процессия достигла деревянной арены для боя быков Ла Петатера в пригороде Вилья-де-Альварес, в трех или четырех милях от Колимы, я всё ещё не нашёл Линдера. Меня всё-таки взяли в оборот, когда я покупал билет, набросившиеся на меня гиды почувствовали во мне лёгкую добычу. Взволнованными голосами они принялись мне объяснять, что Ла Петатера каждый год строится к фестивалю заново, исключительно из веревок, досок и циновок или петатов¹⁰⁴. Когда всех быков убивают, навес сносят, а циновки сохраняют до следующего года. *С 1943 года, сеньор, и с тех пор его строят и сносят каждый год!*

Я вместе с толпой поднимался по деревянным дощатым террасам, пока не оказался на открытой арене. Там я и расположился с «миноксом» и театральным биноклем, которые прихватил с собой. К этому моменту толпа уже топала ногами в ритме, задаваемом мариачи, и вся конструкция из веревок и циновок содрогалась под этими ударами. Началось торжественное столпотворение, по окружности арены мальчик с валиком заново рисовал белый круг. Лавки напротив меня были залиты ярким солнечным светом. Я осмотрел их в поисках своего человека, и когда я, наконец, я его увидел, он был под самым солнцем, из-за него ему ничего не было видно, несмотря на надетые тёмные очки, а я более внимательно рассмотрел его в свой театральный бинокль.

На этот раз на нём был элегантный летний костюм с петлицей на лацкане пиджака и широкополая мексиканская шляпа. Это была поразительная смена одежды для человека, путешествующего без багажа. Издали он казался странно маленьким и стройным. Пока я наблюдал за ним, сам он наблюдал за предсмертными муками быков. По мере того как день приближался к концу, тень перемещалась по песку влево и, в конце концов, поглотила эту эльфийскую фигуру. Даже если бы я специально его не искал, то, всё равно, бы заметил, потому что старики без особых усилий находят друг друга. Он с видом знатока аплодировал каждому смертельному удару, приводившему к тому, что бык валился на землю с вываливающимся языком. Сквозь толпу начали пробираться мальчики с бумажными стаканчиками, в которых были нарезанные сметанные яблоки, выкрикивая «*Guanábanas*¹⁰⁵!», и я съел своё, наблюдая, как Линдер поедает такое же. Затем, на мгновение, глядя через арену, я подумал, что он, в свою очередь, тоже заметил меня. Я опустил бинокль и отвернулся. Единственные два белых человека в Ла Петатере, один из них с петлицей на лацкане, а у другого с театральным бинокль. В этот момент молодой матадор начал готовить свой *estocada*¹⁰⁶. Он поднял свою шпагу, и на арене воцарилась тишина. Я увлёкся моментом, и когда клинок опустился, а животное упало на колени, захлёбываясь кровью, я поднял глаза и обнаружил, что Линдер исчез. Все вокруг зашумели, когда свершилось убийство, а я изо всех сил пытался найти ближайший выход.

¹⁰² Род растений семейства Бигониевые. В большинстве случаев это большие или средней величины вечнозелёные деревья, растущие в основном в тропической и субтропической зоне.

¹⁰³ Латиноамериканский танец.

¹⁰⁴ Центральноамериканская подстилка из пальмовых волокон.

¹⁰⁵ Сметанные яблоки (исп.)

¹⁰⁶ Удар (исп.)

Напротив Ла Петатера открылась вечерняя ярмарка, и на ней только что зажглись огни. Ярмарочная площадь — это всегда лабиринт, и он исчез в нём исключительно для того, чтобы оторваться от меня. Вскоре я тоже затерялся в нем, среди киосков с *nuez fina*¹⁰⁷ и передвижных представлений — Похороненная Тамара, девушка, спящая под стеклянной пластиной, вокруг которой собрались фермеры, чтобы удивиться её предстоящему оживлению. Именно здесь я снова его заметил, покидающего это зрелище, оставив Тамаре банкнот в один песо.

Я последовал за ним. Он двигался как ленивец в льяном костюме, его ноги были длинными и всё ещё крепкими, а движения на удивление плавными. Чем больше я за ним наблюдал, тем больше убеждался, что это был именно Зинн, и что он тоже понимал, кто я такой.

Позади нас на синем фоне выделялся пепельно-серый Невадо; отсюда его снег казался более зловещим и близким, чем с дороги. Линдер, казалось, не знает, куда идёт, но вскоре, как будто что-то вспомнив, он вернулся к дороге. Теперь в переулках встречались мариачи в белых костюмах, под каким-то нелепым углом держащие свои огромные гитары. Духи оживают и подстраиваются под музыку. Веселье в бильярдных у дороги тоже было в полном разгаре. Он перешёл дорогу, казалось, заигрывая с идеей поиграть в одной из них, но вместо этого в одиночестве отправился по дороге обратно в Колиму, внимательно смотря под ноги, как это делают старики, и теперь, по-видимому, не замечая моего присутствия — если это, вообще, для него что-то значило. Так мы шли друг за другом по той же самой дороге, по которой оба пришли в этот же день, пока Линдер не добрался до придорожной кантины, остановившись у неё, чтобы выпить.

Он положил свою шляпу на один из столиков, выставленных снаружи, и что-то заказал, а затем закурил сигару. Целый час он сидел там, попыхивая ею, а я пристроился в тени у ограды и наблюдал за ним, отмечая, как он курит, поднимает стакан, как барабанит пальцами по столешнице. Он выглядел как человек в своей тарелке, как будто он бывал тут раньше много раз. Затем его позвал официант, он встал и исчез внутри. Десять минут спустя у кантины остановилась машина, и Линдер снова появился, торопливо направляясь к её задней дверце. Они уехали. После подходящей паузы я направился к тому же столику. Подошедший официант не выглядел не слишком приветливым. Стакан Линдера всё ещё стоял на столе вместе с блюдцем, наполненным фисташковой скорлупой. Он предложил всё убрать, но я сказал ему, что не стоит волноваться.

Я сел, и пока официант принимал мой заказ — порцию аньехо¹⁰⁸, — рассмотрел край стакана, который остался после Линдера. На нём было странное пятно, как будто оставленное чем-то, напоминающим губную помаду. Он оставил стакан недопитым.

Когда официант вернулся, я спросил его, знаком ли он со всеми старыми гринго в Колиме или знает только нас двоих. «Вовсе нет,» — сказал он, — «этого человека я тоже не знаю. Как и Вас.» Он улыбнулся, и в его глазах было понимание.

— Мы, американцы, — мы повсюду! — пошутил я.

Его улыбка стала ледяной.

— Не совсем, сеньор.

Я заплатил за напиток и не притрагивался к нему, пока он собирал ореховую скорлупу. Он оставался там, глядя на меня сверху вниз, как будто внезапно осознавая, что совершил ошибку. Потом он ушёл и больше не возвращался. Я опрокинул аньехо и подождал, пока покажется такси, направлявшееся в Колиму.

¹⁰⁷ Мелкие грецкие орехи.

¹⁰⁸ Разновидность текилы.

Вернувшись в отель, я спросил консьержа, вернулся ли Линдер. Он подтвердил, что так оно и есть. Не окажет ли мне консьерж услугу? Поднимется в номер, постучит в дверь и, когда Линдер ответит, спросит его, не нужна ли вечерняя уборка?

Я подождал в баре среди нескольких других американцев, и через несколько минут вернулся консьерж и сообщил мне, что сеньор Линдер сам открыл дверь и что он был одет в шёлковый халат.

— Шёлковый халат?

— Да, сэр.

Похоже, что у Линдера теперь появился целый гардероб. Я задался вопросом, как всё это могло оказаться в его номере.

— Он один?

— Меня не информировали о женщине, если Вы именно это имеете ввиду.

Я показал ему фотографию Зинна, которую теперь всегда носил с собой.

— Это был он?

— Думаю, что да, — ответил он.

«*Bueno*¹⁰⁹», — подумал я. Птичка в клетке.

В прежние времена я, возможно, ощутил бы восторг, но сейчас не почувствовал ничего, кроме тихого облегчения. Час спустя я сам поднялся на третий этаж и сел на скамейку, стоявшую на главной лестничной площадке, в окружении старых испанских *baúls*¹¹⁰. Птицы всё ещё носились по галереям, сетуя на свое загадочное заточение. Хотя очень и хотелось, но я подавил в себе желание постучать в его дверь. Возможность собрать побольше сведений, пока он ещё ни о чём не догадывается, победила, и я решил подождать и вернуться в свою комнату. Однако перед этим, я постоял в коридоре, прислушиваясь. Слышался тихий звук радио и ничего больше.

В номере я лёг на кровать и попытался всё обдумать. «Тихоокеанская страховая» не просила меня привлечь его к ответственности, да у меня для этого и не было никаких полномочий. Всё, что им было нужно, — это сведения, а здесь не то, что они искали. Это было и не то, что искал я. Мне пришло в голову, что если бы я захотел, то мог бы легко заключить с ним сделку. Можно было бы немного попугать его, а затем согласиться оставить в покое за небольшую долю полученного. Не очень благородно, и противоречит моим взглядам на жизнь, но кое-кто мог бы счесть это вполне приемлемым. Прибыль «Тихоокеанской» для меня ничего не значила, и афера Зинна меня тоже не касалась.

Многие люди инсценировали свою смерть, чтобы обмануть страховую. У компаний в Штатах не было современной базы данных, с помощью которой можно было бы перепроверять претензии; всё старательно делалось вручную, как во времена Диккенса. Большинство компаний осторожно отказали бы в выплате, но одна или две выплатили бы, а этого было бы вполне достаточно, чтобы выдлить миллион, а затем исчезнуть. Без сомнения, так Зинн и поступил.

Но был ещё настоящий Линдер. Может быть, я был чем-то обязан бедняге, чей труп, конечно же, против его воли оказался на берегу ради чьего-то плана. Кто-то всегда считает себя чем-то обязанным тем, кто уже ничего не может сказать, являясь жертвами интриг других людей. Именно к Линдеру я теперь испытывал некую привязанность. Может быть, у него были жена или сестра, которым я мог бы рассказать, что на самом деле случилось. И для меня это что-то значило.

¹⁰⁹ Хорошо (исп.)

¹¹⁰ Сундуков (исп.)

Должно быть, я провалился в сон, потому что была почти полночь, когда кто-то постучал в дверь. Это разбудило меня, и на мгновение, как и утром, мне показалось, что я понятия не имею, где нахожусь. Сначала это звучало тихо и робко, но когда я не ответил, оно стало немного смелее. Через глазок я увидел распухшее лицо женщины, молодой и сильно накрашенной, и, казалось, что-то, тень или аура, выдавали присутствие рядом с ней кого-то ещё, оставшегося вне поля зрения. Она постучала громче, и я отступил от двери, готовясь в случае чего, отпрыгнуть, насколько смогу в моём возрасте. Наконец они сдались, и я услышал шаркающие шаги по ковру снаружи. Определенно их было двое, и я долго сидел на краю кровати, размышляя об этом. Возможно, они просто ошиблись номером, сутенер и его девушка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В ту ночь сон больше так и не пришел. Освободив клинок из трости, я принялся смазывать его, подобно старому самураю, размышляющему о своей душе. Я никогда не использовал его против человека, но сейчас это был мой последний рубеж обороны. Когда сдают мускулы, для защиты остаётся только холодная сталь. Тот кузнец в Токио сделал его много лет назад из тамахаганэ — «алмазной стали» — используемой для изготовления мечей *катана*. Лезвию, изготовленному из железосодержащего песка и способному прорезать другие металлы, *хамон*¹¹¹ придавал особое изящество. Теперь без всего этого я и дня не мог прожить.

Утром я устроился на наружной веранде в жаре вместе с другими любителями кофе в ковбойских рубашках в ожидании, когда в передних дверях появится Линдер. Надев огромные очки авиатора, я держал утреннюю «*Диарио де Колима*»¹¹² достаточно широко, чтобы под её прикрытием выпить свою обычную порцию кофе де олья с неизменными чуррос. В девять пятнадцать появился Линдер, буквально на секунду задержавшийся в дверях, чтобы, когда солнце осветило его лицо, прикрыть глаза рукой.

На мгновение ослеплённый, он меня не заметил. Позади него один из посыльных нёс небольшой отличного качества кожаный чемоданчик с серебрянными пряжками.

Автомобиль из проката проехал по улице и остановился прямо перед ними, и они направились к нему с невероятным достоинством. Моя собственная машина была припаркована на стоянке за отелем, и я попросил официанта передать, чтобы мне её немедленно подогнали.

Линдер тем временем уселся на водительское сиденье, и парень, который его сопровождал, отсалютовал ему, передал чемодан и отступил от машины.

Одет Линдер как обычный бизнесмен, всё в тот же светлый костюм, в котором он был на корриде, волосы коротко подстрижены. Но после боя быков его внешность полностью изменилась, как будто он перевоплощался в новую личность, и довольно в этом преуспел.

Моя машина прибыла через минуту после того, как он покинул *zócalo*. На окраине города я снова его нагнал, направлявшегося к скоростному шоссе на юг, в Мансанильо. Итак, он ехал назад к побережью.

Он казался человеком, наслаждающимся первыми днями уединения в тропиках. Удача определенно улыбалась ему. И тогда у меня возникло ощущение, что до сих пор я в нём ошибался: он понятия не имел, что за ним следят, и не догадывался, кто я такой и зачем его преследую. Он был совсем один в своём маленьком мирке, и этот мир был наполнен солнечным светом и лёгкими деньгами. Он исчез и снова появился, и был уверен, что никто этого не заметил. Это была непринуждённость тех, кто знает, что им может сойти с рук то, что другим смертным не под силу. Этот тип я знаю очень хорошо, возможно, лучше, чем любой другой. Неудивительно, что он остановился в «Лас-Хадас». Это один из самых известных отелей в Мексике. Раскинувшийся по всему полуострову, он был похож на киносъёмочную площадку, представляющую роскошный район в Танжере, то есть на то, чего на самом деле не существует.

Это был магнит для подставных лиц и мужчин в бегах, бездельников и мелких плейбоев с аккуратными усиками, американцев на яхтах, которые могли пришвартоваться к собственной огромной пристани, и женщин, ищущих лёгких заработков. Мавританская белизна, наполненная бассейнами в форме лагун и уличными фонарями как из андалуссийской деревни, с пейзажами, плавно перетекающими в рестораны и ночные

¹¹¹ Хамон — видимая линия зонной закалки на традиционном японском холодном оружии.

¹¹² Ежедневник Колимы (исп.)

клубы, наполненные неизвестными знаменитостями и хорошо известными людьми из тени, которые на короткое время вышли на свет с целью насладиться этим моментом.

Я бывал там и раньше, но никогда по работе, я играл в гольф на огромном поле и наблюдал за теннисными турнирами знаменитостей со звёздами мексиканских сериалов, о которых я никогда и не слышал, не говоря уже о звёздах местного теннисного «Клуба Сантьяго». Иногда я видел там Бо Бриджеса¹¹³, но большинство других звезд были уже после моего времени, и я никогда не следил за их карьерой, хотя и узнавал Руту Ли¹¹⁴, и иногда испытывал искушение попросить у неё автограф. Под руку с Сезаром Ромеро¹¹⁵ и с солнцем над головами — вот были деньки, пусть они никогда и не вернутся!

Мы с Линдером прибыли почти одновременно, и поэтому я направился прямо в вестибюль, как будто я уже был постояльцем, и подождал, пока Линдер закончит оформление, а затем проследовал за ним и посыльным к отведенному ему номеру. Это был люкс с видом на залив, и теперь, когда я узнал номер его комнаты, то спустился вниз зарегистрироваться уже самому. Я попросил номер с видом на море, и после того, как мне предложили несколько номеров на выбор, но все они были далеко от Линдера, мне удалось подвести их к тому, чтобы предложить номер в трёх дверях от него. Ещё одно стремительное перемещение привело меня уже в собственный номер. В люксе были мраморные колонны и балкон с бугенвиллией, вид с которого на море вызывал отдалённую ностальгию, такую синеющую глубину я не видел уже несколько лет.

—

Когда коридорный ушел, я снова надел шляпу, подошёл к углу большого окна и посмотрел туда, где предположительно был балкон Линдера. Его самого там не было, но я увидел купальный костюм, висящий на спинке одного из стульев. Затем я придвинул стул и сел у входной двери и стал прислушиваться к звукам из коридора.

Только через полчаса я услышал, как щёлкнула дверь, и кто-то стал спускаться по лестнице. Я тихонько приоткрыл дверь и увидел фигуру Линдера в плавках и рубашке для гольфа, удалявшегося по коридору. Я последовал за ним в вестибюль. Там он спросил, как пройти к одному из прибрежных ресторанов, где и занял один из столиков. «Счастливые часы»¹¹⁶ уже почти наступил, и он попросил меню. Вернувшись в вестибюль, я нашёл одного из служащих — желание подзаработать я могу прочитать на их лицах, — и попросил его помочь мне попасть в свой номер. Ему было около восемнадцати, на работе ему было скучно, и по дороге я пораспрашивал его о ней. Зарплату он назвал отвратительной, но я предположил, что всегда найдётся способ немного её увеличить. Когда мы оказались в коридоре совсем одни, я спросил, не предоставит ли он мне за некоторое вознаграждение дубликат ключа от комнаты Линдера. Всего лишь на полчаса. Он заколебался, но это было не совсем серьёзно, и, быстро спрятав сотню в карман, он направился в вестибюль за дубликатом. Это заняло две минуты. Однако же, он не захотел оставить меня одного и проводил меня до двери Линдера точно так же, как это сделал консьерж в «Себелло». Я на

¹¹³ Американский актёр (род. 1941), неоднократный обладатель премий «Золотой глобус» и «Эмми».

¹¹⁴ Канадская актриса и танцовщица (род. 1936).

¹¹⁵ Американский актёр, певец и танцор (1907-1994). Получил наибольшую известность благодаря роли Джокера в телесериале 1960-х годов «Бэтмен».

¹¹⁶ Счастливые часы — маркетинговый термин, обозначающий время (обычно 2—4 часа в середине или конце рабочего дня по будням), в которое заведение (ресторан, кафе, бар, паб и им подобные) предоставляют клиентам крупную скидку (обычно 30—50 %) на разливные алкогольные напитки, реже — на закуски и блюда меню.

минутку зашёл в свою комнату, чтобы взять подслушивающее устройство, а затем служащий впустил меня в комнату Линдера.

Здесь был такой же порядок, как и в предыдущем отеле, но теперь на полу расположился чемодан, а на прикроватном столике лежала стопка газет. Я поискал место, куда бы поместить «жучок», и, в конце концов, решил оставить его под углом одного из ковров в большой комнате. Он был слишком маленьким, чтобы его можно было обнаружить случайно, а служащий мне сказал, что горничные чистят ковры раз в неделю. Я оставил его там, и мы вышли, служащий удалился, не сказав больше ни слова. Я вернулся в ресторан и стал свидетелем того, как Линдер расправляется с тарелкой тако.

В конечном итоге, он справился и отправился на пляж поплавать. Там я воспользовался крошкой-«миноксом», чтобы запечатлеть его бледную сморщенную фигуру, являющуюся из волн. Потом он вернулся за столик и заказал бутылку текилы.

В сумерках в Лас-Хадасе всегда воцаряется суматоха. Гости спускаются к пляжу, надев вечерние наряды, играют музыканты, и начинается повальное пьянство. Линдеру пора было вернуться в свою комнату переодеться. Я за ним не последовал. Выждал минут пятнадцать, затем отправился к себе и включил радиоприёмник, чтобы послушать «жучок». Линдер был в ванной, из которой доносились громкие звуки. Долгое время ничего больше не было слышно, а затем зазвонил телефон. Линдер подошёл к нему, поднял и спросил: «Да?»

Больше я ничего не услышал, а потом он положил трубку.

Он вышел на балкон, и через окно я видел, как он сидит за столиком и наслаждается видом. Весь залив был залит светом с рыбацких лодок. Закончилось тем, что, в его дверь позвонили, и он вернулся в комнату. К нему кто-то пришёл.

Это был мужчина, он говорил по-английски, но в его голосе перекачивались мексиканские нотки.

— Неплохо, — сказал гость, очевидно, расхаживая по номеру и комментируя увиденное. — Тебе достался самый лучший номер.

— Хочешь рома?

— Пока нет. Спустишься со мной?

— Я уже переоделся, не видишь?

— Ты похож на партнёра для танцев.

У Линдера был голос ребенка, нежный и высокий. Это стало для меня неожиданностью. Слова пелись как своего рода либретто.

— Где мы встречаемся с крутильщиком? — пропел он.

— В баре. Он уже там, Набирается дружелюбия.

— Правда? Вот мерзавец.

— Я сказал ему, что ты не хочешь, чтобы он напивался.

— Ну, теперь уже поздно.

Они вышли. Я накинул пиджак и последовал за ними в вестибюль. В тот вечер была вечеринка в помощь Таиланду, организованная очень популярным среди голливудских благотворителей Американским обществом помощи детям с психическими заболеваниями. Праздник уже шёл во всю, с наступлением темноты на пляже начали вспыхивать фейерверки, а в полосе прибоя начались латиноамериканские танцы. Царил такой хаос, что мне не удалось обнаружить в баре, где у них была назначена встреча, Линдера с друзьями. Однако, по крайней мере, вокруг было так много людей моего

возраста, что я не выделялся как обычно. Я отправился на их поиски, как рыбак за креветками.

У бассейна я присел в баре на открытом воздухе и стал наблюдать за толпой, колеблющейся вокруг меня, пока окончательно не убедился, что мои неприятные джентльмены схоронили себя в другом месте. Я попросил у одного из официантов кубинскую сигару из их меню, и он принёс мне её вместе с «буравчиком», наполовину состоящего из концентрированного сока лайма. Но я вспомнил о своём абсолютно пустом пищеводе, поставил его перед собой на стойку и стал ждать. Талианцы¹¹⁷ сходили с ума на песке, а мужчина в ацтекских одеждах бегал взад-вперед с шутихами, прикрепленными к рукам. Я развернул и обрезал сигару, затем поджёг её кончик и дождался, пока она раскурится. Когда я сделал первый глоток — лучшего аромата, известного человечеству, — то почувствовал, что кто-то собирается сесть рядом со мной.

Сначала я увидел нелепую геликоню¹¹⁸ на его рубашке, затем загорелую руку, появившуюся рядом со мной на стойке бара, и почувствовал запах чего-то похожего на сандаловое дерево, только очень слабый, который сразу же стал соперничать с ароматом *Cohiba Esplendido*¹¹⁹. Интересно, откуда я узнал, что это связано с моей целью, ещё до того, как полуобернулся и взглянул на его лицо — можно сказать, симпатичное, несмотря на то, что шестьдесят лет наложили на него свой отпечаток? У него были глаза голубые, как у хаски¹²⁰, и его лицо только-только начало поддаваться возрасту. Я должен был признать, что он выглядел лучше, чем я в том же возрасте, и нисходящие морщины, избороздившие его лицо, были неглубокими и упругими. Его кожа была эластичной, словно смазанной маслом, что делало ее восхитительной с расстояния в два фута. Мужчина, внезапно подумал я, который умывается ослиным молоком или какой-нибудь дорогой японской сывороткой.

Казалось, что на самом деле он меня не замечает, но с другой стороны, подумал я, никто не садится рядом с кем-то совершенно случайно. Всегда есть причина, осознанная или нет.

Как бы то ни было, он заказал себе дешёвый «Джек Дэниелс», даже не взглянув в мою сторону, достал из кармана маленький игрушечный «волчок» и положил его на стойку. Щелчком пальцев заставил его вращаться и наблюдал, как он раскачивается, приходит в равновесие, а затем снова раскачивается.

— Забавно, не так ли? — сказал он бармену.

И потом, наконец, повернулся ко мне.

— Не хотите попробовать, сэр? Говорят, это к удаче, если сможете заставить его вращаться хотя бы минуту.

— А если нет?

Он улыбнулся, и казалось, что взглядом он хочет установить со мной некую связь.

— Плохая примета. Но ничего страшного.

Бармен сказал: «Я вчера пробовал, и не получилось.»

Я протянул руку, взял «волчок» и раскрутил его.

— Вот так, и надо! — сказал мужчина. — Чем чаще делаешь, тем лучше получается.

«Волчок» слегка загудел, а затем рухнул на счёт «сорок два».

¹¹⁷ Члены вышеупомянутой благотворительной организации, занимающейся вопросами психического здоровья.

¹¹⁸ Род цветковых растений.

¹¹⁹ Сорт кубинских сигар.

¹²⁰ Уууууу!.. Хаски клёвые!..

— Не получилось, — вздохнул он.

— С волчками у меня никогда особо не получалось.

— Понятно. Но сигара у тебя чертовски хороша. — Он повернулся к бармену. — Я хочу такую же.

— *Cohiba Esplendido*.

— Да, именно эту.

Глаз хаски уставился на меня.

— Итак, во что вы вляпались, мистер Буравчик?

— Избиение жены, — сказал я.

— Ну, конечно. Так себе ситуация. Раньше бывал у талианцев?

В этот момент танцующие взывали к звездам.

— Никогда, — ответил я.

— Очаровательное общество. Ты один?

— Говорю же, жена хочет меня упрятать.

Он усмехнулся, и подали сигару — на этот раз на тарелке. Церемония получилась непродолжительной. Бармен уже обрезал её для него.

— Не самое подходящее место для одинокого мужчины, — продолжал он. — Ты, должно быть, единственный мужчина, который одинок в этом заведении. Поэтому я тебя и приметил. Одинокий мужчина, подумал я, сидит в баре с сигарой. Старый гринго. Всегда есть кто-то одинокий.

— Я всегда самый старый гринго в баре. Это мне подходит.

— Действительно? Всегда чувствуешь себя немного одиноким?

Он снова закрутил «волчок», пока бармен поджигал *Cohiba* и передавал ему. Игрушка непрерывно вращалась больше минуты, и мы одновременно вдохнули аромат кубинских листьев.

— Всегда удивляюсь, почему мужчины путешествуют в одиночку, — продолжил он. — Что до меня, то я с партнёрами по бизнесу. Они где-то поблизости и проводят время лучше, чем я.

— Такие же старые?

— Да, теперь все старые. Для стариков это прекрасная страна.

Я поднял свой бокал, чтобы чокнуться — было самое время.

— *Kamrai*¹²¹, — вынужденно сказал он.

— Возможно, в будущем все будут старыми, и так будет лучше. Не будем так беспокоиться по этому поводу

— Да, но как насчет *muchachas*¹²²?

— Те дни для меня уже позади, — сказал я. — Но всегда найдётся кто-то, кто сделает тебя счастливым.

— Может быть.

Он крутил в руке сигару с довольно элегантной улыбкой.

¹²¹ Универсальный тост, повсеместно распространенный в Японии и означающий пожелание пить до дна.

¹²² Девушки (исп.)

— Путешествуешь по побережью? — спросил он.

— Я на пенсии, живу в Бахе. Сюда приехал ради серфинга.

Он рассмеялся.

— Ты довольно забавный парень».

Я поинтересовался о нём самом.

— Я здесь со своим боссом. У него дом недалеко от Барра-де-Навидад.

Он снова крутанул «волчок», и мы оба уставились на него, пока дым наших сигар клубился вокруг бокалов. Теперь у меня возникло неприятное чувство по отношению к нему, откуда оно взялось, я не знал.

— Если захочешь присоединиться к нам выпить, — продолжал он, — пожалуйста. Но я не расслышал твоего имени...

— Вальдштейн.

— Что за дурацкое имя. Ты не похож на еврея.

— Я немец.

— Немецкие гены. От них никуда не деться. Позже мы будем в баре «Локо», если захочешь к нам присоединиться, не стесняйся. Не переживай, с нами будет весело.

— Зато со мной не весело.

Когда я слез со своего высокого табурета и потушил «Кохибу» — бармен дал мне салфетку, чтобы её завернуть и докурить позже, — то он провел указательным пальцем над бровью и одарил меня очаровательной улыбкой.

— Всё равно скажу, что выглядишь ты немного одиноким, Вальдштейн. И это не очень приятно.

Но я вернулся в свою комнату один и уселся в темноте в кресле, вслушиваясь в радио. Шли часы, вечеринка снаружи доносилась до меня в виде нечеловеческих звуков и случайных вспышек фейерверков. Вальдштейн, подумал я, где, чёрт возьми, я раздобыл это имя, с такой лёгкостью выуженное из подсознания? Потом вспомнил. Он тоже был одним из мертвецов. Пьяница, который обокрал букмекерскую контору на Лонг-Айленде и которого убили отвёрткой дождливой ночью много лет назад, когда ДжФК¹²³ ещё был жив. Всё забывается, кроме имени. И он не был немцем, он был евреем. Его тело обнаружили в багажнике машины возле прачечной самообслуживания, оно было маленьким, как у ребёнка. Мне не стоило предавать его память. Если уж на то пошло, мне не следовало предавать и свои собственные воспоминания. Бедный Вальдштейн: я сказал ему, что заглажу свою вину. Затем, через час после полуночи, дверь комнаты Линдера открылась, и в неё ввалился он сам, немного потрёпанный, налетел на столик и выругался.

Натыкаясь на всё подряд, он добрался до телефона и в последний раз за вечер снял трубку, его голос был таким тихим, что было трудно разобрать все слова.

— Завтра мы едем в Барру — да, именно так — мне все равно, что он скажет, — просто собирайся и приезжай туда. Кто сейчас в доме? Сейчас мы хотим остаться одни. Понятно?

Сердито швырнув трубку, он рухнул на кровать. После этого он больше не издал ни звука. Послышался храп. Я выключил радио и сам начал ощущать слабость. Голова у меня горела и пульсировала после выпивки и крепкой сигары, было хуже, чем обычно, как будто человек с «волчком» довёл меня до такого состояния своей болтовней. Я отправился в постель, и мои ноги еле туда дотащились. Трость я положил рядом с собой и почувствовал, как необычный паралич поднимается по моим ногам вверх, пока не достиг бёдер. Комната

---

¹²³ Джон Ф. Кеннеди (1917-1963) – 35-ый президент США.

начала разрушаться, как будто в первые секунды землетрясения, а мрамор и штукатурка начали перемещаться. На мгновение я подумал о том, чтобы позвонить администратору, но когда я решил это сделать, но я не смог поднять руку и снять трубку; мне она не подчинялась и лежала рядом со мной, как меня в неё ранили. Вместо этого зазвонил телефон. Я хотел поднять трубку, но моя рука продолжала бунтовать, в то время как остальная часть моего тела тихо запаниковала, чего никто посторонний не заметил бы. Я почувствовал, что мой разум исчезает, как человек, оступившийся в темноте и упавший с обрыва. И, конечно же, я на самом деле был тем стариком, который внезапно превратился в добычу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Несколько часов беззвездной темноты до полудня следующего дня я крепко проспал. Когда я проснулся, то увидел, что снял с себя всё в одном месте у окна и, должно быть, я был не в себе. Я принял холодный душ и устроился на балконе на солнышке, чтобы согреться. Потягивая кофе, который принесли в номер, я увидел на соседнем балконе, принадлежащем Линдеру, что стол накрыт для позднего кофе на двоих, как будто жильцы тоже не спали всю ночь. Вокруг кофейника вились осы, но на балконе было ощущение заброшенности — по крайней мере, так было до тех пор, пока стеклянные двери не открылись, и навстречу сиянию моря и солнца не вышла женщина, которая села спиной ко мне у перегородки с половинкой грейпфрута в одной руке и маленькой ложечкой в другой. По спине ее блузки из розового шелка тянулась вертикальная линия перламутровых пуговиц, и когда она ела грейпфрут ложкой, зачерпывая дольки, мышцы на её спине не двигались. Я был слишком удивлен, чтобы скрыться из виду, но поскольку это был не Линдер, то это не особо и не требовалось. Но когда я обратил внимание на шиньон и затылок, то почти сразу понял, что это Долорес Арайя.

Я был, как будто, заколдован, чтобы пошевелиться, тысячи мыслей пронеслись в моём сознании в организованном беспорядке. Я уже собирался встать и броситься обратно в комнату, но за ту долю секунды, пока я решался это сделать, её голова повернулась на пол-оборота, как у животного, почувствовавшего хищника, которого ещё не видно. Едва она сделала это, как сразу же краем глаза заметила меня и повернула голову ко мне. Моя низкопробная маскировка не помешала ей узнать меня с первого взгляда. Я почувствовал укол вождения и безнадёжности. Она была накрашена, как певица из ночного клуба, и её губы, даже сейчас в полдень, были ярко подчеркнуты губной помадой. Она отложила ложку и грейпфрут, и взгляд её стал жёстким и недоверчивым. У меня больше не было возможности скрыться, и я должен был что-то противостоять исходившей от неё свирепости. Её губы шевельнулись, она что-то сказала, но не раздалось ни звука. Она всем телом повернулась ко мне и сняла солнцезащитные очки, я увидел тёмно-зелёные края её зрачков. Её лицо побледнело, а руки вцепились в край балконной перегородки. Мы были слишком далеко друг от друга, чтобы она могла тихо окликнуть меня, а она не хотела шуметь. Возможно, Линдер был в комнате. Но и молчания было достаточно.

Она, казалось, подсчитывала, сколько дверей отделяют её от меня, и, придя к какому-то выводу, через стеклянные двери вернулась в номер. Я также вернулся в свою комнату, собрал и спрятал радиоприемник, и надел галстук «Сулка»¹²⁴ с рубашкой цвета дыни.

Прошел час, прежде чем раздался стук в дверь, и я увидел её в «глазок», стоящую в коридоре всё в той же розовой блузке.

Я вспомнил, как мне в начале было её жаль, и как мне стало её нежаль после. Теперь я про себя улыбался и наслаждался тем, как случайно поймал её в медовую ловушку, маленькую мушку, каковой она и являлась.

Я широко распахнул дверь и, не притворяясь удивлённым, попросил её войти — сейчас был неподходящий момент для того, чтобы что-то изображать.

— Не могу поверить, — вот и всё, что она сказала, когда вплыла в комнату и развернулась ко мне лицом, представляя передо мной, вся такая Клеопатра в ярости, но больше напоминая Элизабет Тейлор, исполняющую роль этой королевы Нила. Я закрыл дверь и запер её, во второй раз за месяц мы остались одни.

— Ты... — сказала она, слегка заикаясь.

¹²⁴ «Amos Sulka & Company», ныне не существующий производитель мужской одежды.

— Прохожу через замочные скважины, как Питер Пэн.

— Кто это?

— Не бери в голову. — В её глазах совсем не было игры. — Мы выйдем или поговорим здесь?

— Ты что, шутишь?

Она уставилась на всё ещё открытые стеклянные двери, но я вместо этого пригласил её присесть на диван. И сразу же заметил в ней кое-что: сбоку на шее у нее был овальный синяк размером с подушечку большого пальца.

— Ты же не собираешься сказать мне... — начала она.

— Нет, это не так. Я приехал сюда не отдыхать. За этим я еду в Нью-Джерси.

— Ты мелкий ублюдок, — выдохнула она, оглядывая меня, пока садилась, а затем посмотрела на дверь.

— Это работа, — сказал я.

— Как раз для такого скользкого типа, что ни говори.

— Признаю, во мне есть немного от улитки. Кстати, что с твоей шеей?

Машинально её рука дёрнулась к синяку, а затем она опустила ее с пренебрежительным презрением к собственной секундной слабости.

— Столкнулась с северным оленем. Тебе-то какое дело?

— Тогда тебе повезло, что теперь ты наткнулась на меня.

— Это тебе повезло, что я заметила тебя первым.

Я спросил ее, почему.

— Узнаешь, — усмехнулась она.

— Ты должна быть довольна, что я повсюду таскаюсь за тобой — это комплимент.

Она выглядела очень привлекательно в своих белых хлопчатобумажных брюках и шелковой рубашке, с жемчужными серьгами и часами от «Патек»¹²⁵. Дела у неё явно шли в гору.

— Что ж, мне повезло. Что могу предложить?

— Не хочу с тобой пить. Хочу знать, что ты здесь делаешь.

Я ответил ей, что она знает, что я здесь делаю. Если это не так, то я могу объяснить.

— Я должна была бы догадаться, — сказала она.

— Если бы ты знала, что бы ты сделала?

Она ничего не ответила, присела на краешек дивана в позе цапли, её мысли витали за лакричными ресницами.

Я подумал, что она сделала бы всё, что угодно. Всё, что потребовалось бы.

— Это очень жестоко с твоей стороны, — сказала она наконец. — Ты не знаешь, через что нам пришлось пройти.

— Я знаю, через что прошла страховая.

— Тебе на них наплевать. Тебе просто платят. Я же говорю о том, через что прошли мы с ним.

---

¹²⁵ Patek Philippe (рус. Патэк Филипп) — швейцарский производитель часов класса «люкс».

Я откинулся назад и должен был признать, что сейчас мне всё это нравилось. Её глаза ожидаемо наполнились крокодильими слезами, но ничего не произошло; они не покатались и не полились ручьём. Всё равно бы я в это не поверил.

— Не знаю, через что вам пришлось пройти, — сказал я. — Возможно, и мистеру Линдеру тоже пришлось через что-то пройти. Дональд наслаждается своей отставкой?

На мгновение мне показалось, что удалось её ошеломить, но она была мастером по преодолению кризисных ситуаций.

— Не советовала бы тебе разговаривать с ним, — просто сказала она.

— У меня и не было такого намерения. Всё, что мне было нужно, — это фотографии, а они у меня уже есть. Я могу отвезти их в Сан-Диего, и на этом мы закончим.

— Вот об этом я и хотела с тобой поговорить.

Я говорил, наблюдая, как она перекладывает свои длинные конечности, в то время, как её мысли меняют направление:

— Это ближе к правде. Ты становишься более дружелюбной, когда захочешь.

— Не хочу показаться недружелюбной, я просто не ожидала тебя тут увидеть. Ты, наверное, думаешь, что Дональд знает про тебя, но это не так. Я ему не сказала. Честно говоря, я не думала, что ты отправишься сюда на его поиски. Полагаю, я ошиблась. — Наконец она немного оттаяла, и в её голосе проявилось больше тепла. — Я хочу знать, зачем ты это делаешь, и какое, по-твоему, это имеет сейчас значение.

— Хороший вопрос.

Я уже думал об этом, но так и не нашел подходящего ответа. Очевидно, что для высшего блага не имело никакого значения то, чем я сейчас занимался. Имело значение только то, проведут ли они с Дональдом несколько лет за решёткой. Но это мелочь.

— А что, если я скажу тебе, — продолжала она, — что это не было заранее спланировано? Что всё это произошло случайно. Что человек погиб в результате несчастного случая, и Дональд просто решил провернуть этот трюк — такая уж пришла ему в голову безумная идея. Полагаю, ты бы в это не поверил.

— Думаю, не поверил бы.

— А если я всё-таки скажу, что так и было? Такой вот он авантюрист. И ничего более.

— Это всё равно, что сказать, что ты веришь в то, что Земля — плоская. Так?

Она просияла, и её напряжение ослабло.

— Может, и так. Это кажется более логичным — плоская Земля. Это не так уж и страшно, тебе не кажется?

Она вспотела, её лицо сияло и казалось прекрасным, детским в своем порыве.

— Даже если и так, — сказал я. — То, что ты только что рассказала, мало что меняет.

— Может быть, юридически и не меняет, но я имею в виду моральный аспект...

— С этим сложно разобраться и в более простом случае. Но сейчас это точно не должно упоминаться. Кто этот болван?

— Он не болван. Кто-то из знакомых Дональда.

— Хорошо иметь друзей, которые тебя не забудут. Испытывал ли Дональд к нему тайную привязанность? Расскажи, как он умер.

Она внезапно разволновалась и на мгновение перестала держать себя в руках. Её нижняя губа бессмысленно дёрнулась, прежде чем она снова собралась:

— Может быть, нам стоит немного успокоиться и все хорошенько обдумать. В смерти Пола не было ничего подозрительного. Дональду пришла в голову безумная идея, и он воплотил её в жизнь. Это ужасный поступок. Но это уже произошло. Теперь это просто пролитое молоко¹²⁶, не так ли? Ни для кого это уже не имеет никакого значения.

— «Тихоокеанская» заплатила — но, что это для них?.. Только не говори мне, что дело в принципе. Ты же в это не веришь, и я тоже.

Но я сказал, что дело именно в принципе.

— Я хочу узнать, кто такой этот Линдер — мне любопытно. Но если ты не хочешь мне сказать, я смогу выяснить это каким-нибудь другим способом.

— О, пожалуйста. Тебе на него наплевать. Ты здесь только для того, чтобы нас шантажировать нас

— Шантажировать?

Мне пришлось рассмеяться, и ей это не понравилось.

На самом деле, заметил я, я вообще не ожидал её тут увидеть. И я никогда в жизни никого не шантажировал.

— Но сейчас ты меня шантажируешь! — взорвалась она.

— Я ни о чем не просил, миссис Зинн. Мог бы, но не сделал этого. Но теперь, когда Вы упомянули об этом, это совсем неплохая идея. Однако дело в том, что для этого нет никаких причин. Мне не нужны деньги, если только я не захочу отдать их на благотворительность.

— Я тебе не верю! — закричала она.

— Говорите тише. Ваш замечательный муж может услышать через стену. Кстати, ему нравится, когда его называют Полом?

— Ему всё равно, как его зовут. Он просто хочет жить своей жизнью.

Теперь по щекам катились слёзы.

Она призналась, что у него были огромные долги. И это был выход — каждый ведь хочет найти выход. Разве не так?

— Не совсем, — сказал я.

— Просто потому, что ты никогда не оказывался в безвыходной ситуации. Ты даже не представляешь, что такое отчаянная ситуация. Я не говорю, что в этом нет и нашей вины. Но всё равно, иногда, всё выходит из-под контроля. Такое случается. С обычными людьми такое бывает.

— Вы «обычные люди»?

— Конечно. Мы просто оказались в отчаянном положении. Мы не злодеи, как, я уверена, ты думаешь. Я регулярно хожу в церковь.

— Сомневаюсь, что и Дональд тоже.

— Он порядочный человек. Если подумать, то он, вероятно, более порядочный, чем ты.

— О, это высокий уровень порядочности.

Она немного взяла себя в руки, глаза её глаза успокоились и высохли. Казалось, она поняла, что сейчас ей нужно проявить хитрость и не потерять контроль над щекотливой, но не отчаянной ситуацией. Её взгляд застыл и сосредоточился на убогом старике, сидевшем

¹²⁶ No use crying over spilt milk — нет смысла рыдать над пролитым молоком (англ. поговорка).

напротив неё в другом конце комнаты. Как бы управиться со мной, как некоторые управляют с померанским шпицем¹²⁷? Это просто требует собраться и немного подумать.

— Мы могли бы отнестись к этому разумно, — тихо произнесла она.

— Почему бы не начать с самого начала? Спешить некуда. У нас в запасе весь день, если только Ваш муж не ждёт Вас, чтобы покататься на водных лыжах.

— Меня никто не ждёт.

Я не расспрашивал её ни об истории её жизни, ни даже об отношениях с мистером Зинном. Но она всё равно рассказала об этом.

Как я уже слышал, она познакомилась с Дональдом, когда работала официанткой в клубе «Фламинго» в Масатлане. У мужчин постарше, конечно, нет той привлекательности, но их вполне можно использовать, как, собственно, и Дональда. Он был щедр, небрежно обращался с деньгами и был склонен к проявлению бурных эмоций, которые казались женщинам искренними тогда, но заставляли призадуматься, когда они просыпались трезвыми на следующий день. Неважно. В нём было что-то особенное, и он ей сразу понравился. Такой необычный, такой экстравагантный. Обычно он приезжал в Масатлан один ловить марлина со своими друзьями. Когда всё приобрело романтический характер, то он позвал её с собой в Калифорнию. Это была мечтой любой девушки из любого бара в Масатлане. По выходным он возил ее в горы к «Джулиану» или в гостиницу «29 Палмс Инн» в пустыне Мохаве; они отправлялись на шикарные ужины в «Милле Флерс» в Ранчо Санта-Фе и останавливались в его таунхаусе в Коронадо. Когда он сделал ей предложение, она не колебалась ни секунды. Он был стар, но полон сил, как она выразилась, и у него были собственность и деньги в непостижимом для неё масштабе.

— Ты не смог бы меня обвинять, — застенчиво сказала она, внезапно снова потеплев и, казалось, расслабившись. — Ведь, в конце концов, мы с тобой не слишком различаемся, не так ли? Ты можешь назвать Дональда мошенником, но он не какая-то там дешёвка. Терпеть не могу дешёвку, а ты? Конечно же, не можешь. Как и я, ты просто хочешь получить всё, что можно.

— Хочешь мне что-то предложить?

— Я в раздумьях. Мне интересно, что ты за человек. Но я не могу ничего сделать, не сообщив Дональду. Я не могу заплатить и заставить тебя уйти у него за спиной.

Я спросил её, всё, что она хочет, это, чтобы я просто исчез.

— Конечно, — сказала она. Это сопровождалось красивой улыбкой.

— Но ключик от сундука у Дональда. А значит, я должен встретиться с ним, и он сможет высказать всё, что думает?

— Думаю, так будет лучше всего, разве нет?

— Сказал бы, что это довольно опасно для меня, — заметил я.

— Хочешь сказать, что он может решить убить тебя? Давайте не будем драматизировать. Это создало бы для нас всевозможные проблемы. Мы просто хотим, чтобы нас оставили в покое, и, думаю, ты это знаешь. Мы можем вместе поужинать, а после того, как заплатим, разбежимся в разные стороны. Я бы сказала, что для тебя это лёгкие деньги. Ты сможешь сообщить страховой компании всё, что угодно. Доказать они ничего не смогут, и если ты будешь на нашей стороне, они оставят нас в покое.

— Ты разобралась со всем за пять минут.

Конечно, на самом деле я так не думал. Она всё решила задолго до этого, и, если уж на то пошло, они оба всё решили. Я видел, каких усилий ей стоило сохранять внешнее

¹²⁷ Померанские шпицы тоже очень клёвые.

спокойствие и собранность. Она не собиралась снимать маску, но время от времени лёгкая дрожь пробивалась наружу, и она ничего не могла с этим поделать. В каком-то смысле это меня успокоило. Там, в её неистовых глубинах, происходила обычная человеческая борьба. Она не была машиной или законченным мошенником, и было даже возможно, что в этих невидимых глубинах существовали последние остатки некогда функционирующей совести. Её улыбка поначалу была холодной, а когда она перешла к вопросу о деньгах, то стала уже не такой холодной, как ей бы хотелось: деньги были тем, что она по-человечески понимала, а жадность — тем, чему она инстинктивно сочувствовала.

— Не думаю, что стоит всё усложнять. Хотя, конечно, зависит от того, сколько Вы запросите. Люди обычно просят слишком много.

— Я ничего не прошу, — сказал я. — Вы можете внести предложение, а я решу, стоит ли его принимать.

— Хорошо.

Ее глаза сузились, и она задумалась, принять это или отвергнуть прямо сейчас. Лучше всё-таки выиграть немного времени.

— Мне нужно обсудить это с Дональдом...

— Делайте всё, что хотите. Мы можем встретиться с вами обоими внизу в девять?

— Позволь мне сначала спросить его. Я имею в виду, что мы должны это обсудить. Он может быть очень неприятно удивлен.

— Давай предположим худшее, хорошо?

— Когда что-то идёт не так, в нём проявляются нелучшие черты.

В прежние годы я бы попробовал другой подход и в такой момент поставил бы на неё. Её колебания и отвращение привлекли бы меня. Но сейчас я всего лишь ветеран, увешанный медалями, человек с вялыми ногами и сверкающим металлическим нагрудником. Я ухажу с поля боя, как я и сказал человеку с волчком, и вот, этот момент пришёл и ушёл, не оставив после себя ничего, кроме одной-двух мыслей. Она встала, и я сделал то же самое, но с обычными затруднениями. Она посмотрела на меня с легким недоверием. Мы подошли к двери. Её взгляд задержался на некоторых деталях моей комнаты, на вещах, которые я, возможно, спрятал до её прихода, а затем она повернулась, прежде чем открыть дверь, и сказала мне, что лучше бы мне взять их деньги и отправиться домой. Быть на пенсии было не так уж плохо. Это было лучше, чем такая жизнь, как эта. Живу в гостиничных номерах в Мексике и шпиону за людьми.

— Это как-то жалко для такого как ты, — сказала она.

— А что было бы лучше?

— Ну, не знаю. Сидеть у камина с собакой, пока кухарка готовит лазанью.

— Это то, к чему я вернусь.

— Хороший план. Я думаю, Вам следует его придерживаться.

Она сама открыла дверь, и я подумал, что теперь она боится возвращаться в свой номер.

— Я дам знать насчёт ужина, — сказала она и выскользнула обратно в мир, в котором ей было так комфортно.

— Буду ждать звонка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В действительности же, я позвонил в службу доставки еды и заказал «буравчик», а затем позвонил Бонхофферу в Эль-Сентро. Я точно знал, где его найти. Он был в закуской и ел в одиночестве, что, как я предположил, было его грустной привычкой, и жара пустыни просачивалась сквозь динамики ресторанного телефона. Я был рад, что меня там нет.

— Ты действительно звонишь, — сказал он, — в самое неподходящее время.

Но всё же была середина дня. Я сказал, что хотел бы узнать, может ли он за умеренную плату разыскать для меня некоего Пола А. Линдера. Он записал подробности на салфетке, и мы договорились: он наберёт меня завтра.

— Но навскидку? — спросил я.

— Никогда о таком не слышал. В любом случае, дорогу он мне не переходил.

— Если он из твоего округа, ты его найдёшь. Я бы также проверил всех бродяг. Не уверен в его респектабельности.

На мгновение он перестал есть свой отвратительный бургер.

— Ты в Мексике? Голос какой-то довольный. Может, не стоит возвращаться?

Мягко говоря, это была идея.

Я снова включил приёмник и послушал, что происходит в номере Зинна, расположенном через несколько дверей дальше по коридору, в котором Долорес тревожно расхаживала взад-вперёд в ожидании своего безумного принца. Прошел час, пока он не вернулся. Дверь с шумом распахнулась, послышался закрываемого замка, потом шёпот. Они вышли на балкон, и я предположил, что именно там она объяснила ему, что произошло. Они вернулись в дом, а она всё ещё объясняла. Его высокий певучий голос был полон угрозы и коварства, но также удивления и наивной растерянности. На некоторое время он замолчал, а она продолжала расхаживать по комнате.

— Кто он? — продолжил спрашивать он.

— Приехал на курорт. Я не сказала тебе, потому что...

— Короче, сейчас он здесь.

— Мы ему заплатим. Ничего особенного.

Дональд лёг на кровать — пружины заскрипели, — она села рядом с ним. Некоторое время они неслышно перешептывались, время от времени их голоса повышались до панического крещендо¹²⁸, а затем один из них стал наполнять ванну. Сначала я подумал о старом трюке, чтобы заглушить разговор, но оказалось, что они об этом и не знали. Он залез в ванну, и в комнате снова стало тихо. Она заговорила с ним, лёжа в постели.

— Пригласим его к себе домой поужинать и дадим денег. Давайте отнесемся к нему спокойно. Он просто хочет подзаработать.

— Ублюдки...

Она сказала, почти смеясь:

— Это в человеческой природе. Могу его понять. Давай пригласим его в Барру, угостим хорошим вином, дадим денег, и он уедет счастливый. Тогда всё и закончится.

— Все эти ублюдки, только и берут взятки. Это просто смешно.

---

¹²⁸ Крещендо или крешендо (итал. *crescendo*, буквально — «увеличивая») — музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

Она пошла в ванную, и её голос затих. Но я услышал, как она сказала: «Предоставь это мне».

На несколько минут воцарилась тишина. Потом я услышал, как он вышел из ванной, и они вместе улеглись на кровать.

— Он смелый, — услышал я его тихий голос. — Чертовски смелый.

— Да, милый. В этом ему не откажешь.

— А мы здесь. И он у нас прямо в заднице.

— Не теряй голову. Давай поужинаем с ним, и ты сможешь высказаться.

— Хорошо.

— Он просто какой-то придурковатый старик. Он не будет...

— Да, что ж, значит, это касается нас обоих...

Должно быть, они проспали остаток дня, потому что передача прекратилась. В конце концов, я оставил это дело и с фотоаппаратом вышел на балкон. Залив теперь был освещен солнцем, почти касавшимся горизонта, и по его спокойной поверхности были разбросаны белые паруса, напоминающие мотыльков, утоляющих жажду в луже дождевой воды. Пляжи отеля, как всегда, набирались сил для очередного разудалого вечера, и по всему курорту начали зажигаться фонари, освещая башенки, ограды и маленькие андалузские арки.

Я снова взглянул на карту и выяснил, что Барра находится всего в двадцати минутах езды отсюда по побережью той же дорогой, которой я воспользовался несколькими днями ранее. Я тогда миновал его, практически не заметив, лишь мимолетно отметив виллы богачей, стоящие в джунглях между дорогой и морем. Там уже мог быть куплен дом на имя Линдера — идеальное убежище для их неясного, но обеспеченного будущего. Кто знает, сколько наличных Долорес привезла с собой из Эль-Сентро в чемоданах, погруженных в машину и явно не внесённых на границе в декларацию. Этого я даже не мог предположить. Могла ли речь шла идти о миллионах, ведь всё было поставлено на карту, и если бы их остановили на таможне, то они потеряли всё в один момент. Но тогда я был уверен, что она знает всех мексиканских пограничников и смогла бы их подкупить. У неё хватило бы наглости проделать это; и, в конце концов, этой загадочной способностью она обладала в большей мере, чем я. Она не слишком долго обдумывала свои действия, и это позволяло поступать ей молниеносно, когда это требовалось. Я начинал испытывать к ней невольное восхищение. Вечер заслуживал галстука от «Гуччи»¹²⁹, и я подобрал его к одному из своих старых жилетов. Что у меня было, так это талант выглядеть человеком, явившимся из другой эпохи, сохранив при этом только свою одежду. Подготовившись таким образом, я ждал её звонка. Он раздался в семь двадцать.

— Встретимся внизу, в прибрежном ресторане. Там заказан столик на имя миссис Линдер. Мы снаружи в толпе. В вестибюле Вас встретят и обыщут.

— Надеюсь, кто-то симпатичный?

— Через пятнадцать минут устроит?

Я спустился чуть раньше, и, как она и сказала, среди царившего вокруг хаоса меня поджидал мужчина, без особых усилий выбравший именно меня. Молодой мексиканец в пляжном белом костюме и эспадрильях¹³⁰. Он был дружелюбен и отвёл меня в мужской туалет, где и обыскал меня, затем пожелал доброго вечера и отправился восвояси. Получив таким образом сертификат о собственной безвредности, я отправился на пляж и

¹²⁹ — Даже не сомневайесь, это точно «Гуччи». Меряйте! Вставляйте на картонку, а я штормку подержу.

¹³⁰ Эспадрильи — лёгкая летняя мужская и женская обувь, напоминающая тапочки с задником.

спросил зарезервированный столик. Он был сервирован на четыре места. Я удобно устроился и заказал очередной «буравчик» с соком лайма, а затем стал ожидать, когда появятся Зинны, теперь, впрочем, уже Лендеры. Через полчаса я уже начал считать себя обманутым, но как только я попросил счёт за выпивку, появилась Долорес с макияжем, соответствующим намерению провести вечер в клубе; однако, она была одна.

Она проделала свой путь к столику и извинилась за опоздание, а затем добавила, что Дональд неважно себя чувствует и не присоединится к нам.

— Не надо спрашивать, выдумка это или нет, — сказала она, присаживаясь. — Это правда. Он пожилой человек, Вы же знаете. К этому всё приходит. Возможно, он спустится позже.

— Может быть, он просто недоволен.

— Я и не говорю, что он недоволен. Он *очень* недоволен.

— Ну, в любом случае, я здесь.

Она предложила нам съесть немного барракуды, и кто бы мог от этого отказаться?

— Нет, спасибо, — сказал я. — Я буду краба. И буду придерживаться «буравчиков». Вам стоит попробовать этот напиток стариков. Он такой же сладкий, как тот, что дают карапузам.

— В последнее время я ограничиваюсь водой.

— Барракуда и вода. Неудивительно, что Вы такая стройная.

Как ни странно, это была приятная трапеза. Мы разговаривали о Калифорнии, как будто в данный момент у нас не было никаких других дел.

— Вы не собираетесь возвращаться, — сказал я.

— Я не хочу. После смерти Дональда я продала всю недвижимость.

— А что насчет людей, которым вы были должны?

— Мексика — чудесная страна, Вам не кажется? Это как лес, в котором так много деревьев, что никто не может сосчитать или различить между собой. Инвесторы — они не обеднеют. Сон из-за них я не потеряю.

— Честно говоря, я тоже.

— Вы не глупы, я так и знала. Единственное, что имеет значение в жизни, — это пройти её до конца и не разориться.

— Тогда почему это так трудно?

— Деньги? — Вдруг она протянула руку и взяла попробовать мой «буравчик». Поморщившись, она вернула его обратно: всё верно, это был напиток для стариков. Лаймовый ликер из другой эпохи.

Она продолжала: «У вас должна быть соответствующая вера».

Когда она была ребенком, то часто молилась вместе со своей сестрой в святилищах Масатлана, посвященных культу Санта-Муэрте¹³¹. Святая Смерть всегда представлялась в виде скелета Девы Марии, известной как Богоматерь Теней. Помимо всего прочего, она была также богиней удачи и богатства. Это очень похоже на языческий культ, существовавший в итальянском Неаполе, культ наркоторговцев и преступников. В Мексике эта вера была загнана в подполье. Святыни спонтанно появляются на улицах среди трущоб, и люди приходят к ним каяться, стоя на четвереньках перед изображениями женщин-скелетов с тёмными волосами, закутанными в белые одежды. Убийцы думают, что Санта-Муэрте несёт им процветание.

¹³¹ Святая Смерть (исп.)

— И я не уверена, что это не так, — сказала она.

— Вы молились ей, когда забирали прах Дональда?

Она улыбалась, не теряя самообладания, и все же в этот момент в её глазах что-то промелькнуло.

— Теперь всё это в прошлом. И не думаю, что это сейчас Вас касается. Сегодня вечером я обсудила всё с Дональдом, и мы сошлись на ста тысячах. Наличными. И я знаю, что это намного больше, чем Вы заработаете на этом деле, и для Вас это практически плата ни за что. Мы считаем это справедливым предложением. Вы же не собираетесь сказать мне, что это не так.

Какое-то время я притворялся, что размышляю об этом, и мне было приятно заставить её чувствовать себя неловко. Наконец она встала и сказала, что пойдет прогуляться вдоль прибоа, пока я всё обдумую.

Я наблюдал за ней из-за стола, кажущейся одинокой и потерянной, когда она пробиралась сквозь волны веселящихся. Она не совсем соответствовала той роли, которую ей отвёл Дональд. Прежде всего, у неё было своё независимое мнение. Раньше я её недооценивал. Она не была симпатичной дурочкой, но и дешёвкой в поисках лёгких денег, она тоже не была. Таковым был стильный Дональд. Несомненно, он сейчас наблюдает за нами с какой-нибудь подходящей точки, хотя бы даже с балкона своего номера. Спрятавшись в темноте с биноклем, и его супружеский пульс немного учащается.

Но я в очередной раз изменил свое мнение о ней. Она теперь казалась мне марионеткой, а не кукловодом. Насилие исходило откуда-то извне. Это было не её шоу. Синяк на шее не был признаком искусного манипулятора. Когда она вернулась к столу, наполовину вымокшая в прибое и выглядевшая менее несчастной, она казалась такой же свежей и естественной, как обычные люди вокруг. Я немного расслабился и казался довольным, и она, казалось, это заметила. Она бросила резинку для волос на стол и снова села, поблескивая маленькими холодными капельками, её кожа стала «гусиной», и она взяла напиток и опрокинула его в себя. Она казалась более милой, я хотел прямо спросить, нормировано ли у неё такое поведение. Она бы подтвердила или отмахнулась, но всё равно попробовать бы стоило. Вместо этого я сказал: «Похоже, Вам нравится находиться среди барракуд так же, как и поедать их».

Она помолчала, прежде чем сказать: «Я думаю, Вы собираетесь согласиться.»

— Так и есть. Но за сто двадцать тысяч. Я знаю, Дональд согласится, так почему бы нам не выпить за это?

Она моргнула, но этим всё и ограничилось.

— Хорошо, — протянула она. — Сто двадцать тысяч. После всего, я не собираюсь торговаться.

— Закажем шампанского?

— Что за безумная идея! — Она всплеснула руками, но затем пожала плечами. — Хорошо.

Я подозвал официанта и патетически потребовал бутылку «Дом Периньон»¹³².

— *Para servirle*¹³³, — ответил он и холодно взглянул на Долорес.

— Он видит меня здесь каждый вечер, — сказала она, когда он ушёл.

— Тебя с мальчиками. Они сейчас наблюдают за нами?

— Возможно, да.

¹³² Dom Pérignon (рус. Дом Периньон) — марка шампанского премиум-класса французского производителя Moët et Chandon.

¹³³ Здесь: Рад служить (исп.)

— Тебе не удалось бы сбежать, даже если бы захотелось.

Когда принесли шампанское, я произнес тост, но не за нашу сделку, а за неё саму. Я сказал, что сожалею, что мы встретились при таких неприятных обстоятельствах, и что она больше не увидит меня после того, как мне заплатят. Мы выпили полбутылки, и ей было всё равно, ударит ей это в голову или нет. Она сказала, что я должен буду приехать к ним в Барра-де-Навидад следующим вечером, чтобы забрать деньги. Они бы приготовили ужин, и мы бы провели время по-дружески, потому что, несмотря на всю свою веру в неё, Дональд хотел познакомиться со мной поближе, чтобы убедиться, что мне можно доверять. Он хотел составить своё мнение обо мне.

Я тоже хотел встретиться с Дональдом после погони за ним по провинциальным городкам. Увидев его во плоти, я подумал, что мог бы позволить ему снова кануть в неизвестность, в то время как я бы снова погрузился в свою — и мы бы расстались.

— Я бы предпочел, чтобы вы просто отдали мне деньги сейчас. Но, думаю, вы так не поступите. Вижу, что вы этого не сделаете.

— Нет, он хочет задать вам несколько вопросов сам. Полагаю, Вы знаете, что Лас-Хадас кишит мексиканскими полицейскими? Мы не держим здесь деньги. Приходите завтра ко нам, и я угощу Вас сангрией.

Она оплатила счет, и мы допили бутылку, хотя на самом деле в основном её допил я, затем она встала, пожелала мне спокойной ночи и сказала, что утром подсунет мне под дверь указания, как к ним добраться. Ужин на восемь часов? Решительно, у неё все было продумано.

Я пожал ей руку, и, она, по-видимому, удовлетворенная, вернулась в отель, оставив меня одного на пляже с двумя или тремя собственными мыслями, ни одна из которых не была представляла ценности. Я допил последний бокал «Дома» и пил его так медленно, как только мог, гадая, что повлекут за собой инструкции, которые будут мне просунуты под дверь. Вернувшись в комнату, я включил «жучок», но они там, похоже, отсутствовали. Мне всё равно не хотелось ложиться спать, прослушивая их, и поэтому я заснул с валиумом, и мне ничего не снилось. Так было в первый раз за много лет. Какой прекрасной была бы моя жизнь, если бы то же самое происходило во все мои ночи.

Как бы то ни было, утром я спустился за своим *café de olla* и читал американские газеты в одном из ресторанов, пока не почувствовал потребность искупаться в океане. Позже во второй половине дня мне из Эль-Сентро позвонил Бонхоффер. К моему и его удивлению, поручение дало результат. Он нашёл некоего Пола А. Лендера, или, скорее, обнаружил следы человека с таким именем, который с некоторых пор исчез, и никто не знал, куда и почему. У этого человека был дом-трейлер в Солтон-Сити, поселении, расположенном на берегу одноименного внутреннего моря в нескольких милях к северу от Эль-Сентро и границы, и, насколько мог судить Бонхоффер, у него никого не было, кто о нём бы беспокоился, кроме старого отца, который также жил в пустыне и до него было трудно добраться, к тому же он наполовину выжил из ума. Никто не скучал по Линдеру-младшему; сам он работал садовником на полставки и торговал наркотиками в Слэб-Сити, где обретались хиппи.

— Расскажи мне поподробнее, что произошло, — попросил я.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Бонхоффер нашёл досье на Линдера в Солтон-Сити и в то утро сам отправился туда, чтобы с ним ознакомиться. Я так хорошо знал эту дорогу, горы, похожие на огромные груды пепла, отражающиеся в мёртвой воде. Неподалеку есть местечко под названием Хеллхоул-Палмс¹³⁴. Мне всегда было интересно, каково это — выйти на пенсию там и иметь такое название на своей карточке. Индейцы племени кауилья в пустыне Торрес-Мартинес живут там же, чуть ниже другой такой маленькой дырочки под названием Мекка — и вы должны признать, что в названиях этих мест определенно чувствуется юмор. Мне стало интересно, есть ли в Солтон-Сити Авенида Сальсипуэдес, название улицы, которое я часто видел в Мексике: Авеню Уйди-Если-Сможешь.

Бонхоффер нашел адрес трейлерной стоянки в местечке под названием Глэмис на дальнем берегу Солтон-Си. Это было на шоссе Хорш¹³⁵-Лейн, в нескольких минутах ходьбы от курорта Глэмис-Норт-Хот-Спринг, где Линдер работал садовником.

Глэмис был приграничной деревушкой, почти без канализации и электричества, высохшей до костей, и найти трейлер Линдера было несложно.

— Я постучал в дверь, но там, конечно, никого не было. Я нашёл соседку, и она сказала мне, что Пол ушёл на работу. На двери был висячий замок, так что его там нет. Я просмотрел его досье — однажды его взяли на продаже героина в Найлэнде. Но потом отпустили.

— Он состоял в коммуне в Слэб-Сити?

Это было крошечное альтернативное сообщество, затерянное в пустыне, известное своими недоучившимися ваятелями уличных скульптур, вдохновляемыми наркотиками.

— Я потом отправился туда. Его все там знают, но не видели уже несколько месяцев, а больше никто ничего не помнит. Там все всё время под кайфом. И я не смог найти его старика. Говорят, он в одиночку где-то разъезжает по пустыне, и постоянного адреса у него нет. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Ничего. Он где-нибудь да объявится.

— Есть еще одна забавная вещь.

— О?

— Я осмотрел отель в «Пальмовых Дюнах», о котором ты говорил. В нём проводили уборку перед тем, как новые владельцы вступили во владение, и в подвале рабочие нашли мраморную урну. Определенно, человеческий пепел. Миссис Зинн, похоже, забыла про него. Я забрал его с собой, и сейчас он здесь у нас. Не думаю, что ты хотел бы меня просветить?

— С такой проблемой люди сегодня сталкиваются повсюду. Оставляют своих близких в подвалах, а потом забывают о них.

— Это, в самом деле, выглядит немного дегенеративно.

— Может быть, она торопилась? Не могу просветить тебя насчёт того, кто там в урне. Может быть, это кто-то из тех, кто ей задолжал.

Он рассмеялся и пробормотал: «Узнал больше, чем хотел».

— Оставь урну у себя, я заберу её позже.

— Ты?

¹³⁴ Пальмы в адской дыре (англ.)

¹³⁵ Подкова (англ.)

- Когда я узнаю, кто в ней. Ты ведь тоже непрочь узнать.
- Это же всего лишь урна, а не место преступления.
- Посмотрим, сможешь ли ты отыскать отца, а? Хотелось бы мне узнать, что он об этом думает.

—

Остаток дня я прождал в своём номере, слушая, что передаёт «жучок», но он транслировал только звуки, издаваемые горничной, выполняющей свою работу. Мне пришло в голову, что они уже уехали, но около пяти под мою дверь подсунули ожидаемую записку. Её текст гласил: «Спуститесь в вестибюль в восемь, затем следуйте за белым «Понтиаком Гранд Ам» до Барры. Далее, водитель расскажет, как Вам найти дом.»

Ладно, подумал я, я вам подыграю. Было рискованно, но что-то меня подстёгивало изнутри, и это было не просто любопытство — это была потребность взглянуть в глаза этому больному ублюдку и заставить его выкручиваться.

С помощью дубликата ключа мне удалось попасть в их номер, и, оказавшись там, я нашёл «жучок» и извлёк его из-под ковра. Затем осмотрел комнату. Простыни ещё не были приведены в порядок, а по всему полу вокруг были разбросаны обертки от тянучек. Разве тут ещё не было горничной, чтобы прибраться? Однако ванная, в отличие от спальни, была безукоризненно чистой. Тут было вычищено с поразительной тщательностью, после себя они не оставили даже выпавшего волоска. Внизу, в вестибюле, я спросил коридорного, во сколько Линдеры выписались, и он посмотрел на свои часы, как будто успел позабыть, который сейчас час.

- Около часа назад.
- Вы видели, как они уезжали?
- Да, сэр. Багаж был с ними.

И теперь мне показалось, что я должен проделать то же самое.

Собравшись и побрившись, я спустился с сумкой в вестибюль в семь и, расплатившись, отправился в «Локо», заказал джин с тоником и спокойно стал ждать назначенного времени. Мне уже хотелось выбраться из-под этого этого купола удовольствий, и в глубине души у меня уже сформировалась мысль вернуться домой.

Без пяти восемь я вышел на парковку со своей единственной сумкой, отяжелевшей из-за подслушивающего устройства, и отнёс её в свою машину. Но все имеющиеся наличные я тщательно припрятал на себе, где, как мне казалось, они должны будут находиться в большей безопасности. Была ясная ночь, и странствующие мариачи, оплачиваемые отелем, наполняли воздух старой музыкой из лучших времен. Я нашёл белый «Гранд Ам», в нём сидел тот же парень, который обыскивал меня прошлым вечером.

Его окно было опущено.

- Мне придется еще раз Вас обыскать, — сказал он. — Сделаем это по дороге.
- Можно мне взять с собой трость?
- Трость у Вас я бы не забрал.
- Без неё я упаду. Вряд ли тебе этого захочется.

Планзакнулся в том, что я должен был следовать за ним на своей машине, пока мы не доберемся до места, где нас встретят. Это должно было случиться на шоссе 200 неподалёку отсюда.

- Ты не сказал мне, как тебя зовут, — заметил я.

— Нас всех зовут Хосе. Для вас же так легче.

Трасса на юг извивалась через большой лес, прежде чем привести к небольшой извилистой дорожке, приведшей к погруженному во тьму мысу и мрачному блеску моря. Это была крошечная бухта под названием Куастекоматес.

Там прямо на воде был расположен отель, совсем рядом с пристанью, у которой на берег были вытащены длиннохвостые лодки¹³⁶ со штормовыми фонарями вокруг них. Это было грубое двухэтажное строение с баром на первом этаже и внутренним двориком прямо на песке. Хосе остановился за отелем, мы вышли и отправились во внутренний дворик. Внутри бара играл музыкальный автомат, и две девушки танцевали вместе, решив, что раз нет других посетителей, то им тоже можно потанцевать. Луна висела прямо над заливом, и её бледное сияние цвета папайи заставляло темноту вокруг казаться сжимающейся и удручающей. Мы устроились на улице, и девушки принесли нам «микеладас»¹³⁷. Как только они ушли, Хосе, как и обещал, хлопнул меня, и мы уселись и выпили. По ту сторону залива два или три огонька отмечали далёкие дома в лесу вдали на берегу. По его словам, именно там резиденция сеньора Линдера. А за мной приплывёт лодка.

Тем временем он попросил миску с апельсинами. Когда их принесли, он взял один и начал его чистить. Сказал, что его попросили сделать это для меня.

— Ненавижу апельсины, — сказал я. — Съешь сам.

— Ты ненавидишь апельсины? Неудивительно, что ты выглядишь таким потрёпанным.

— Есть такая пенджабская поговорка. Апельсины — это кровь жен.

— Что?

Я рассмеялся. Он тоже рассмеялся вместе со мной: так что, в общем, он был неплохим парнем.

— Безумная поговорка, — вздохнул он.

Спустя несколько апельсинов на воде появился огонёк, который двинулся к отелю с дальнего берега. Мы дошли до конца причала, пока на фоне ярких отблесков луны не стали видны очертания «длиннохвоста». Когда он приблизился, Хосе пожелал мне удачи и сказал, что обратно меня доставит та же лодка. С другой стороны причала есть тропинка, ведущая к отелю; я не смогу её не заметить. Когда я вернусь, его здесь уже не будет. Мы пожали друг другу руки, и он пошёл обратно в отель.

Мужчина, управлявший «длиннохвостом», был местным жителем. По дороге он сказал мне, что если я заплачу ему сейчас, он подождет меня там столько, сколько будет нужно. Всё равно этой ночью другой работы не будет. Я сказал ему, что меня это вполне устроит. Хотя я удивился, что мои хозяева не договорились с ним об этом заранее. Нет, сказал он, тот же человек, что посадил меня у отеля, заплатил за дорогу только в одну сторону. Мне стоило призадуматься.

— Но ты меня подождёшь?

— Да, сэр. Если заплатите мне прямо сейчас, то подожду.

Я дал ему несколько песо и почувствовал, что могу ему доверять.

¹³⁶ Узкая лодка изготавливаемая из гладко отполированного дерева, длина её обычно составляет 14—18 метров, но может достигать и 30 метров. Своё название длиннохвостая лодка получила из-за своеобразного «хвоста», находящегося сзади и имеющего в длину 2—4 метра и более: именно на его конце крепится винт, вращаемый двигателем.

¹³⁷ Коктейль из пива и томатного сока.

Мы добрались до мыса, и он заглушил двигатель. Я выбрался на камни, пока он швартовал лодку. Волны разбивались о неё вдребезги, но он оставил лодку на месте и сошёл со мной на сушу.

Указав на тропинку, он сказал, что надо просто подняться по ней вверх по склону холма. Дом находился на самом верху среди деревьев. Опираясь на трость, я смог взобраться туда, откуда открывался вид на море. Подо мной на привязи метался длиннохвост, а лодочник уже скрылся из виду. Мыс был местом поющих деревьев и сильных ветров, и то тут, то там в зарослях виднелись фрагменты каменной кладки. Я поднимался всё выше, пока не наткнулся на стену, а за ней был дом. Выглядело всё это как вилла 1940-х годов, покинутая владельцами, у которых, возможно, наступили трудные времена, стены в испанском стиле, черепичная крыша, а побелка потрескалась от ветхости и почти полувекового воздействия морских брызг.

Ворота проржавели, в доме не было света. Сад зарос, и деревья, которые годами не обрезали, снова превратили его в лес. Дальше тропинка заканчивалась, и ничего больше не было видно. Я заколебался. Теперь я точно знал, что не встречу внутри Линдера, но всегда одно и то же — я тот самый кот¹³⁸. Затем где-то внутри дома я услышал негромкую музыку.

Это был какой-то старый добрый джаз, должно быть, он звучал по радио. Я подошёл к двери и дернул за цепочку звонка, который не зазвенел. Но дверь все равно была открыта. — Есть кто-нибудь? — крикнул я, толкая двери тростью, и шагнул в вестибюль, крыша которого обвалилась, на каменном полу в шахматную клетку груды обломков, стены вокруг были покрыты граффити. Разбитая бронзовая люстра лежала на боку в куче обесцвеченных стеклянных капель и свернувшихся сухих листьев, а её некогда впечатляющая цепочка распалась на сегменты.

В глубине лабиринта комнат показался отблеск свечного пламени, и я направился туда, держа трость наготове. Вестибюль выходил в помещение, которое когда-то было гостиной в стиле, присущем гасиендам, где за длинным обеденным столом, заваленным кирпичами и небольшими кучками ракушек, возле подсвечника сидел мужчина и поедал салями, разложенную на куске вощёной бумаги. Когда я ввалился внутрь, он поднял глаза, его взгляд был холодным и не выражал никакого удивления. Это был тот самый мужчина из бара прошлой ночью, человек, вращавший «волчок». Так что прийти сюда было ошибкой.

— Я не опоздал?

Должно быть, мой тон позабавил его, и взгляд колющих глаз стал не совсем враждебным. Без сомнения, было время, когда я бы испугался, но в тот момент я вообще не испытывал никакого страха. Когда человек уже чувствует наступающий конец, неважно как именно он наступит. Но его жизнерадостность осталась неизменной.

— Нет, как раз вовремя. Салями?

— Нет, спасибо, мне и так хорошо.

— Тогда у нас всех всё хорошо.

Рядом с вощёной бумагой лежал ломоть сухого хлеба, а на нём — длинный разделочный нож. Он откинулся назад и выглядел совсем спокойным. Сейчас он был в кожаной куртке с белым шейным платком.

— Духовка не работает, так что я не смог приготовить жаркое из фазана. Боюсь, что я ужасный хозяин. Да, и ещё — Линдеры уехали на рыбалку.

— Я так и понял.

¹³⁸ Любопытство погубило кошку (англ. Curiosity killed the cat) — английская пословица, используемая для предупреждения об опасностях ненужных исследований или экспериментов.

— Вам тут нравится?

— Я ожидал увидеть пожирателей огня.

— О, их!.. Им тоже нездоровится. Так что, здесь только ты, я и салями. Нам придётся обходиться самим. Пожалуйста, присаживайся. Могу ещё предложить немного чёрствого хлеба. Он хорошо сочетается с салями.

Что ж, ужин при свечах. Я чувствовал себя достаточно спокойно, когда уселся напротив него. Если подумать, то это не такое уж плохое место, чтобы умереть. Он похоронил бы меня в саду под абрикосовым деревом. А мои останки заставили бы его цвести.

— Хорошо выглядишь после подъёма. А думал ли над тем, придётся ли спуститься? И будет ли старик с лодкой ждать внизу? Он появится только, если я подам знак.

Он протянул руку и положил на стол фонарик.

— Видишь ли, чтобы выбраться отсюда, тебе понадобится он. Понимаешь, как всё может быть весело?

Его точка зрения стала мне понятной, о чём я ему и сообщил. И теперь заработал мой слух, ожидающий среди раздающихся позади меня в темноте звуков, распознать шаги, приближающиеся ко мне сквозь этажи заброшенного дома.

— Помнишь это?

Он достал свой «волчок», установил его на столе и заставил вращаться.

— Меня это успокаивает, — продолжил он. — Тебе надо признать, что жизнь очень напряжённая штука. И мне кажется, что ты очень напряжён.

— Что до меня, то я как лёгкий ветерок...

— Но им ты не нравишься. Вот с какой проблемой мы тут имеем дело. Ты не так популярен, как тебе кажется. Лично мне ты, скорее, нравишься. Приятный пожилой джентльмен. Вот ведь как получается. Но симпатии и антипатии — это для детей.

— Я понял это давным-давно. Жаль, я с нетерпением ждал, когда миссис Линдер приготовит мне фаршированные яйца и смешает мартини.

— К сожалению, не получится. Но ведь это ты сам переусердствовал в своей алчности. В этом мире такое не приветствуется. Думаю, это уж ты должен был знать.

— Кошек всегда губит любопытство. Но именно поэтому у них несколько жизней про запас. Никогда не мог побороть своё любопытство. Как говорится, ничего не могу с этим поделать.

— И посмотри, куда тебя это завело.

Я посмотрел на стены с остатками штукатурки, окна с металлическими ставнями и тёмные пятна, оставшиеся там, где когда-то висели картины.

— Было у меня предчувствие, что закончу здесь, — сказал я. В моих мыслях было больше обречённости, чем я был готов показать. — На самом деле, у меня было определенное предчувствие. Оно у меня уже много лет. Разве не странно?

— Вовсе нет. У меня тоже такое бывает. Мы всегда чувствуем, когда оборвётся наш путь. Забавная штука.

Он остановил «волчок» и положил его в карман. Внезапный порыв ветра ударил в стену, и весь дом закрипел. Взгляд колющих глаз замедлился и, наконец, остановился на мне, я улыбнулся в ответ:

— Ну, я думаю, мне пора.

— Старая школа. Ты мне нравишься. По мне, так очень жаль, но в любом случае, если ты хочешь уйти, то дверь вот там.

Он встал и взял разделочный нож, в его движениях была какая-то печальная медлительность, как будто делал он всё это с большой неохотой. Я тоже поднялся, но с большим замешательством, изо всех сил стараясь крепче держаться за трость. Он совсем не обращал на неё внимания, и его взгляд никак на ней не концентрировался. Он обошёл стол, а я попятился к двери, через которую вошёл

То был тот самый балет, для которого я десятилетиями тренировал все свои мышцы — тысячи жестоких карнавалов и безвкусные танцы на них. Мой клинок, внезапно сверкнув, появился на свет, и, когда его нож вонзился в мою левую руку, попал ему в плечо, вспоров кожаную куртку. Его поразил свой собственный просчёт и внезапное появление моего клинка, и он оказался недостаточно быстр, чтобы выдернуть свой собственный и вновь нанести удар. Вместо этого он повернул голову и уставился на порез на куртке и на кровь, которая хлынула из раны. Теперь у меня появилась возможность замахнуться снова, и на этот раз я неуклюже ударил его плоской стороной лезвия по правой ноге. Он пришёл в себя, и из его глаз исчезло первоначальное дикое удивление. Теперь он был больше похож на собаку, чем мне показалось, когда впервые увидел его в баре, в его конечностях была коренастая злоба гончих, когда они впадают в ярость. Его нож был хорошо заточен и прекрасно резал: кровь стекала по моей руке и капала на ногу. Я, спотыкаясь, добрёл до двери, а оттуда уже был прямой путь обратно во внешний мир. Но он проклинал свою собственную ошибку и меня, а в этом шуме я не мог думать. Я почти дошёл до того, чтобы подсчитывать теряемые капли крови, которые падали из раны на моей руке на грязный в клеточку каменный пол под ногами. Вперёд, навстречу абрикосовым деревьям и разрушенной стене, усеянной птичьими гнездами; я подумал, что смогу от него убежать, так как его рана серьезнее, чем моя, но потом вспомнил о тропинке, уходящей вниз к морю, и понял, что это не сработает. Он догонит меня, потому что мне не удалось серьезно ранить его в ногу. Посреди вестибюля, среди пыли и паутины, я развернулся и полоснул его по ноге, когда он бросился на меня. На этот раз моё лезвие резануло его по голени, он взвыл и упал на колени. Пошатываясь, я выбрался на тропинку.

Он упал на бок, и лежал, тяжело дыша и словно смирившись, и как раз в тот момент, когда я начал отходить в темноту, я вспомнил, что не взял фонарик. Это было очень плохо, но мне не хотелось переступить через полубессознательное тело, чтобы добраться до него. Пришлось немного передохнуть, вытереть лезвие, вернуть его обратно в трость, а затем перевести дыхание.

Порез оказался глубже, чем я думал, и мне пришлось подсчитывать, сколько у меня осталось времени, прежде чем я потеряю сознание.

Я вернулся к скалам, оставляя за собой кровавый след, и сделал жгут из рукава собственной рубашки. «Длиннохвост» всё ещё был там привязан к камням, как будто рыбак всё-таки решил рискнуть. Вскоре я увидел его за деревьями, на его лице не было ни удивления, ни ужаса. Он, должно быть, знал обо всём с самого начала, и был спокоен как все посредники или перекупщики, напрямую в игре не участвующие. Он не сказал ни слова, просто помог мне забраться в лодку и отчалил в залитую лунным светом бухту. Переправа заняла несколько минут. Уже было на удивление поздно, как будто прошли часы, и в отеле царила тишина. Я дал ему окровавленный комок долларов, и он помог мне забраться в один из гамаков, всё ещё висевших на террасе. Потом спросил меня, что я собираюсь делать.

— Моя машина за отелем.

— Ты не сможешь вести машину. Я кого-нибудь позову.

— Просто отведи меня к машине.

Он побежал её искать, но когда вернулся, сообщил, что она исчезла. Там вообще не было машин.

«Замечают следы», — подумал я. Славные парни.

— Вызови такси, — сказал я.

— Куда?

— В Лас-Хадас.

Я больше не мог думать ни о чём другом.

— Ты серьёзно? — прошипел он.

— Хорошо, Париж тоже подойдет.

Я лежал в гамаке и быстро терял сознание. Подо мной образовалась лужа крови, и любительски наложенный жгут больше не мог её остановить. Он сказал, что я умру от потери крови, если не попаду в больницу. Взволнованный, он начал думать усерднее. Но было слишком поздно; перед моими глазами сгустилась тьма, и я потерял сознание прежде, чем ему пришла в голову хоть какая-нибудь идея. Я вращался на поверхности огромной масляной лужи и всё же не утонул.

В своем гамаке я плыл сквозь годы. Арти Шоу перестал быть безмолвным, кто-то пел *Choo-Choo Train*¹³⁹ и слова, которые я знал по «прекрасным годам»: *«И мама говорила мне, когда я носил короткие штанишки, и женщина будет сладко говорить и строить глазки»*. А я подпевал, разгребая руками вулкан. *Но когда сладкие речи заканчиваются, женщина оказывается двуличной, что явно тревожит*. Я попытался вспомнить, откуда я это знаю, но тогда, в те далекие времена, это звучало по радио везде, днём и ночью всю войну, в те самые первые дни, когда мы все были ещё счастливы. Но тогда мне было за двадцать, и я не верил в благородство и обаяние. Я уже знал о том, что меня тревожит. Я знал, что даже Лос-Анджелес в конце своего долгого золотого лета станет местом, обреченным превратиться в то, чем он в конце концов и стал. Но был ещё Париж. Дождливый Париж. Чего бы я не отдал ради неторопливой прогулки по бульвару Осман.

---

¹³⁹ Песня, написанная Джеком Лоуренсом и Марком Фонтеном и исполненная Дорис Дэй при участии Пола Уэстона и его оркестра.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вместо этого я проснулся и обнаружил, что нахожусь в комнате с высокими стропилами и маленькими, не пропускающими уличную жару окнами в испанском стиле. Но они были открыты, снаружи стрекотали насекомые, и только благодаря этому я понял, что не мёртв. Откуда-то из ночи доносилась музыка: вальс, танго или что-то ещё в этом стиле, навевающее мысли о покачивающихся бедрах Буэнос-Айреса и мужчинах с прилизанными волосами, скользящим по коврам. То была мелодия Антонио Лауро¹⁴⁰. На стенах святые с монахами и патриархи из Кастилии в кружевах, с завитыми локонами, с распятиями, при маленьких церемониальных кинжалах. Я лежал в кровати под балдахином с парчовыми занавесками. Надо мной была натянута противомоскитная сетка, моя рука была туго забинтована и зафиксирована перевязью. Моя одежда была аккуратно сложена на стуле, и я сразу понял, что она была выстирана и выглажена. Итак, судя по всему, я тут не первый день.

Рядом с кроватью я увидел маленький бронзовый колокольчик и позвонил в него, чтобы посмотреть, что произойдёт. Ничего не произошло. Под дверью горел свет, но на зов колокольчика никто не явился.

Мог ли я двигаться или был парализован? Здесь ли мой разум, где и тело? И я обнаружил, что могу сесть и без труда спустить ноги на пол. Передо мной, словно ожидая именно этого события, обнаружилась пара бархатных тёмно-бордовых тапочек. И тут я заметил, что на мне чужая пижама. Она была полосатой, как зубная паста, и пошита из плотной фланели. Я влез в тапочки и встал. Рука не чувствовала боли, потому что она вообще ничего не чувствовала. Кто-то позаботился и об этом. Я прошаркал через комнату к окну и выглянул наружу. Сад с фруктовыми деревьями был окружен стеной, выложенной плиткой, и ошетиневшейся рядом колючей проволоки. Различалось слабое свечение плавательного бассейна.

Воздух казался солёным, так что я понял, что проделал небольшой путь. Море всё ещё было тут, пусть его было не видно. Его выдавала прохлада.

С обратной стороны двери висел роскошный халат, который выглядел как реликвия из 20-х. Я с трудом его натянул. Выглянув наружу, мне показалось, что я нахожусь на фешенебельном лайнере. Тёмно-розовые панели вокруг были отполированы до блеска каштановых волос, покрытых макассовым маслом¹⁴¹. Я прокрался к лестничному пролёту и увидел свет из гостиной, который здесь отражался на умирающих лицах кружевных кастильцев. Танго было записано на поцарапанной виниловой пластинке. Я начал спускаться по лестнице, пока не оказался в этой самой комнате — роскошном зале в колониальном стиле с балками и чёрной мебелью, достойной самого вице-короля.

Там стоял длинный стол, но он не был накрыт. Открытые французские окна выходили в сад, откуда сквозь стеклянные двери пробивался свет свечей. Хозяева, кем бы они ни были, обедали именно там.

Я начал пробираться туда по афганским коврам, и уже почти оказался у дверей, как из них вышла молодая горничная в униформе, держащая в руках пустой графин. Она сразу же заметила меня, но не высказала никакого волнения; очевидно, меня ожидали. Она просто бросила взгляд позади себя и кивнула в мою сторону, а затем просто обогнула меня. Когда я обернулся, чтобы посмотреть ей вслед, то заметил, что она была босиком. Я подошёл к

---

¹⁴⁰ Антонио Лауро (1917 — 1986) — венесуэльский музыкант, один из выдающихся композиторов Южной Америки по классу гитары.

¹⁴¹ Масло, которое изначально получалось из макассового чёрного дерева и, в основном, использовалось для ухода за волосами и их укладки.

двери и увидел стол. С одной его стороны, спиной ко мне, сидел старик и ел в одиночестве.

Но он сразу почувствовал меня и полуобернулся в своём баронском кресле.

Я бы сказал, ему было далеко за восемьдесят, его голова наличествующими крапинками напоминала яйцо дрозда, одет он был, наверное, в самый лучший наряд для *soirée*¹⁴² в собственной гостиной. На нём был смокинг из чёрного бархата и такого же цвета «тапочки принца Альберта»¹⁴³ с вышитыми золотыми коронами. На столе перед ним стояли блюда из талаверского¹⁴⁴ набора, содержимого которых хватило бы на десять персон, жареная курица и молочный поросёнок, а также бокал, наполовину наполненный красным вином. Было накрыто и второе место, хотя не было никаких признаков присутствия второго гостя, если не считать меня.

Но, когда я оказался рядом с ним, он нащупал пару очков, лежавших перед ним, нацепил их на нос, а затем пристально уставился на меня.

— Чёрт возьми, кто ты, такой? — спросил он по-испански.

— Я из комнаты наверху.

— А, это Вы... Что ж, Вам следует присесть и поесть. А почему Вы разгуливаете в халате?

Я выдвинул стул перед тем местом, где было накрыто, и сел.

— Спал, а когда проснулся, то захотелось его надеть.

— Вот как? А как Вы оказались наверху?

— Вообще, понятия не имею.

Казалось, он начинает понимать.

— А, теперь вспомнил. Вы тот самый гринго из Куастекоматеса.

— Наверное, так и есть.

— Вас привёл один человек. А я — доктор Киньонес.

Я протянул руку:

— Барри Вальдштейн. И очень Вам благодарен.

Не обращая внимания на протянутую руку, он предложил мне что-нибудь съесть.

— Я кого-то ждал, но забыл, кого. Может быть, и Вас. А, может быть, и нет. Память стала совсем дырявая.

— Тогда, может быть, это и я.

— Клянусь Богом, думаю, что так оно и есть.

Когда это случилось? Я продолжал размышлять.

— Когда я попал сюда, я, должно быть, был не в лучшем состоянии.

— Вас настрогали разделочным ножом.

Он усмехнулся и резко повернулся к французскому окну.

— Ана! Ты несёшь тот графин?

— Но кто-то опять собрал меня вместе, — сказал я. — Из того Шалтая-Болтая, которым я был.

¹⁴² Званный вечер (франц.)

¹⁴³ Мужская обувь с бархатным верхом, на котором на мыске вышит рисунок или вензель владельца.

¹⁴⁴ Вид испанской и мексиканской керамики родом из города Талавера-де-ла-Рейна в Испании.

— Это был я, Вальдштейн. Вы также должны знать, что при себе у Вас была изрядная сумма в долларах, и из неё было вычтено. Думаю, Вы не будете возражать.

— Я бы сказал, что это справедливо во всех отношениях. Могу я осведомиться насколько велик был вычет?

— Пара сотен.

Ну, как в хорошей частной клинике, подумал я.

Рядом с жареной курицей лежал длинный нож, и я потянулся за ним.

— Нет, нет, — замахал он руками он. — Это дело прислуги. Вы всё только испортите. С одной рукой и вообще...

Вскоре появилась и Ана, с графином в руках и ножом наготове. Она разделала курицу, и я почувствовал, что медленно возвращаюсь к жизни.

— Хорошая повязка, — сказал он. — Вообще-то, я на пенсии, но обстоятельства были уж очень необычными. Я был обязан следовать клятве. У Вас была рана дюймов в пять, почти до кости. Я уже начал думать, что понадобится переливание крови.

Горничная налила мне в бокал вина, и мы с доктором чокнулись. Жажда жизни так и была из него. Она сверкала озорством, каламбурами и бунтом против скуки, именно он и делает пожилых подобными анархистами.

А я был до скуки серьёзен.

— Меня сюда привёз водитель?

— Нет, не водитель. Один мой друг. Молодой врач, который живет неподалеку. Он тоже получил за хлопоты.

— Понятно, значит, это он доставил меня сюда.

— Он не собирался выкидывать тебя на улицу.

— А когда это было?

— Сегодня среда. Два дня назад. Если у Вас боли, то могу сделать ещё укол.

— Пока терпимо.

— Вижу. Некоторое время не сможете пользоваться этой рукой. Повязку тоже придётся оставить.

— Буду скучать по возможности сыграть Рахманинова. Но с остальным я справлюсь.

— Так давайте выпьем за Вашу другую руку.

Мы так и сделали, потом доктор наблюдал, как я пользуюсь одной рукой. Он не был любопытен; он не был нелюбопытен. Он был красноречив.

— Дикая история, мистер Вальдштейн. Мужчина найден без сознания в популярном отеле, в котором останавливаются одни мексиканцы. Нет никаких причин, чтобы ты там оказался. А Вы изрезаны, как говяжий бок. Никакого оружия, и никого рядом. Но известно, что Вы приплыли на лодке с другой стороны.

— А полиция в курсе? — спросил я.

— Им никто не сообщал. Но кто был там, на другой стороне залива? Вы не обязаны отвечать. Но, опять же, это только между нами.

Я неохотно ответил:

— Деловой партнер, затаивший обиду.

— О, так вот оно что. Обычно так и бывает.

— В девяти случаях из десяти. Те, кто хочет что-то получить от тебя.

— Мексиканец?

— Американец.

Но его глаза сказали мне, что он мне не поверил, настолько уж неправдоподобную историю я состряпал. Но он принял её, словно вежливость была его обязанностью.

— Бог знает, зачем вы, вообще, сюда приезжает, — произнёс он в конце концов. — Что вам тут надо? Здесь нет ничего, чего нельзя было найти в вашей собственной стране.

— Кроме, как получить шанс исчезнуть. Вы не можете просто так исчезнуть в Штатах.

— Вот как. Но Вы не пытаетесь исчезнуть.

— Исчез бы, если бы мог.

Тут я остановился и взглянул на небо. Плеяды были видны невооруженным глазом¹⁴⁵. На чём мы остановились?

— Мы в нескольких милях от побережья, — вот и всё, что он ответил на это. — Здесь Вам не о чем беспокоиться. Здесь я всеми уважаемый человек. Как Вы можете видеть...

— Прекрасный дом. Вы женаты?

— Нет, сэр. Только горничная. Жизнь у неё здесь не очень интересная, но она неплохо зарабатывает и может уйти в любой момент.

— Что ж, в любом случае, я перед Вами в огромном долгу. Это было не тем, что Вы были обязаны делать, давали Вы клятву или нет.

— Не надо меня благодарить. Я думал, на Вас напали по дороге. Но опять же, почему Вы вообще тут оказались? Как Вы, вообще, оказались в Куастекоматесе?

— Я приехал туда из Лас-Хадаса. Это было совсем нетрудно.

— Хотите, Вас отвезут назад в Лас-Хадас?

— Не думаю, что это хорошая идея, с Вашего позволения. Я там выписался из отеля, и у меня всё было с собой.

— То есть, не осталось ничего. Даже паспорта. Только куча денег и трость. Это — в моём сейфе.

— Как видите, должно быть, меня ограбили. По правде говоря, я ничего такого не помню.

— Разве амнезия не прекрасна?

Он рассмеялся, но его взгляд ни на мгновение не перестал быть острым.

— Не смог бы без этого жить, — сказал я.

— Ещё сможете повторить, молодой человек. Амнезия — это то единственное, чего стоит ожидать с нетерпением.

Я понятия не имел, который сейчас час и какое сегодня число. Всё ускользало у меня сквозь пальцы. Плеяды оставались неподвижными, а древесные лягушки, устроившись вокруг бассейна, окутали нас своей песней. Пламя свечей на секунду задрожало, но затем снова вернулось к равновесию. Доктор скрестил ноги, и золотые короны на его альбертовских туфлях легли друг на друга. Может быть, позже той ночью я бы уже ничего этого не вспомнил. Все это казалось каким-то сном, в котором я оказался обутым в тапочки.

Я немного поел, а потом заметил, что доктор замолчал. Подняв глаза, я увидел, что он спит.

¹⁴⁵ Ну, вообще-то, Плеяды видны невооружённым глазом даже на городском небе.

Горничная подкралась к столу и толкнула его локтем, но он не проснулся. Мы обменялись веселыми взглядами, и она потянулась к его бокалу, взяла его со стола и сделала глоток. Мгновение спустя Киньонес вернулся к нам.

— Могу я спросить, — сказал он, как будто поток его мыслей был просто поставлен на паузу, а потом возобновился, — что Вы намерены делать? Если хотите, можете на несколько дней остаться здесь. Но думаю, Вам захочется вернуться домой. Мы бы сообщили Вашей семье, но понятия не имели, как и куда. Что скажете?

— Хороший вопрос.

— Или вы путешествуете по Мексике в полном одиночестве? Вы что-то говорили о делах...

Я подумал, что пришло время приоткрыть карты. Возможно, доктор смог бы мне помочь, а я уже не мог притворяться, что провожу тут отпуск.

Я сказал:

— Я кое-кого ищу.

При этих словах к нему вернулись бодрость и любопытство.

— Естественно. Американца — сбежавшего от кредиторов. Видите, я тоже читаю детективные романы.

— Человека, проведшего здесь последние несколько месяцев. Может быть, Вы с ним сталкивались?

Но имя Пола Линдера не касалось его ушей. Я ввёл его в курс дела. Команда — муж с женой, обман, почти исчезновение в Лас-Хадасе, сделки с недвижимостью не только на побережье, а также то, что произошло в Солтон-Си. О себе я тоже рассказал. Мне нечего было терять, а я был уверен, что он ко всему отнесётся с пониманием.

Так и произошло.

— Вам надо было сразу всё рассказать. Есть кое-что, о чём я не упомянул. Лодочник с двумя служащими отеля отправился на ту сторону залива, и они поднялись вверх по тропинке. Там, в заброшенном доме, было много крови. Не могу сказать, сообщили ли они в полицию, но оттуда никого не было.

Я подумал, что они решили держать рот на замке.

Но было ещё кое-что. Тот же самый лодочник возвращался на ту сторону по сигналу фонарика. Он вернулся, подобрал какого-то другого мужчину и тоже перевёз его сюда, но только час спустя — комедия какая-то. К тому времени, конечно, меня уже давно оттуда увезли. Лодочник помог мужчине добраться до его машины, так как передвигался он с трудом. Этот другой был американцем, также сильно порезанным. Лодочник помог ему сесть в машину и спросил, сможет ли он сам доехать. Он был почти без сознания. На всякий случай, если полиция станет спрашивать, лодочник записал номер машины. На следующий день доктор отправил своего секретаря в Куастекоматес, чтобы заполучить этот номер, вдобавок ещё и описание раненого, а также самой машины, белого «Понтиака Гранд Ам». Киньонес хотел подождать и поговорить со мной, прежде чем что-либо предпринять дальше. Номерной знак можно было бы отследить, если бы он попросил своих друзей из мексиканской полиции помочь ему. Потребуется не больше дня-двух, чтобы что-нибудь выяснить. Поскольку никто не выдвигал никаких обвинений, не было свидетелей и не было никаких доказательств, что было совершено преступление, в котором замешаны двое неизвестных гринго, то полиция себя никак не проявила. Но, если бы мне было бы надо, то можно было бы организовать всё в частном порядке. Это мне подходило. Мне очень хотелось узнать, куда подевался крутильщик в своей вульгарной колеснице — я не знал, кто он такой и как его настоящее имя.

Час спустя, когда мы играли в шахматы, Киньонес снова заснул. На этот раз я встал и отправился внутрь дома. Когда он проснётся, то может и не вспомнит, что с ним был я, но я очень надеялся, что, по крайней мере, он вспомнит нашу договоренность относительно автомобильного номера. Я отправился на кухню в поисках горничной. Она была там, сидела за столом из нержавеющей стали и с аппетитом поедала круглый сыр, нарезаая его перочинным ножом. Должно быть, она предположила, что старики отправились спать, и решила отдохнуть после рабочего дня. Мгновение она потрясённо смотрела на меня, а потом расхохоталась. Она всё ещё была босиком, а я всё ещё был в халате и с рукой на перевязи. Я сказал, что мне нужна её помощь, и я ей хорошо заплачу.

— Что за помощь?

— Пока не знаю. Ты знаешь код от сейфа?

— Конечно.

— Мне ничего чужого не надо. Только то, что принадлежит мне.

— Сейчас?

— Нет, когда придёт время.

Я сказал ей, чтобы она поднялась ко мне в комнату через пять минут за деньгами. Она может оставить их себе, потом я попрошу об одолжении.

Когда она показалась в моих дверях, я дал ей три двадцатидолларовые купюры из тех, что она принесла мне из сейфа, и попросил её ничего не говорить доктору. Я запер за собой дверь и стал ждать. Доктор не звал меня и не отправился искать. Вероятно, подумал я, горничная каждый вечер укладывает его спать после того, как он опустошит очередную бутылку «Дюарт-Милон», а потом развлекается в одиночестве, как будто ставновится его ночной хозяйкой. В любом случае для меня это не имело никакого значения; это было не моё дело. Кто тут Гензель, а кто Гретель¹⁴⁶? Стоило жениться, чтобы, хотя бы избежать затянувшихся сумерек с презрительной горничной — но опять же, таков его выбор, и не мне его оспаривать. Он дал мне удовлетворительного объяснения, почему взял меня к себе, и чем дольше я думал об этом, тем меньше верил в его собственные высказывания о врачебном долге. Клятва Гиппократы обычно не распространялась на незнакомцев, обнаруженных в гамаке. Может быть, он просто забавлялся: случайная встреча на дороге, и сделал он всё это из прихоти. Но тогда зачем этот сейф? Именно тогда я увидел, что на моём ночном столике рядом со стаканом воды стоит маленький контейнер с таблетками валиума. Это было таким же непринуждённым проявлением заботы, как и мятные леденцы на прикроватной тумбочке, и я взял две, чтобы заглушить боль в руке и попытаться заснуть. Но, в конце концов, я вообще почти не спал. С холмов позади дома по долинам и ущельям эхом разносились крики койотов, наполняя мою комнату сумашедшими звуками.

¹⁴⁶ «Гензель и Гретель» (нем. Hänsel und Gretel; уменьшительные немецкие имена от Иоганнес и Маргарет) — немецкая народная сказка, записанная и изданная братьями Гримм. История о юных брате и сестре, которым угрожает ведьма-людоедка, живущая глубоко в лесу, в доме, построенном из хлеба и сладостей. Эти дети, попав к ведьме, спасают свои жизни благодаря находчивости.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ближе к вечеру следующего дня, лежа в своей комнате, я услышал, как зазвенел входной звонок и горничная тихо направилась по дорожке к воротам. Я предположил, что она впустила посетителя, из окна мне был виден участок дорожки, змеившейся через сад.

На ней появился полицейский в форме. Он был без фуражки, её он нёс под мышкой. Они прошли в дом, и вскоре до моего убежища донеслось эхо мужских голосов. Слышался вежливый смех и звон бокалов. Он пробыл там около десяти минут, и потом служанка проводила его по садовой дорожке обратно к воротам. Грузный офицер средних лет, которого доктор, очевидно, обихаживал много лет Человек, которого, вероятно, легко очаровать и привлечь на свою сторону, всегда готовый разделить угощение и немного посплетничать. Когда ворота за ним закрылись, я услышал, как завёлся мотор — его ожидал водитель, — и над стеной медленно поднялось облачко дорожной пыли.

Уже в то утро я начал подумывать о том, чтобы убраться отсюда. Вы всегда понимаете, когда вас удерживают против вашей воли, даже если те, кто это делает, милы как монахини. Больше это всё не вызывало у меня какого-то сильного чувства долга по отношению к моим клиентам; я больше не очень верил их возмущению или в правоту их позиции. Все, что я сейчас ощущал, — это необходимость что-то противопоставить Зиннам, заставить их заплатить за свою самонадеянность. Мне казалось, что всё это вызвано было самонадеянностью, свойственной эпохе и дерзости лёгких денег, и небольшое возмездие пошло бы им обоим на пользу. Мысль об этом внезапно заставила меня чувствовать себя лучше. Удар по зубам, месть — вот что им требовалось, и отныне выследить их становилось сплошным удовольствием. Давайте увидим тела наших врагов, проплывающие по реке¹⁴⁷ мимо нас.

Я спустился прогуляться в саду и, к своему удивлению, нигде не смог найти доктора. Я прошёл к задней стене, за которой ввысь к небу вздымались горы, что навело меня на мысль о том, что в Мехико высокогорье ощущается только в те дни, когда воздух становится чистым. Та самая атмосфера на высоте семи тысяч футов¹⁴⁸, в которой Попокатепетль кажется ближе, чем на самом деле.

В сумерках горничная обнаружила меня всё ещё в саду. Теперь, когда деньги перешли из рук в руки, она стала хитрее и сдержаннее.

— Ранее, нам был нанесён визит, — сказала она, после того, как предложила принести чаю. — Кое-кто из полиции штата, Эль Доктор играет с ним в карты по воскресеньям. Они разговаривали о тебе.

— Спорю, что так и было.

— Ничего не случится. Расслабься.

Казалось, ей было интересно, как я поступлю. Перепрыгну через стену — станцию фламенко...

— Вы с Эль Доктором будете ужинать на улице в шесть. Хочешь пойти поплавать? Надо только не замочить руку.

— Если пойду, то утону.

За ужином доктор по какой-то причине был в инвалидном кресле, и хотя он и жаловался на свои отказывающие ноги, но пребывал в хорошем настроении и был готов подразнить меня полученной информацией.

---

¹⁴⁷ Если долго сидеть на берегу реки, мимо обязательно проплывёт труп твоего врага?

¹⁴⁸ Около 2 100 м.

— Вам будет интересно узнать, — сказал он с некоторой сбивающей с толку важностью, — что автомобиль, который Вы ищете, был отслежен до владельца в Сан-Мигель-де-Альенде. Полагаю, что Вы хотели бы узнать, как зовут владельца?

Хесус Агуайо. Он проживал в маленьком городке под названием Атотонилько-эль-Гранде близ Сан-Мигеля.

— Не могу сказать, кто это такой, но машина принадлежит именно ему. Хотя я бы не советовал Вам отправляться его искать.

— Хороший совет.

— Боюсь, полиция пронюхала о том, что в Куастекоматесе что-то произошло. Я вынужден попросить Вас задержаться здесь на несколько дней, пока мы во всём разберёмся. Идёт расследование, и я не могу оказаться в нём замешанным, Вы согласны? Но волноваться не о чем. Оставайтесь здесь и поправляйтесь, пока всё не закончится.

Плохие новости, но я не стал впадать в панику. Теперь это стало формой домашнего ареста, но кроме горничной некому привести его в исполнение. И, кажется, я правильно сделал, что подкупил её и привлёк на свою сторону.

— Очень любезно с Вашей стороны. Я уже чувствую себя намного лучше.

— Вы очень необычный человек, Вальдштейн. И вообще, что это за имя? Вы немец?

— Возможно, был им в прошлой жизни.

— О, тогда это могло быть малоприятно. Вам стоит обратиться к ясновидцу.

— Это приходило мне в голову.

— Может поэтому Вы такой крутой?

Мы продолжили ужин, и постепенно эта тема была оставлена. Но теперь мне придётся всё переосмыслить. Необходимо выследить Хесуса Агуайо, но сделать это надо по-тихому. После ужина я играл с доктором в шахматы, и часы текли в тихой беседе о садах, инвестициях и некоторых случаях из прошлого. Он упомянул последний, и под влиянием момента я сказал ему, что каждый случай в некотором смысле похож на выдумку. На историю, придуманную кем-то свыше, которая засасывает, заставляя подчиняться её каким-то безумным законам. Затем горничная вывезла его на террасу в задней части сада, и мы там устроились в летнем домике, курили сигары и смотрели вниз на первозданный пейзаж с манцинелловыми дубами и незнакомыми мне деревьями, раскинувшимися по каньонам и заросшими колючками склонам холмов. Не было никаких признаков дороги или моря. Мы там выпили кофе, и доктор извинился за то, что попросил меня не покидать дом. Как ему показалось, добавил он, мне все равно было некуда идти, и теперь я понял, почему он привёл меня сюда. Он мягко объяснил, что к подножию горы ведёт грунтовая дорога, а это около пяти миль по камням. Местные жители вполне передвигаются по ней, но я не местный житель.

— Интересно, что Вы имели в виду, говоря, что каждое дело походило на выдумку, — сказал он. — Хотите сказать, что всё казалось ненастоящим?

— Каждое из них походило на историю, рассказанную кем-то другим. Такое вот возникающее дикое чувство. Одно тащит за собой другое, но потом ты не можешь вспомнить, как всё связано вместе.

— Есть сейчас какой-нибудь смысл в том, чтобы находиться здесь?

— Никакого.

Он позволил своему смеху разыграться ровно настолько, насколько это соответствовало моменту.

Вскоре он снова заснул. Горничная бесшумно пересекла лужайку с металлическим фонарем, в котором горела свеча. Она поставила его перед нами на каменный садовый столик и собрала пустые бокалы и потушенные сигары. Я спросил ее, каждую ли ночь он так засыпает. Она сказала, что он готовится к смерти, и она добавляет в его питье немного успокоительного, чтобы ему было легче уснуть. Почти сразу же вокруг фонаря начали кружиться мотыльки, за их занавесом она смотрела на меня сверху вниз с холодной нерешительностью. Потом она улыбнулась. Поскольку ее работодатель сейчас был без чувств, я спросил её о визите полицейского. О, сказала она, всё, что она услышала из кухни, пока они пили *fino*¹⁴⁹.

Полицейский рассказал Киньонесу, что количество крови на месте происшествия в заброшенном доме вызвало у них интерес, но пока это не вызвало каких-либо серьёзных подозрений. Он хотел узнать, кто я такой. «Понятия не имею», — сказал Эль Доктор.

— Значит, это и есть незнакомец, которого Ваш человек забрал у доктора Абrego той ночью? И именно его обнаружили в отеле в Куастекоматесе?

Вот об этом они и говорили.

— Полицейский велел доктору поддержать тебя здесь, пока он что-нибудь не раскопает. Они думают, что ты говоришь неправду.

— Так и было?

Я постарался, чтобы мой голос звучал как можно более возмущённо.

— Они так сказали, — произнесла она, растягивая слова.

— Думаю, мне стоит покинуть вас сегодня вечером, если получится. Я смогу дойти пешком по дороге — это миль пять, кажется?

— Немного меньше, но ты сможешь с этим справиться. — Но из её уст это прозвучало неуверенно.

— Там есть какая-нибудь деревня, где я смогу завтра утром сесть на автобус?

— Куда тебе надо?

— На юг, в Сан-Мигель-де-Альенде.

— Прямо на дороге останавливаются автобусы, которые идут в Сьюдад-Гусман.

Это было за два часа до полуночи. Я сказал, что спущусь из своей комнаты в два часа ночи. К этому моменту доктор должен будет находиться в своей еженощной коме, а у неё есть все ключи. Я вернулся с ней в дом, она толкала перед собой инвалидную коляску, а из крепости доносились крики птиц, которых я не слышал днем. Я спросил её, чем она занимается по ночам. Она в одиночестве выпивала в великолепном доме и слушала джаз. Вообще, она копила деньги, чтобы хватило вернуться домой и купить магазин. По крайней мере, план был такой. Ну, это больше, чем у меня. Я поднялся наверх и впервые с момента, как я тут оказался, одел свою собственную одежду, затем дождался назначенного часа.

Но перед этим она, верная своему слову, поднялась ко мне в комнату с моими деньгами и тростью из сейфа. На кухне она приготовила мне кофе и бутерброд на дорогу.

— Что скажешь доктору?

— Скажу, что ты бесследно исчез, пока я спала.

В два часа она отвела меня к воротам, отперла их и проводила до каменистой грунтовой дороги. С собой у меня ничего не было, кроме денег и трости. Я не знал, что ей сказать:

---

¹⁴⁹ Самый сухой и светлый из традиционных сортов хереса и крепленого вина Монтилья-Морилес.

такую доброту старик никогда не забудет. Пока я шёл по дороге, она стояла у ворот и смотрела мне вслед, пока я не скрылся из виду. Должно быть, это давало ей какое-то небольшое удовлетворение. Оставшись один, без сумки, но ни капельки не беспокоясь по этому поводу, я провёл остаток ночи на прохладном воздухе, юкка¹⁵⁰ на холмах вокруг меня образовывала нечто похожее на огромный неф из цветов, предназначенных для жертвоприношения. Небо внезапно озарилось нервным, неуверенным лунным светом, при котором очертания предметов становились все более и более неясными, и при его свете я нашёл узкую дорогу, которая вела в соседнюю деревню.

---

¹⁵⁰ Род вечнозелёных древовидных агав.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Это оказался пыльный фермерский городок с тракторами, припаркованными в проулках, и джаракандовыми деревьями, служащими укрытиями для ослов. Деревья придали животным бледно-лавандовый оттенок, когда в мир вернулся свет, и я нашёл автобусную остановку со скамейками, на которой уже собралось несколько старушек. Я спросил об автобусе до Сьюдад-Гусмана. Он должен был прийти в семь. Я сел на одну из скамеек и опустошил кокосовый орех, который купил тут же в магазинчике на площади, а затем задумался, насколько далеко сможет зайти горничная ради меня, когда Эль Доктор проснётся и захочет узнать, куда я подевался. Но автобус пришёл ровно в семь без всяких происшествий. Я сел сзади, и никто не взглянул ни на меня, ни на мою экзотическую перевязь. У водителя я спросил, смогу ли пересест в Гусмане на другой автобус до Сан-Мигеля. *Claro que sí.*¹⁵¹

В автобусе был весело. Перед тем как мы оправились, по проходу прошёл маленький мальчик и положил каждому пассажиру на колено бумажное изображение Девы Гваделупской. Вот такая защита от дорожно-транспортных происшествий.

Всё утро я снова проспал.

Когда я резко проснулся, то мы подобно детям на автобусной экскурсии проплывали сквозь абрикосовые рощи, холмы, покрытые посевами маиса, и деревни с закрытыми отелями и кантинами, телевизоры в которых никогда не выключались.

Дорога шла через долину кактусов, на верхушках которых, казалось, сотнями сидели вороны, словно так они дожидались наступления восхода. Потом она пролегла через тихую долину, заполненную золотистыми колючими маками. По обеим сторонам попадались церкви цвета охры с черепами и скрещенными костями на фасадах. Милпы¹⁵² с зеленеющими зарослями кукурузы, вздымались к гребням скал. Когда автобус проносился мимо, оживали местные собаки, на мгновение разевая пасти. Попадались агавовые фермы, земля на которых уже истощилась, поля дымились, выглядели обугленными, то тут, то там люди на них тушили костры.

Дорога местами изгибалась, с драматичным бесстрашием петляя по откосам, покрытым юккой и деревьями, напоминающими кисточки для бритья. Распустившиеся цветы в лучах высокого и могучего солнца сияли на многие мили вокруг, целые склоны холмов были покрыты этим чудом.

В Гусмане я вышел пообедать недалеко от автобусной станции. Стало немного теплей. Как хорошо было бы снова раствориться в толпе и пить пиво с крендельками. Автобус на Сан-Мигель отправлялся в полдень.

В отеле в Сан-Мигеле я попросил портье вызвать мне такси до Атотонилько, который находился примерно в шести милях к северу; следующие полчаса я усиленно исцелялся, греясь на солнышке во внутреннем дворе отеля. Рана начала затягиваться.

—

Водитель припарковал такси на главной площади Атотонилько. Маленькая деревушка была известна своей церковью, построенной вскоре после испанского завоевания, с её одноцветными фресками и распахнутыми высокими, изъеденными временем деревянными

¹⁵¹ Ясное дело (исп.)

¹⁵² Поле для выращивания продовольственных культур и система выращивания сельскохозяйственных культур, используемая по всей Мезоамерике, особенно на полуострове Юкатан, в Мексике.

дверями. Я подошёл к *tiendita*¹⁵³ и спросил женщину, не видела ли она сегодня утром сеньора.

Она его знала, потому что тут все всех знали. В Атотонилько было всего улиц шесть, может чуть больше, все они располагались рядом с церковью, и он жил на одной из них. Перед его домом была длинная красная стена и сухие перешёптывающиеся деревья. Ворота были закрыты, из-за стены дома не было видно. Я позвонил в звонок.

Никто не вышел, я позвонил снова.

Вскоре подошла служанка и выглянула наружу. Я спросил Хесуса.

— Он внизу, в *grutas*¹⁵⁴, купается в горячей воде.

Позади неё я увидел низкую виллу с жёлтыми стенами и тяжело дышащую в тени собаку на цепи.

— Купается в горячей воде?

— В горячем источнике прямо по дороге. Вы сможете добраться туда пешком.

Из-за ревматизма он ходил туда каждое утро.

— Вы его друг? — спросила она.

Я вернулся в *tiendita* и расспросил об этом источнике. Полчаса пешком по дороге, но был и короткий путь через лес.

Я велел водителю подождать на площади и тронулся в путь.

Сначала тропинка пролежала сквозь поля, поросшие дикими деревьями и высокими сорняками с остатками разрушенных домов. Потом, на дальней стороне леса действительно оказалось что-то вроде спа-салона на открытом воздухе с горячими источниками, бассейнами с паром и чем-то похожим на небольшой отель. Было безлюдно. Бассейны переходили в рукотворные пещеры, где скапливался пар, а снаружи, на солнечном свету, стоял шезлонг с повешенной на спинке одеждой. Когда я там появился, из-за деревьев вышел мальчик и спросил меня, не хочу ли я дневной абонемент на посещение горячих источников и купальный костюм. Я купил костюм и тут же переоделся. С желанием остаться незамеченным. Тот же мальчик принес мне воды со льдом, и я, спустившись в обжигающую воду, пересёк бассейн, держа раненую руку поднятой, и направился к пещере.

Эти пещеры были созданы в рыхлых породах и имели высокие своды. Воды тут было по грудь, и всё вокруг было залито ультрамариновым светом. Я оказался в затемнённом помещении, где было сильно напарено, и обнаружил тут мужчину лет сорока с полотенцем на лице, пребывающего тут в спокойствии в полном одиночестве.

Почувствовав мое присутствие, он убрал полотенце, вернулся на землю и взглянул на пришельца.

Я остановился у противоположной стены, и несколько минут мы молча парились. Извне не доносилось ни звука, в спа никого больше не прибыло. Настал момент спросить, не он ли Хесус ли Агуайо.

— Кто Вы? — спросил он.

— Я друг Линдеров.

— А, понятно.

Он спросил меня, откуда я их знаю.

¹⁵³ Магази́нчик (исп.)

¹⁵⁴ Пещеры (исп.)

К такому разговору я уже был готов. Я сказал, что слышал, что они вышли на пенсию в Мексике и у них дом где-то поблизости.

— Так и есть.

— Они сказали мне, что у них здесь есть друг. Назвали Ваше имя. Я навестил Вас в Атотонилько, а Ваша горничная сказала, что Вы здесь. Так что я теперь тоже здесь.

— Понятно.

Но на мгновение в его глазах промелькнула паника.

— А что у Вас с рукой?

— Артрит. С перевязью мне лучше.

— Может, поговорим снаружи?

— Может быть, нам стоит поговорить прямо здесь. Тут уютно, и мне нравится пар.

То, как мы одновременно улыбнулись, потрясло меня.

— На самом деле я не знаю Линдеров, — продолжил он. — Они друзья друзей. Я кое-что делаю по их просьбе.

— Я хотел бы узнать, что именно Вы для них сделали. Или, если хотите, мы можем проехаться к полицейскому участку в Сан-Мигеле, и сможете поведать об этом там. Я скажу им, что у вашего дома припаркован белый «Гранд Ам», и, возможно, это не имеет никакого значения, но, с другой стороны, может и имеет. Но я уверен, что Вы к этому не имеете отношения.

— Ничего не имею против того, чтобы туда отправиться. Но зачем мне это делать? И, ещё раз, кто Вы такой?

— Ну, давайте допустим, что я потерял свою машину, и очень из-за этого рассердился. Тот, кто её украл, должен мне всё возместить. И вместо того чтобы вовлекать Вас, я подумал, что лучше обращусь напрямую к мистеру Линдеру. Я подумал, что Вы могли бы отвезти меня к нему, за что бы Вас отблагодарил, а также забыл о поездке в участок. Это могло бы стать очень простым соглашением, и мистер Линдер никогда бы о нём не узнал. Вы могли бы просто посадить меня неподалеку.

— Вы что, издеваетесь надо мной?

— Да, я знаю, что у меня забавная манера говорить. Но на самом деле я действительно неприятный человек. У меня совсем нет чувства юмора.

Он выругался по-мексикански: *la chingada*.

Я предложил ему вернуться в дом, взять машину и вернуться сюда за мной. А отсюда уже он мог бы отвезти меня к ним. Кстати, где они, раз уж мы подошли к этому?

— Думаю, мне следует сначала позвонить им и услышать, что они скажут.

— Можно так, — сказал я. — Или можно просто устроить для них сюрприз. Они не узнают, как я их нашёл.

По его словам, с добычей от «Тихоокеанской страховой» они обосновались в одном из поселений в горах над Гуанахуато. Оттуда они отправлялись на побережье на вечеринки и светские рауты, а поскольку это было немного в стороне от проторенных маршрутов для богатых американцев, то они могли пользоваться большей свободой действий.

— Но я Вас туда не повезу, — настаивал он.

Он сказал, что позвонит миссис Линдер и спросит её, что она хочет, чтобы он сделал.

— Я бы предпочел, чтобы Вы этого не делали. Если Вы боитесь, просто дайте мне адрес, и я сам туда поеду.

— Боитесь?..

Уязвленная гордость вспыхнула, и его глаза расширились до предела.

— Я никого не боюсь!

— Просто дайте мне адрес, и мы расстанемся. Мне нравится, что Вы не боитесь жалкого маленького бродяги-гринго.

— В таком случае, — сказал он, внезапно успокоившись, — давайте выпьем снаружи. Я напишу Вам адрес. Повезло, что мы в таком уединенном месте.

— И к счастью, мне не нужно звонить в полицию.

— Ах, да Вы бы и не стали.

Его настроение менялось так же быстро, как небо над Англией.

Выйдя на улицу, мы уселись в шезлонги, и официант принес нам лимонад. Это был своего рода хороший курорт, но для него настали трудные времена, или же он никогда их и не знал. Теперь мой корреспондент чувствовал себя более непринужденно, будучи уверенным, что я уйду и оставлю его в покое, он записал адрес на открытке, которую ему принёс официант. Подумать только, я проделал весь этот путь, чтобы получить адрес, нацарапанный на клочке бумаги. Я спросил его о человеке, который вернул машину в Атотонилко, о человеке, который любил играть с «волчками», но он никогда не слышал о таком.

— Я выполняю поручения больших людей, — сказал он с непринужденной улыбкой. — Я просто тот, кто оказывает небольшие услуги. Я никто.

Он добавил, что никогда не встречался с Линдерами.

— *El Linder*, — заключил он, — *es una fantasma*¹⁵⁵.

Я взглянул на карточку и увидел, что это недалеко от удалённой церквушки Минерал-дель-Седро и поселения под названием Кальдеронес. Так что это была очередная погоня за дикими гусями в маленьком *pueblo*¹⁵⁶ или на тенистой улочке у чёрта на куличках. Ещё одна забава для старика со слабеющими ногами. На мгновение я засомневался, стоило ли тратить на это время. Но потом я отогнал прочь мысль о том, что маленький скользкий мошенник взял надо мной верх и что я не смогу выиграть у него в эти «кошки-мышки». Мне захотелось увидеть, как хотя бы раз в глазах *призрака* хотя бы на мгновение появится ужас. И кроме того, у меня странная неприязнь к людям, которые пытаются меня покалечить, хотя я часто понимаю их эмоции и ещё чаще их мотивы. Мотивы имеют больше значения, чем эмоции.

¹⁵⁵ Линдер — это призрак (исп.)

¹⁵⁶ Деревня, посёлок (исп.)

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

К двум часам того дня я был в Гуанахуато, в дешёвом отеле, высоком и узком, на улице под названием Кантарранас – Песнопения. Я снял номер на самом верху, так высоко, что сам город оказался далеко внизу, город, непохожий ни на что из того, что я знал: место, которое просто втиснули в узкое ущелье. Его огни и белые дома напомнили мне о Вифлееме из старинных книг. На закате я спустился на улицу поужинать. По площадям и переулкам прогуливались группы школяров в чёрных накидках и масках, бренча на мандолинах, и время от времени исполняя серенады, нетрудно было представить, что Линдеры устраивают себе здесь ужины по выходным.

Было уже начало десятого, когда я поймал такси и попросил отвезти меня по адресу, указанному на клочке бумаги. Таксист не знал где это, но сказал, что обязательно найдёт, мне этого было достаточно. Это оказалось всего в миле от города, среди горных холмов, которые когда-то сделали Мадрид серебряной столицей Европы. Дороги тут уходили в темноту, где в уединенном величии возвышались особняки богачей.

Таксист высадил меня у подножия широкой аллеи, по краям которой высились кипарисы. Он спросил меня, сколько я тут пробуду, и стоит ли ему меня подождать. Я сказал, что он мог бы припарковаться где-нибудь поблизости на час или два, если у него нет других планов; оплата будет хорошей.

Я начал подниматься по подъездной дорожке. На полпути к невысокой, но просторной гасиенде мне послышалась болтовня, музыка, в общем, весь тот раздражающий шум, сопутствующий веселью на вечеринке. Этого я совсем не ожидал. Я выглядел слишком потрёпанным, чтобы оказаться на вечеринке, не переменив одежду. С забинтованной рукой я был более похож на человека из больничной палаты, которую ему не стоило покидать. Но внезапно у дорожки появились слуги с приветственными факелами и маленькими шелковыми масками на резинках. Это был маскарад, и маски раздавались всем прибывающим. Как только меня заметили, к подъездной дорожке подъехала ещё одна машина, из неё вышла компания из четырех человек, которые последовала за мной к дому. Я решил присоединиться к ним. Это были американцы — две пожилые пары в каких-то жутких нарядах. Я умел ладить с призраками из прошлого. Знают ли они Пола и Долорес? Может и нет, они никогда с ними не встречались. У них в Сан-Мигеле общие друзья, они-то их и пригласили. Американский клуб в Центральном Нагорье был многочисленным и преуспевающим. Каждый год появлялись новые члены, пенсионеры, которым не терпелось начать новую жизнь, они скупили все подходящие гасиенды на холмах. Годы правления Рейгана стали для них удачными. Я представился как Барри Вальдштейн, и мы уже вместе подошли к величественному крыльцу с колоннами, надевая на вспотевшие лица полученные маски. Они были на ацтекскую тему, с лицами богов и богинь, о которых мы и не слышали, в них мы стали похожи на психов, особенно рядом с раздающими бокалы дворецкими.

Дом на холмах, слуги и гобелены — так вот, на что ушёл улов у нашего амбициозного *призрака*. Это впечатляло, но и сбивало с толку. Владелец виллы разъезжал на автобусах только для того, чтобы скрыться от человека из прошлого, каким я являлся для него, тогда как всё это время он мог скрываться здесь, где мне было бы нелегко его найти. Тут я внезапно понял, что являюсь единственной угрозой в его замечательной новой жизни. Возможно, больше никто тут и не подозревал, из каких средств были оплачены эти канделябры. Он был в бегах, но в этот пятничный вечер вы бы об этом и не догадывались.

Вечеринка проходила в великолепном испанском саду с фонтаном, выложенным плиткой и окружённом кипарисами, вокруг которого были расставлены столы, сервированные серебряными блюдами, а между ними были установлены барные стойки. Толпа была

достаточной, чтобы я смог в ней раствориться. Я чувствовал присутствие наркотиков, распространяющихся вокруг, бесшумных наркотиков из мира респектабельных и богатых, которые незаметно подают с обычными коктейлями и рюмками с ликером — и конечно же, там было два столика, отведенных исключительно под мескаль и текилу, подаваемые в искусно сделанных итальянских рюмочках с блюдечками розовой соли. Мужчины принялись за дело, довольно урча и раскачиваясь, когда эмоции начинали зашкаливать. Вскоре заиграл джаз-бэнд, и на столах в дальних комнатах уже в открытую появился кокаин, рассыпаемый по столешницам восемнадцатого века и поглощаемый как подростками, так и динозаврами.

Теперь я понял, насколько полезными оказались для хозяев маски. Найти их было трудно, и кто знает, были ли они тут вообще. На втором этаже гасиенды горел свет. Возможно, они были там и оттуда наблюдали за нами.

Я вышел в сад, где водоворот красивых женщин, американок и, кружился вместе под непонятную для меня музыку Тины Тёрнер. Между кипарисами в темноте раскинулись лужайки, и на них, тут и там, разлеглись люди, глядя на звёзды, с кусочками торта на бумажных тарелках и бокалами шампанского в руках. Они напоминали фантики от конфет, разбросанные ребёнком-великаном. На мгновение я задался вопросом, где я и зачем, но всё же тут были напитки, которыми можно было насладиться, равно как и канапе¹⁵⁷ с эмпанадас¹⁵⁸. Я пробирался сквозь толпу в поисках Дональда, но так его и не встретил.

Я переходил из комнаты в комнату. Некоторые из них были в розовых и голубых тонах, с мраморными панелями в стиле *trompe-l'oeil*¹⁵⁹ и книжными шкафами, которые явно остались тут от предыдущих владельцев. Я порасспрашивал вокруг. Но как его звали — Дональд или Пол? Я попробовал «сеньор Линдер», и кто-то сказал, что видел его перед этим, когда он выступал с речью перед гостями.

В одном из длинных и явно что-то с чем-то в этом доме соединявших коридоров со стенами, увешанными современными картинами, на меня наскочил мужчина. С воплем «Норман!» он схватил меня за руку, при этом наполовину меня развернув, а за его спиной появилась женщина, они явно были вместе. Оба были пьяны, маски начали сползать с их лиц. Они спросили меня, видел ли я Линдера.

— Он где-то здесь, — сказал я.

— Это невыносимо, он приглашает вас сюда, а потом исчезает. Что думаете о доме?

— Настоящий дворец.

— Без шуток, — сказала женщина.

— А что с твоей рукой?

— Несчастный случай с газонокосилкой.

Внезапно мужчина ещё раз взглянул на меня.

— Послушайте, минуточку...

Я отошёл, и они решили обратить всё в шутку.

— Я мог бы поклясться, что это Норман! — завопил мужчина.

— Оставь его в покое, Роман.

¹⁵⁷ Кулинарное блюдо в виде маленьких бутербродов.

¹⁵⁸ Жареные пирожки, популярные в Испании и Латинской Америке.

¹⁵⁹ Разновидность изобразительного искусства, способ изображения и совокупность технических приёмов, создающих иллюзию невозможного, либо напротив — представление доступного, осязаемого, но на самом деле несуществующего.

Женщина смотрела мне вслед, но я уже исчез, опять растворился в дыму и давке тел. Я попал в главный коридор, там, на удивление, почти никого не было, если не считать горничных и официантов, которых, очевидно, наняли только на этот вечер. На второй этаж оттуда поднималась величественная винтовая лестница, как будто попавшая сюда из «Унесённых ветром». Никто не возражал, чтобы я поднялся по ней. В коридорах здесь было тихо, а комнаты, казалось, погружены в уединение. Я оглянулся в зал, и заметил, что один из официантов смотрит на меня с недоумением. Я приложил палец к губам, и он исчез. Безобидный вид живого музейного экспоната в наши дни сбивает с толку. Я нырнул в первый попавшийся коридор и увидел, что под одной из дверей горит свет. Если бы меня кто-нибудь остановил, я бы прикинулся пьяным и сказал, что ищу туалет. Вскоре за дверями я расслышал голоса. Разговаривали мужчина и женщина. Градус напряжения нарастал, мужчина уже срывался на крик. Раздался оглушительный звук пощечины. Женщина зарыдала. Мужчина выкрикнул несколько оскорблений. Потом продолжил бушевать. Внезапно дверь распахнулась, и в темноте коридора показалась мужская голова в маске, в глазах, видневшихся сквозь её прорезы, сверкала смесь безграничного гнева и утраченного равновесия.

— Кто здесь? — пролаял он, но увидел только меня, пошатывающегося и упирающегося в стену рукой (трость я сдал на входе). Позади него появилась женщина и спросила, кто тут и что происходит.

— Я тебя знаю? — снова рявкнул мужчина.

— Я ищу ванную, — сказал я.

Мужчина повернулся в комнату, и тон его стал язвительным.

— Говорит, что ищет сортир. На пьяного не похож.

— Но так и есть, — поправил я его.

Он ещё раз взглянул на меня, и фиолетовая маска, которая была на нём, казалось, засияла ярче из-за своих серебряных блесков.

— Есть ещё один в другом конце лестничной площадки, старина. Не свались по дороге с лестницы.

— Я ему покажу, — сказала женщина, и я сразу узнал её голос.

— Нет, оставь это ему. Иначе, это будет выглядеть оскорбительно.

— Но я могла бы...

— Заткнись и сядь. Я не в настроении устраивать совещание.

— Я найду, — сказал я, приглушая собственный голос и отступая обратно к лестнице. Женщина вышла в коридор и проводила меня взглядом. Мой голос, она, должно быть, узнала мой голос. Но они тоже были навеселе, и их голоса были невнятными и ускользающими от узнавания. А также запредельное высокомерие, какое бывает под кайфом.

Я спустился обратно по лестнице и стал ждать в саду. Итак, я застал их одних в спальне, где они, вероятно, прогуливались по кокаиновым дорожкам. Конечно, у меня не было с собой миниатюрной камеры, но когда я переходил от комнаты к комнате, то мысленно проводил инвентаризацию всего, что в них видел. Антикварная мебель, ковры, зеркала, современные картины, стеклянная посуда, индийские изделия из нефрита — сокровища разных континентов и столетий, собранные наспех дилетантами. Этот дворец принадлежал сорокам.

Было чуть больше десяти, так что, по их понятиям, ночь еще только начиналась. Я решил пригласить на танец молодую леди, и, увидев мою покалеченную руку и изодранные

туфли, она согласилась. Сексуальное благородство обязывает. Мы вальсировали на лужайке, а время шло. Звёзды, однако, по-прежнему занимали свои позиции.

Ещё не было полуночи, когда я вернулся в дом, нашёл ванную, чтобы в ней можно было запереться, и снял маску. Моё лицо под ней покраснелось. Я порвал резинку, затем вернулся в коридор и схватил за шиворот одного из официантов. Показав ему пришедшую в негодность маску, я попросил заменить её.

Новая была тёмно-зеленой и придала мне свежий вид, и я отважился отправиться наружу новым человеком. В главной гостиной вокруг рояля собралась толпа, а за ним сидела легко узнаваемая маска из комнаты наверху. Он исполнял одну из композиций Арти Шоу, которую я знал, но только через несколько тактов я понял, что это был *«Blues in the Night»*. Но как получилось, что он так хорошо её знает и может так свободно играть? Я сел послушать, и по всему телу у меня пробежал холодок. Отсюда исполнитель выглядел высоким и стройным, почти атлетически сложенным, учтивым имитатором из какого-то кошмарного сна. Но почему музыка сороковых? Потом я вспомнил, что ему почти столько же лет, сколько и мне, и ему это вполне подходило. Я встал и вышел в сад. Через несколько минут он тоже вышел в окружении стайки женщин. Они не заметили, что я сижу в беседке, и отправились к бассейну, примыкающему к террасе, где и расселись вокруг него на траве. Я подождал, пока они устроятся, а затем тихонько присоединился к ним. Его жены нигде не было видно. Мужчина, который, по-видимому, был нашим хозяином, растянулся промеж красоток и курил через мундштук, выставляя напоказ черные носки, которые у него были под домашними туфлями. И что было удивительно: это были тёмно-синие бархатные «альберты» с вышитыми золотом коронами, точно такие же носил доктор. На Линдере, однако, они смотрелись по-другому и, казалось, служили явным свидетельством его успеха. Я уселся позади него, так, чтобы он меня не заметил, и обратил внимание на его седые волосы, которые пересекал эластичный ремешок маски. Я был уверен, что это Дональд. Но с другой стороны, о *призраке* ничего нельзя сказать уверенно. Он весь как-будто нереален. Однако, почувствовав мое присутствие, он внезапно повернулся и улыбнулся. Он будто даже не заметил меня; это как рыба чувствует другую каким-то шестым чувством. Он чуть наклонился вперед, и когда он это сделал, я рассмотрел под маской его подбородок; в нём чувствовалась напряженность жестокого и беспомощного человека. Он раскусил меня, и, в какой-то мере, его всё устраивало. Возможно, всё это для него было в большей степени игрой, чем для меня.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Полагаю Вам удалось найти уборную. Я о Вас беспокоился. Ах уж, мочевые пузыри у пожилых... Но теперь Вы снова с нами.

Его голос принадлежал оперной певице, у которой выходной, голос, смягчённый лавандовым маслом и такой же высокий, каким он был, когда я впервые его услышал.

— Маску Вы сменили, но обувь осталась той же. — Он рассмеялся. — Могу предложить Вам выпить?

— Выпью рюмочку с Вами.

Официанты вокруг нас пришли в движение.

— Налей этому человеку и мне тоже. *Dos shots*¹⁶⁰, ладно?

Пока меня в нём ничто не поражало; призрак, за которым я гонялся несколько дней, теперь появился передо мной без каких-либо звуков фанфар. В нём не было ничего необычного. Калифорнийский акцент, дорогой шёлковый галстук — всё это было просто частями чего-то целого, так же, как детали часового механизма, который тикает и выполняет свои функции. Было невероятно, что он мошенник, а так и есть, но его физическое присутствие тут было не более, чем образом жизни. Он даже выглядел сейчас каким-то уменьшившимся. Но потом я вспомнил, что Долорес говорила о голубизне его глаз, и обнаружил, что они действительно были такими голубыми, как минералы, вынутые из глубины земли, и из-за этого выглядели ужасными. Он сказал несколько слов женщинам, и те, словно с них сняли заклинание, растворились в толпе. Он поднялся и предложил нам присесть на металлические стулья, расставленные по краю террасы. Спросил, как меня зовут. Я представился Норманом Петти. Он сказал, что его зовут Пол. А также признался, что он и есть хозяин, и забавно, что я этого не знаю.

— Конечно, я не со всеми знаком, — дружелюбно заметил он, когда мы перемещались. — Мне кажется, я Вас не знаю. Вы пришли с кем-то из друзей?

— Я пришёл с Романом.

— А, Роман. Вы знакомы с Романом? Я его терпеть не могу, но жена всегда настаивает на том, чтобы его пригласить. Откуда Вы его знаете?

Оставалось бросить кости, и это надо было сделать.

— Я познакомился с ним на яхте в Мансанильо.

— Вот как. Все знакомятся друг с другом на этих проклятых яхтах. Клянусь Богом, нас теперь и не отличить друг от друга. Рыбачите, Норман?

— Люблю поохотиться на марлина. А Вы?

— Ничто другое не имеет смысла!

Прибыл поднос с выпивкой, и мы тут же опрокинули её в себя. И тут же пошли на второй круг.

— Что мне действительно нравится, так это выпивать с посторонними, — сказал он. — Это как-то освежает. От знакомых ты уже как-то устаёшь.

Он добавил, что был рад на некоторое время уехать от жены.

— Она страшная гарпия, Норман. Почему мы всегда женимся на гарпиях? Или мы превращаем их в гарпий? Не знаю, что и сказать.

— А может, это мы гарпии.

---

¹⁶⁰ Две порции (искаж. исп.)

— Совершенно верно, Норман, совершенно верно. А теперь скажите мне, где Вы любите ловить марлинов?

— Еду в Масатлан, как и все остальные.

— В самое лучшее место.

— В самое лучшее место в Мексике для ловли марлина.

— Так и есть. Но в Гуанахуато особенный воздух. Вам не нравится здешний воздух? Думаю, Вы, должно быть, здесь на пенсии, как и мы.

— Вообще-то, я приматриваю здесь дом.

— Сейчас? Что ж, Вы в верном месте.

Мы выпили по второму кругу, и он спросил меня, люблю ли я курить травку. Это было одним из его хобби, и у него было настоящее собрание подобных материалов. Это я тоже прошёл. Сказал, что это всегда делает меня слишком галантным. Он глянул в сторону дома, и уголки его губ затвердели. Он захотел узнать, чем я занимаюсь, и я сказал, что когда-то давным-давно я был репортером в одной из газет в Нью-Джерси. Потом я вышел на пенсию и занялся икебаной. Это такая японская композиция из цветов.

— Ни хрена себе, — пробормотал он.

Да, сказал я, я обнаружил, что это позволяет мне расслабиться в часы досуга. Я ненавижу цветы, но люблю икебану. Он когда-нибудь пробовал? Жаль, что нет. Но теперь, когда он на пенсии...

— Я не говорил, что вышел на пенсию, — улыбнулся он. — Что Вас навело на эту мысль?

— Это место, чертовски подходящее для работы.

— Ну ладно, раз уж Вы об этом говорили, мы на пенсии. Скажите, Норман, как Вы думаете, сколько я за всё это заплатил?

— Это непростой вопрос — миллион?

— Чертовски верная догадка. Но почему Вы думаете, что мы его купили?

Теперь акцент стал ещё отчетливее: пустынные калифорнийские городки, авиабазы, однообразные орошаемые поля и салуны у границы. Как мне удалось выяснить, в своё время его отцу пришлось управлять мукомольным предприятием. Говорят, что иногда мука на складах воспламеняется и взрывается, и всё это выглядит как бомбардировка Эль-Сентро среди ночи. Забыл, кто мне это сказал. Но не Бонхоффер. Возможно, я знал это сам по себе.

— Я ничего такого не предполагал, — ответил я холодно, как только смог.

— Это как раз к лучшему. Значит, Вы пришли с Романом? Жаль, если мы не сможем его найти, чтобы пригласить выпить. Или Вы ненавидите его так же, как и я?

Он подозревал одного из automata¹⁶¹.

— Пойди и посмотри, можно ли найти сеньора Романа. Здесь друг, который хочет пригласить его выпить.

— Да, сеньор.

Он снова повернулся ко мне:

— Никогда не мог выучить этот чертов язык. Он, как будто, наваливается на меня и душит.

— Вам стоит попробовать индонезийский.

— Ну, я не собираюсь в Индонезию в ближайшее время.

---

¹⁶¹ Робот (исп.)

— Что тогда, интересно, привело Вас сюда?

Он вытянул ноги, и над носками показались крошечные белые полоски голеней.

— Мне здесь нравится. А Вам нет?

Он расплылся в улыбке, в которой, к моему удивлению, не было ни капли злобы.

— Возможно, я тоже смогу здесь устроиться, — сказал я. — Знаете, здесь что-нибудь продаётся?

— Спрошу Романа, когда он придёт. Он об этом знает всё.

Да, неуловимый Роман. Именно сейчас стоило убираться отсюда, пока не стало слишком поздно. Я попытался взглянуть на часы, но он на это не купился.

— Вы не можете взять и уйти, — сказал он. — Только не теперь, когда к нам собирается присоединиться Роман. Он расстроится и заплачет.

Кстати, добавил он, что у меня случилось с рукой?

— Несчастный случай с газонокосилкой.

— Вам следует обратиться к американскому врачу. Может, Вас неправильно залатали.

— Залатанное и есть залатанное.

— Знаете, как однажды сказал Михаил Калашников? «Жаль, что я не изобрёл газонокосилку». Он сказал, что изобретение самого знаменитого в мире автомата его иногда огорчает его, и он жалеет, что не изобрел что-нибудь более полезное. Что-то, чтобы стричь газоны¹⁶². Понимаете, о чём я?

Он поднял голову и направил взгляд поверх моего плеча, его голубые глаза опять стали жёсткими. Я обернулся. К несчастью, это был Роман, в сопровождении официанта, но без жены, и в том, как он держался, было что-то нервное, как будто ему было неприятно и пришлось против воли поспешно спуститься сюда. Взглянув на меня, он сначала не узнал меня в другой маске, но рука на перевязи всколыхнула его память, и он вспомнил нашу скоротечную встречу в коридоре несколько часов назад, теперь воспринимаемую по другую сторону стены из наркотиков и алкоголя.

— О, — сказал он.

— Садись, Роман. С нашим другом в маске ты знаком. Норман о себе рассказал. Я сказал ему, что, возможно, ты сможешь подыскать ему здесь дом. Роман — наша местная акула в сфере недвижимости. Так ведь, Роман?

— Ничего не знаю об этом. — Он сел, и при этом бросил на меня насмешливый взгляд.

— Рад, что вы пригласили Нормана, — сказал Дональд. — Иначе не встретил бы здесь ни одного нового лица. А мне всегда нравится познакомиться с кем-то, кого я не знаю.

— Я приглашал Нормана, но не уверен...

Мы все трое в масках выглядели настолько нелепо, что я не смог удержаться от короткого смеха.

— Мы похожи на «Трёх мушкетеров», — сказал я.

— В чем ты не уверен, Роман?

---

¹⁶² Мистер Калашников, которому сейчас 82 года, сказал, что если бы можно было вернуть всё обратно, он попытался бы сконструировать что-нибудь полезное, а не разрушительное — предпочтительно газонокосилку.

«Я горжусь своим изобретением, но это печально, что им пользуются террористами», — сказал он во время визита в Германию, добавив: «Я бы предпочёл изобрести устройство, полезное для людей и которое помогало бы фермерам в их нелёгком труде — например, газонокосилку».

(«The Guardian», 30/07/2002, <https://www.theguardian.com/world/2002/jul/30/russia.kateconnolly>)

— Сначала я принял его за Нормана. Но теперь я уже не уверен...

— Не уверен?

— Но на нём ведь маска, так ведь?

— Ты же можешь видеть сквозь маску. Роман, кажется, думает, что Вы, возможно, не Норман. Разве это не забавно? Может быть, Вам стоит снять маску, и мы сможем прояснить этот вопрос. Я бы сказал, что на данный момент это самая прекрасная идея. Я уверен, Норман согласился, если бы был здесь.

— Я думал, на этот счёт есть правила.

— Но если Роман не уверен, что ты Норман, то и я не уверен.

Роман попытался обратить всё в шутку.

— Да ладно, ничего особенного. Может быть, это Норман, и просто его голос звучит как-то по-другому. Мне всё равно. Эй, приятель, если ты говоришь, что ты Норман, значит, так оно и есть.

— А я не хочу, чтобы по моему дому разгуливали совершенно неизвестные люди, называющие себя Норманами. Либо Норман, либо нет. Только друзья друзей.

— Но я друг друга.

— О?

Я выпрямился и посмотрел ему в глаза.

— Я друг Пола Линдера. Я полагаю, Вы тоже с ним знакомы.

Ничего не понимая, Роман продолжал ухмыляться, напоминая собой шимпанзе.

— Это забавно.

— Знаете, — сказал Дональд, слегка шевеля ногами в бархатных шлёпанцах. — Это была долгая вечеринка, и иногда приходится их всё-таки заканчивать. Всё это начинает сбивать с толку. Может быть, Вам просто стоит сказать нам, кто Вы такой на самом деле, и мы не будем к этому возвращаться. И, если захотите, мы можем вызвать Вам такси.

Через лужайку к нам направлялись двое мужчин, и они не напоминали бойскаутов, спешащих к вам на помощь.

— Это комитет по отъезду?

— Да, эти ребята оттуда. Но сначала я бы всё-таки хотел узнать Ваше имя.

— Филип. Вы знаете кого-нибудь, кого зовут Филип?

— Не понимаю, — запротестовал Роман.

Дональд повернулся к нему.

— Ты его не знаешь, и я тоже. Ты что, совсем спятил, чёрт возьми?

Я поднялся на ноги до того, как прибыли бойскауты и хотел бы ещё спросить, прежде чем меня вышвырнут из этого рая, откуда он знал Пола Линдера и что он с ним сделал. Но на это уже не оставалось времени.

— Когда я видел Пола в последний раз, — сказал я, — с ним всё было в порядке. Но самое смешное, что он исчез. А говорят, что люди бесследно не исчезают.

— Исчез? — воскликнул Роман, уставившись, предположительно, на единственного известного ему, в прошлом, настоящем и будущем, Пола Линдера.

— Ты пьян, — сказал Дональд, — но я не возражаю. *Muchachos*¹⁶³, уведите его отсюда.

— Не следует говорить *muchachos*. Это неправильно.

---

¹⁶³ Ребята (исп.)

— Я буду говорить всё, что захочу. Я провожу Вас, мистер Филип?

— С удовольствием.

Мы оставили Романа на месте, а сами вчетвером пробрались сквозь танцующие пары на лужайке. В толпе я встретил девушку, с которой танцевал раньше, ещё более обкуренную, и я на мгновение сбежал из тюрьмы своего собственного тела и закружил её в танце здоровой рукой. Мой сопровождающий оторопел, но, не устроив неловкой сцены, он не смог бы вмешаться, и потому был вынужден позволить нам потанцевать. Но затем один из скаутов схватил меня за раненую руку и слегка вывернул её, так что боль пронзила у меня всё вплоть до поясницы. Это был такой способ заставить меня поторопиться. Мы вышли на крыльцо, лунный свет золотил подъездную дорожку. И вот теперь Эль Дональдо решил со мной заговорить.

— Ты являешься сюда, ожидая, что я с тобой расплачусь, ты, кусок дерьма. Ты не понимаешь намёков, так ведь?

Тут он отступил, и скаут, державший меня за руку, внезапно швырнул меня на землю, наблюдая, как я подобно бочке перекачиваюсь, а затем останавливаюсь у побеленного бордюра дорожки.

— Мне бы стоило попросить их покончить с этим, — раздался сверху голос хозяина. — Я мог бы приказать им отрезать тебе руки и скинуть тебя в канаву. Кто бы тебя тут нашёл, ты, мелкий засранец?

Почему бы и нет, подумал я. Это было самое простое, и я уж не стал бы переживать по этому поводу больше других. Но я знал, почему он этого не сделал — там, в тот самый вечер. Ему пришлось пытаться заметить следы, а вокруг было слишком много свидетелей. Я поднялся и направился к помпезным колониальным воротам.

— Эй, Филип, — крикнул он мне вслед. — К чёрту тебя и твои манеры!

Затем что-то загремело у меня за спиной — это была трость, которую я оставил там, и которую один из скаутов швырнул мне вслед. Её стоило подобрать, и, проделывая это, я одарил их, как мне показалось, гордым взглядом.

— Можешь вернуться в Гуанахуато пешком, — снова крикнул он. — Напейся, ты, кусок старого дерьма. Это единственное, что что у тебя хорошо получается.

Они стояли там и ждали, когда я пройду через ворота. Затем, как только я оказался на дороге, меня накрыло от всего, что пришлось пережить в тот вечер. Всё было кончено, всё это притворство, игры в кошки-мышки; я всё ещё был жив и лишь слегка покрыт синяками. Теперь я понял, что сегодняшнее приключение закончено: мучения были напрасны, вся эта поездка сюда, к этому сукину сыну. Мысль эта некоторое время крутилась у меня в голове, как камень, скатившийся с горы, уверенность в этом полностью захватила меня.

Холмы были освещены луной, вокруг пели козодои. На повороте дороги внизу ждал таксист, и ждал уже несколько часов. Я не мог понять, что чем вызвана подобная преданность, не могло же это быть только из-за денег. Он даже помахал мне рукой. Я был спасён. Я обозвал его дураком.

— *Che rechulo mi tarzan!*¹⁶⁴ — крикнул он в ответ.

Я медленно подошёл к нему, вокруг меня всё померкло, а затем снова ярко засияло. Я ожидал, что Дональд и его головорезы отправятся за мной в погоню, и когда подошёл к машине, то водитель махнул рукой, указывая на что-то у меня за спиной.

Я обернулся и увидел женщину, идущую по дороге. Она сняла маску, и я сразу узнал Долорес. Она не выглядела взволнованной или взбодораженной. Она прошла вдоль

¹⁶⁴ Кто же бросит своего Тарзана! (исп.)

машины и, когда поравнялась со мной, оглянулась, чтобы убедиться, что за ней никто не следит.

— Филип, подожди.

Мне стоило попросить её убраться, и ведь действительно она заработала высший балл. Ведь она была где-то рядом, когда головорезы избивали старика. Но надо признаться, я не мог ей отказать. Она выглядела такой обескураженной и сбитой с толку, никак не вязалось с её обычным поведением, и в выражении её лица была какая-то растерянность, которая заставила меня понять, что от неё ничего не зависит. Вообще. Сейчас она, прикусив губу, казалось, решала, что делать дальше, в её глазах была паника, потому что у неё было всего несколько секунд, чтобы составить план. Но было и ещё кое-что ещё. Я подумал, что в тот вечер она выглядела великолепно неприглядной, как будто весь лоск слетел с неё от страха. Потом я вспомнил о синяке у неё на шее. Я вдруг понял, что перед этим не пытался сложить всё воедино. Она была девушкой из трущоб, которая мирилась с такой жизнью, потому что ей некуда было вернуться. Она была из тех, кто всю свою жизнь ведёт войну с такими малоприятными типами, как Дональд, и исподволь ей удалось скрытно одержать несколько побед на этом пути. А я просто случайно оказался на этой войне, не понимая этого.

— Я не просил у него денег, — запротестовала я. — Я, вообще, ничего не просил. Просто хотел попрощаться.

Моя улыбка не вызвала ответной.

— И что теперь? — спросила она.

— Я убираюсь. Я знаю хороший спа-центр на побережье. Послушай, было истинным удовольствием и, вообще...

— Нет, подожди.

В её голосе ещё не было мольбы, но она была уже на полпути к этому.

— Встретимся завтра в Музее мумий, в конце кладбища, в три часа. Я принесу тебе всё, что причитается — обещаю — и всё объясню.

Она развернулась к дому, когда я забрался в машину. Свет фар скользнул по её стройной фигуре, когда она быстрым шагом возвращалась туда, где, если ей повезет, её никто не хватился.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Эту засушливую ночь я провёл без сновидений в Кантарранасе после ужина, состоявшего из тамале с зелёной сальсой, и из головы у меня не шло отчаяние на лице Долорес, увиденное прошедшим вечером. Она, должно быть, сильно рисковала, отправившись за мной ради того редкого момента откровенности. Но теперь я должен буду встретиться с ней наедине, может, в последний раз, и это была более привлекательная перспектива, чем просто вернуться домой или предоставление доказательств «Тихоокеанской страховой». Я даже удивился, почему я не отнёсся к ней с большим подозрением, но это было на уровне инстинкта: когда кто-то не представляет для тебя опасности, ты ощущаешь это буквально кожей. Именно это позволило идти на поводу у своего нездорового любопытства. Эта тайна влекла меня. Иначе и быть не могло.

На следующий день после полудня я отправился на трамвае вверх по длинному холму к Museo de las Momias¹⁶⁵, возвышавшемуся над городом на вершине обветшавшего от времени холма, окруженному турникетами и туристической рекламой. В нём было выставлено множество мумий, образовавшихся естественным путём из-за высокого содержания нитратов в местной почве, а потому это было популярным местом для проведения школьных экскурсий. Я забрёл на кладбище, усаженное тонкими деревьями джакаранды, казавшимися под безмолвным солнцем хрупкими и печальными, и стал ждать Долорес.

Деревья были унижены какими-то лохмотьями, трепетавшими на ветру подобно буддийским молитвенным флагам, а могилы как будто были окрашены в бледно-голубой цвет из-за остатков цветов, отчаянно не желавших разлетаться. Надгробья с архангелами и другими небесными существами, издающими трубные звуки, но всё это со скрываемым напряжением ацтекского ужаса. Неудивительно, что французы в здешней земле съжились и превратились в мумии. По кладбищу проносился сухой от пыли ветер, поднимая вверх обрывки пластика и голубые лепестки и собирая их в маленькие симпатичные смерчи, которые затем опадали обратно на могилы. Она удачно подобрала место для встречи.

Мне оставалось только ждать на скамейке, нежась на солнышке. С небрежным отвращением по кладбищу прошла туристическая группа, и, когда, наконец, появилась Долорес мы оказались тут почти одни.

Одета она была как на похороны, в широкополой чёрной шляпе и в тон ей туфли на каблуках. Выглядело так, как будто она немного постаралась для меня, мужчины, который в романтическом плане никак не мог её заинтересовать. Но хоть чуть-чуть, это всё равно на неё повлияло. Она шла по проходу между величественными надгробиями под джакарандами, и казалось, что события предыдущего вечера имели место в другой жизни. С собой у неё был маленький чемоданчик, и я сразу понял, что в нём деньги, которые она обещала мне в Лас-Хадасе, и которые они пытались мне не заплатить. Ага, значит, она передумала.

— Пройдёмся? — спросила она.

Как отец и блудная дочь, мы медленно отправились вдоль аллеи с мёртвыми буржуа, а всё она извинялась за то, что произошло.

— Сожалею о твоей руке и, вообще, о том, как с тобой обошлись прошлым вечером. Я ничего не могла поделать.

---

¹⁶⁵ Музей мумий (исп.)

Она сказала, что её муж становится непредсказуемым, при мысли, что может всё потерять. Это касается и её самой. Но я тоже поступил безрассудно.

— Что в чемодане? — спросил я.

— То, о чём мы договаривались. Думаю, Вам следует его взять и прямо сейчас отправиться своей дорогой. Договорились?

— Справедливо.

Она протянула мне чемоданчик, и я, несмотря на все свои угрызения совести, был рад его заполучить. В конце концов, я уже за всё заплатил.

— Теперь можешь перестать притворяться таким высоконравственным, — сказала она. — Всё в этом мире завязано на деньги. Посмотри на эти могилы. И это тоже все связано с деньгами.

— Никогда этого не отрицал.

— Но, на самом деле, Вы в это не верите. Типа, честь, и всё такое. К счастью, мы с Дональдом таким не страдаем.

Это было не совсем так; иногда сентиментальное одеяние чести служило просто прикрытием. В любом случае, сейчас я не чувствовал, что поступаю с ней честно. Это почти физически ощущаемое милосердие, колышущееся внутри, подобно ветру в гнущихся ивах.

— Тем не менее, — отметил я, — кажется, действительно, стоит на многое пойти, чтобы избежать банкротства. Так намного проще достичь того, чтобы ежедневно до конца жизни наслаждаться устрицами.

— Вовсе нет. Банкротство положило бы всему этому конец. Я бы сказала, что всё это стоило того, чтобы начать новую жизнь. У нас действительно новая жизнь. Единственная проблема — это Вы. Я имею в виду, что Вы *были* единственной проблемой.

— Определённо, дом вы приобрели симпатичный.

— О, мы его не покупали. Просто сняли. К завтрашнему дню нас здесь уже не будет. Уверяю тебя, в третий раз Вы нас уже не найдёте.

Возможно, насчёт аренды она мне и солгала. Точно я не мог утверждать. Я приподнял чемодан, он показался тяжелым. Они заплатили, и я должен был признать, что на мгновение испытал разочарование из-за того, что она не продолжила бороться. Она должна была добиться большего, чем просто заплатить старику.

— Мне должно быть стыдно за то, что я их беру. Но это не так.

— Не надо. Мы стоим друг друга.

Под цветущими деревьями её глаза казались ещё прекраснее, ещё восхитительнее изменчивыми и смотрящими искоса, как будто они жили сами по себе, такими, какие они есть, — глазами, которые смотрят на этот мир только ради озорства и веселья. Я на мгновение позавидовал Дональду. С его грубостью и пошлостью он её не заслуживал. Так рассуждал каждый завистливый мужчина с начала времён, и почти каждый из них ошибался. Но тогда это их беспокоило не больше, чем меня теперь.

— Возможно, Вы правы, — сказал я. — После съезжу в город, куплю себе костюм. Не скажу, что это меня не порадует.

— Всё равно, я на самом деле не понимаю Вас.

Она сказала, что я показался ей классической потерянной душой, заблудившимся странником, который изо дня в день бесцельно куда-то движется. Неужели, в конце концов, именно в этом и есть старость? И Вам не всё равно?

— Это не значит, что мне всё равно.

— Тогда в чём же дело?

Я сказал:

— Просто хотелось совершить последнюю вылазку. Все так делают. В последний раз сесть за игровой стол — всем присущее желание.

— Я этого совсем не понимаю.

— Но Вы молоды. И уже разыграли за столом свою последнюю комбинацию.

— Вы не знаете, что этот раз последний. И всё же я понимаю, о чём Вы. Может быть, я приду к этому потом.

Тогда я подумал, что на самом деле ничего о ней не знаю. И Дональд, вероятно, тоже. Кто же она такая? Девушка, которую он подцепил в баре в Масатлане. Но это ничего не значило. Я пожалел, что, когда был там, не покопался в этом поглубже. Можно было бы тогда порасспрашивать её, но это было бы не по-джентльменски и не пошло бы на пользу нашим отношениям. А это не то, что можно было бы бездумно отбросить в сторону. Это так же дорого, как и всё остальное, и также хрупко.

Поэтому я решил остановиться на этом вопросе и просто наслаждался её обществом. Она была той единственной ниточкой, за которую я держался, когда наощупь пробирался сквозь темноту своей маленькой и продуваемой всеми ветрами одиссеи. Нить, мягкая, как шёлк, блестящая и таинственная; или, если хотите, партнёр по танцу, который меняется с каждым движением. Читайте меня одним из тех, кто знает, что жизнь нестерпима не потому, что трагична, а как раз потому, что она романтична. Старость всё только усугубляет, потому что теперь и гонка со временем достигает своего пика.

Она спросила меня, что я теперь собираюсь теперь, и я ответил, что, вероятно, после посещения портного поужинаю, а затем закажу билет на обратный рейс в Тихуану. Несколько дней я бы провёл дома, чтобы прийти в себя, а затем навестил бы призраков из «Тихоокеанской страховой», сообщить, что, к бесконечному сожалению, ничего не обнаружил.

— Разве они не предложили тебе награду, если ты нас найдёшь?

— Так и было, но вы заплатили больше, так что я на неё не претендую. Поэтому можете перестать беспокоиться. А вы?

— Отправимся на юг, как положено в таком случае. Латинская Америка достаточно велика. Если с Мексикой не выгорит, то отправимся в Панаму или куда-нибудь ещё. В Панаму ты ведь за нами не последуешь?

— Я уже там бывал, и нам с Панамой рассказать друг другу было нечего.

— Рада это услышать.

— Может быть, Вам стоит подумать там о разводе — я слышал, там это без проблем.

— Развод по-панамски. Звучит как приключение.

На мгновение, когда мы шли вот так бок о бок, я подумал о чём-то фантастическом: пригласить ее на поздний обед или ранний ужин. Но идея пришла и исчезла, и всё в одно мгновение. И все же мне захотелось сесть напротив неё за столом, чтобы поговорить. У меня было такое чувство, что до этого она вела вполне нормальную жизнь, о которой до сих пор никому не рассказывала, по крайней мере, не своему мужу. Всё, что она рассказывала о себе, — это о Санта-Муэрте в трущобах Масатлана.

Мы вышли туда, откуда открывался вид город и некоторое время постояли на солнышке; я не мог придумать, что бы сказать такое умное. Конечно, мне не хотелось, чтобы этот раз, когда я её видел, стал последним. Это казалось пустой растратой обаяния, по крайней

мере, с моей стороны. Но сейчас она покидала меня, а я отправлялся заказывать себе костюм, чтобы через пару дней перестать выглядеть беженцем времён мировой войны.

— Теперь нам стоит попрощаться. Надеюсь, Вы примете мои извинения за все те несчастья, которые произошли. Как я уже сказала...

— Это были не Вы.

— Да, не я. Но мне стыдно. За многое стыдно, но мы с этим как-то справляемся. — Она ослепительно улыбнулась и на мгновение взяла меня за руку.

Это внезапно сделало меня счастливым, особенно, тон, которым это было сказано. Как будто из её жизни исчезло яростное чудовище.

— Тогда сайонара¹⁶⁶, — сказал я и отпустил её руку.

— Сайонара, мистер Марлоу. Смотрите под ноги по пути вниз. Тут люди постоянно падают и разбиваются.

— А у меня осталось всего три жизни.

Она смотрела мне вслед, но когда у турникетов я повернулся, чтобы бросить на неё последний взгляд, то не смог разглядеть её в толпе. Даже её элегантной шляпки, сдвинутой набок, не было видно. Я спустился к трамвайной остановке, и что-то в моём сердце разошлось по швам, но я не мог сказать, что именно. Было так, как если бы в моей жизни больше никогда не будет женщин, прошедшей любви и неудачных романов. Неважно. Трамваи продолжают ходить. Впрочем, иногда вы садитесь в них с чемоданами, набитыми долларами, и вам не настолько грустно, как могло бы быть. Однако никогда ещё деньги не были мне настолько безразличны.

---

¹⁶⁶ Японское слово, означающее прощание навсегда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В отеле я на кровати открыл чемодан и пересчитал деньги, сумма в точности совпадала с той, о которой мы договорились в Лас-Хадасе. Она сдержала своё слово и, должно быть, была рада откупиться от меня раз и навсегда. Позже вечером я зашёл к портному поблизости от отеля и заказал два костюма, летний и тёмный, а также красивую наплечную сумку, а затем отправился в «Таска де лос Сантос» на долгий ужин с *fabada*¹⁶⁷ и пивом в тени церкви цвета апельсинового шербета. Я провёл там в одиночестве большую часть вечера, лицом к лицу с неизбежной перспективой окончательного возвращения домой, где мне пришлось бы взглянуть в глаза выходу на пенсию и, следовательно, медленному угасанию. Здесь же я ещё был жив, держался наплаву, не впал в маразм и не поставлен на полку. Но всё это было вызвано исключительно любопытством, чего было недостаточно.

Когда я в двенадцать вернулся на Кантарранас, ночной портье рассказал мне, что кто-то приходил в отель повидаться со мной, но поскольку меня не было, то он его не пустил. Если я ожидаю посетителей, то лучше было сообщить об этом ему заранее, и он смог бы принять для меня сообщение.

— Я никого не ждал, — сказал я.

— Но этот джентльмен ожидал вас.

А ведь это совсем не одно и то же, не так ли?

Я сказал ему, чтобы он позвонил мне, если вернётся мой посетитель. Я поднялся в номер, запер дверь и подпёр входную ручку стулом. Затем я подошёл к окну, открыл его и устроился на подоконник со стаканом «саузы»¹⁶⁸ в ожидании посетителя.

Никто не приходил, и я лёг на кровать, медленно дрейфуя в сторону сна. Пронзительный телефонный звонок заставил меня очнуться. Не включая свет, я вернулся к окну и увидел, как посетитель вышел наружу, немного отошёл от здания и уставился на моё окно. Я узнал его сразу, этого призрака из далеких грёз. Как я и думал, это был мой любитель «волчков». Но я понятия не имел, кем он был и чьи приказы выполнял. Но теперь до меня наконец-то дошло, что он работал на себя, как, в конце концов, и все мы. Просто ему в голову пришёл способ срубить по-лёгкому немного денег. Я отпрянул от окна прежде, чем он меня заметил. Он перешёл улицу и занырнул в маленькую кантину на углу. Вероятно, там он скрывался всё это время. Я вернулся к кровати, взял трость и слегка выдвинул лезвие.

В этот раз он вернулся в отель через полчаса, и телефон не зазвонил. Я отодвинул стул от двери и слегка её приоткрыл, а затем выключил свет и присел на кровать.

Его шаги раздались по старой скрипучей лестнице, а затем вдоль такого же древнего коридора на моём этаже. Уже пройдя половину пути, он почувствовал, что что-то не так, и остановился. Он увидел слегка приоткрытую дверь и темноту внутри комнаты. И всё-таки, он пошёл дальше. Когда он подошёл к двери, и его тень упала на порог, я сказал безо всякой тревоги в голосе:

— Входи, это вечеринка для двоих.

Он резко толкнул дверь ногой, и луч света из коридора выявил меня, сидящего на кровати, и безошибочное предчувствие беды, которое было у меня в здоровой руке. Он шагнул назад и исчез из поля зрения, тем не менее, я почти полностью извлёк клинок, но если бы я пустил ему кровь, то это перебудило бы всех старых леди, обожающих общаться с властями.

---

¹⁶⁷ Фабáда — традиционное и самое известное блюдо астурийской кухни, представляющее собой густой калорийный и жирный суп из белой астурийской фасоли с беконом.

¹⁶⁸ Марка текилы.

— Забавный способ встретиться снова, — сказал он из коридора.

— Почему бы тебе не войти?

Он помедлил, а затем вошёл с грациозностью балерины.

— Не хочешь присесть и выпить чего-нибудь?

— Я останусь там, где есть, если не возражаешь.

— Поступай, как знаешь. Ноги-то твои.

Чемодан стоял у стены с дальней стороны кровати. Он сказал, что пришел за ним и больше ему от меня ничего надо.

— Ты не вовремя, крутильщик. Я уже собирался ложиться спать и встретиться с Ритой Хейворт. А тут появляешься ты. Но сегодня вечером ты уберёшься с пустыми руками, а завтра утром у меня будет обычный завтрак. И всё будет шикарно.

— Кто сказал?

— Было бы глупо вырубить меня и попытаться отсюда выбраться. Я заплатил парням внизу, и они вспомнят тебя в мгновение ока. Так что расслабься. Вытри пот со лба. Не упрячься для своего же блага. Я бы хотел, чтобы ты присел, и мы смогли бы сыграть в карты. Нет? Как я уже сказал, поступай, как знаешь.

С него действительно капал пот. Его капли падали на пол, а брызги попадали ему на ботинки. Комната закипала. Но внезапно он расслабился, как будто подсчёт в голове закончился, а ответ не сошёлся. Кривая улыбка, и в нём снова проявился школьник.

— Как скажешь, — сказал он. — Если хочешь, мы заключим сделку. Можешь убрать этот дурацкий самурайский меч. Ты не настолько умён, как думаешь.

— Правда? Я и сам так думаю. Ну, иногда. Может вместо очередного обмена грязными любезностями, придёшь завтра на завтрак в «Эль-Канастильо-де-Флорес»? Ты знаешь это место. Я там буду в девять, и мы сможем обмениваться оскорблениями, поедая яйца.

— Завтрак?

— Да, ты слышал о таком? Сможем обсудить наши дела как взрослые.

Он недоверчиво фыркнул, и всё же это было цивилизованное предложение. Может быть, он к таким не привык.

Я встал и, медленно подойдя к двери, с долей торжественности раскрыл её перед ним пошире, а он выждал минуту или две, взвешивая свои внушительные возможности, но затем отправился по коридору к лестнице. Оттуда он сказал: «Тебе не удастся ничего присвоить. Это моё». Но я и не хотел, на всём этом лежала печать невезения и злых духов.

Когда он спустился этажом ниже, я вышел и остановился на верхней площадке лестницы. Затем окликнул его сверху.

— На людях ты будешь повежливее.

Он ничего не ответил, но я знал, что он придёт. Он продолжал спускаться в вестибюль, а я отправился спать, и мне приснился сон об арктических тюленях, на которых во льдах охотятся стаи косаток¹⁶⁹, астул всё ещё подпирал дверную ручку.

—

¹⁶⁹ И косатки тоже очень милые.

Незадолго до карнавала в небо приобретало оттенок сурьмы и серебристой пыли. Под таким светом, у меня создавалось ощущение, словно я быстро выпиваю бокал шампанского каждый раз, когда покидаю тень отеля и оказываюсь на улице. А из бесплодных ущелий вокруг города накатывало весеннее тепло. В то утро всё было точно так же.

На рассвете я вынул из чемодана половину денег и сложил их под матрасом. Я пораньше добрался до «Эль-Канастильо-де-Флорес», взяв с собой чемоданчик, и заказал свой обычный *café de olla* с чуррос, а затем, в довершение, маленькую порцию бренди, чтобы взбодриться перед бурной встречей. С наступлением определенного возраста одна рюмка за завтраком ни на что не влияет. Я велел официанту принести две тарелки уэвос ранчерос, как только прибудет мой гость, и порцию моле¹⁷⁰. Потом я устроился за столиком на улице и стал наблюдать, на клумбах Пласа-де-ла-Пас сантиметр за сантиметром растут цветы, в ожидании того, как, неуклюже ступая, крутильщик спустится навстречу своей судьбе. Это было совсем рядом с тем местом, где я ужинал накануне вечером, с тем же видом на женскую статую, установленную на странном каменном шаре. Собор цвета апельсинового шербета с его драматически тёмным очертанием теперь был освещен солнцем, а двери были открыты. И тут появился крутильщик, подволакивая ногу, этого прошлой ночью я не заметил.

Он выглядел симпатичнее, но и более измученным, чем при нашей последней встрече, и не было похоже, что он схватится за кухонный нож, если мы заспорим о Вестфальском мире или о том, как правильно варить яйца-пашот в яблочном уксусе. Однако на нём был спортивный костюм, и в нём он выглядел более подозрительно, чем следовало бы.

— Вижу, ты хорошо выспался, — сказал я, и он ничего не ответил, пока я не предложил ему кофе.

— Я каждую ночь сплю одинаково.

— Держу пари, что так и есть. Непривычно видеть тебя при утреннем свете. Выглядишь почти нормально.

— Как и ты. Ты угощаешь?

— Всё уже заказано. Хорошее место для разговора, не так ли?

Он оглядел площадь и тёмно-красные купола церкви, находящейся рядом с нами.

— Да, это чертовски крутая страна.

Я спросил его, откуда он родом. Конечно, из Калифорнии.

— Тогда, должно быть, мы дальние родственники. Ты всё ещё работаешь на Дональда? Жаль, что я не могу отговорить тебя от этого.

Он пожал плечами. На секунду мне показалось, что он пытается улыбнуться, но у него не получается, занятая проблема для мужского лица.

— Может, так оно и есть, а может, и нет. Такое ощущение, что в этой стране каждый сам за себя.

— Так и есть, ковбой.

— Хотя мне нравится, как они готовят яйца.

— Не хочешь рюмочку бренди?

Он согласился, и, казалось, лёд между нами начал таять. Я наклонился и поставил у его ног чемоданчик. Я объяснил, что у меня появилась идея. Я отдам ему половину денег, а он забудет про меня и отправится своей дорогой. Вдобавок ко всему, он расскажет мне о

¹⁷⁰ Мексиканский соус из перца чили, засчастую в состав также входят фрукты, другие специи или шоколад.

своих работодателей. Я сказал, что это разумное предложение. Он получит разумную компенсацию, а меня оставят в покое. В любом случае, я за деньгами не гонялся. Я просто хотел узнать, куда теперь отправятся Линдеры.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Ты *отдаёшь* мне деньги?

— Для меня это самый простой выход, — сказал я. — Она заплатила мне, а я плачу тебе. Меня это устраивает. Думаю, тебе следует согласиться, а потом пойдём каждый своей дорогой. Что скажешь? По-моему, для тебя это хорошая сделка. Сможешь отправиться в Акапулько и провести впустую ещё немного своей жизни. Сможешь делать всё, что заблагорассудится. Просто оставь меня в покое и притворись, что никогда меня не видел. У меня такое чувство, что сейчас ты на них не работаешь.

— Ты меня подловил.

Он наклонился и проверил чемодан на вес.

— Только что за завтраком ты приобрёл небольшое состояние, — весело сказал я. — Договорились?

Он полез в карман своего спортивного костюма, достал «волчок» и крутанул его на столе, вызвав любопытные взгляды официантов. Он заставил вращаться его три раза, а потом сказал:

— Хорошо, договорились.

— Но сначала я задам несколько вопросов.

Я спросил его, знал ли он настоящего Пола Линдера. Он покачал головой, и его маленькие бледные глазки по какой-то причине вновь обрели свою колючую энергичность. Он тогда работал на яхте, которая принадлежала Зиннам, и в тот день находился в Калета-де-Кампос. Судно они продали в Панаме, и потому все доказательства того, что бы там не произошло, попали неизвестно кому. Но что же всё-таки произошло? Крутильщик вилок ел яйца, и я заметил, что его здоровая рука немного дрожала, а руку на перевязи он крепко прижимал к себе. По его словам, в ту ночь он спал на борту. Другие члены экипажа рассказали ему, что поздно ночью была большая попойка, а начальство из-за этого было чертовски недовольно. Я спросил его, помогал ли он доставить тело Линдера на пляж. Он снова сунул «волчок» в карман, улыбнулся и поднял палец: я не должен спрашивать его о подобных вещах. Он ничего не видел. Я сказал, что если не хочет, то может мне не рассказывать. Просто я слышал, что Дональд каким-то садистом, по малейшему поводу склонным выходить из себя, если, вообще, не терять разум.

— Поэтому я думаю, что его жена подвергалась насилию. Можешь мне точно сказать?

— А тебе-то какое дело?

— Да, в общем-то, никакого, но просто интересно узнать.

— Более-менее. Тем летом нас троих наняли в Масатлане, и нам пришлось поклясться хранить тайну. Тогда он ещё был Дональдом, не Полом, нам объяснили, что это всё из-за налогов и федералов. Нам предложили долю, так что мы не возражали. Полагаю, ты захочешь узнать, почему я передумал?

— Мне всё равно, но скажи.

— Ну, если ты так, то я оставляю это при себе. Скажем так, Дональд не только вороватый ублюдок, но и скверно обращался со своей женой. Никто не смог бы оставаться с ним вечно, и не думаю, что она не из таких. Несколько раз я видел, как он её бил. Знаешь ведь, как это. Если он может ударить свою женщину, то как же он может поступить со своими подчиненными? Рано или поздно ты получишь нож в спину. По ходу дела он находит новых людей, только потому, что может им заплатить. Но надолго никто не задерживается.

Кстати, то, что произошло — это, конечно же, была не моя идея. Я знаю, что ты это знаешь. С самого начала это было глупо.

— А чья это была идея? — спросил я.

— Позволяю тебе выяснить это самому. В любом случае, сейчас это вряд ли имеет значение. — Он взглянул на свои часы, и его глаза забежали. — Наверное, мне пора идти. Полагаю, что должен поблагодарить тебя — всё вышло лучше, чем я ожидал.

— Грязные деньги плюс невезение, но наслаждайся.

Что непонятно, добавил он, так это, почему информация имеет для меня большую ценность, чем звонкая монета. В этом, вообще, нет никакого смысла, но почему это должно его волновать, имеет это какой-то смысл или нет?

— Вот и всё, Эйнштейн, — сказал я. — Тебе не о чем беспокоиться. Но у меня остался последний вопрос.

Я сказал, что хотел бы знать, куда направится эта пара, когда, по какой-то причине, они покинут Гуанахуато. Не будут же они вечно скитаться, изображая богатых бродяг. Они должны направиться в какое-то определённое место, туда, где можно было бы обосноваться. Что он об этом знает?

— Эти двое? Да кто знает. Это ж цыгане. Они всегда были бандой мошенников — всё остальное лишь видимость. На самом деле это и не брак вовсе. Так что, думаю, они просто будут идти от аферы к афере. Как обычно у таких бывает. Просто хотят веселиться и чтобы за это не платить. Бродяги.

— Не могу поверить, это как-то по-детски.

— Ну, это не мой ад, сеньор. Я бы скорее взял доллары и отправился восвояси по этой улице. Было очень приятно позавтракать с тобой. Но если бы тебе завтра или послезавтра внезапно захотелось приступить к их поискам, то я бы, на твоём месте, отправился в Мехико. Им гораздо легче затеряться в большом городе, к тому же, и в Мехико находится любимый отель Дональда, «Гранд-отель Сьюдад-де-Мехико». Не могу в толк взять, с чего бы тебе захотелось опять наткнуться на них. Я бы точно так не поступил.

— Почему бы и нет.

Это дело уже стояло у меня поперёк горла. Я не довёл его до конца, но мой гость не понял бы этого и через миллион лет.

— Я подумаю об этом завтра, — сказал я. — Если мне будет чего-то не хватать, то отправлюсь за ними и нанесу визит.

Он встал, и я понял, что никогда больше его не увижу, этого человека, которому, в отличие от себя самого, я помог встать на ноги.

— Если ты их увидишь, — сказал он, прежде чем раствориться в окружающем мире, — передай ему, что его деньги не идут на пользу, но мне они всё равно нравятся. Вероятно, он предложит заплатить тебе, если ты меня убьёшь. *Hasta la muerte, pendejo*¹⁷¹.

Я в одиночестве закончил свой завтрак, и затем вернулся в отель в гораздо лучшем настроении. Вечером уже были готовы заказанные мною накануне костюмы, и я, надев один из них, отправился в маленький ресторанчик в конце моей улицы, где в итоге мне удалось сыграть в шашки с его владельцем, которого я угостил «Кохибой», купленной ранее в тот же день.

Впервые за много лет я почувствовал, что нахожусь на каникулах, и что я заранее не решал, чем займусь, когда раскрою глаза следующим утром. Время убегать, и время преследовать. Каждое живое существо понимает разницу, когда поступать так или иначе. Я

¹⁷¹ До смерти, придурок (исп.)

оказываюсь посреди улицы, окружённый трубадурами в плащах с мандолинами. Шарахаюсь из стороны в сторону, с губ слетает только «*camino, camino*¹⁷²». Молодежь смотрит на меня так, как на несомый по улице порывом ветра кусок картонной коробки. Развалина с глазами и бьющимся сердцем. Раненый зверь, ползущий к знакомому дереву, к клочку тени, в котором он сможет спокойно умереть. Лестница отеля, казалось, вздымалась всё выше и выше, на целые мили; восковая рука направляла меня, оставляя след по грязной стене. Я опять напился? Мне грезились корабли, застигнутые штормами, их палубы, захлестываемые безжалостными волнами, и угроза сгинуть в открытом море. Потоки воды проносились надо мной, корабль вздымался и погружался; дно океана грохотало от падающих монет, стаканов, секстантов и шейкеров для коктейлей. И там я продолжал дрейфовать, пока не упокоился на обширном ложе из серебристого песка и не заснул, как опрокинутый боцман, переполненный водой и солью.

---

¹⁷² Дорогу, дорогу (исп.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В любом случае, когда я всё-таки открыл глаза, то действительно знал, что делать. Сразу после подъёма я побрился у зеркала в спальне, надел более лёгкий летний костюм, а затем спустился в вестибюль, чтобы расплатиться и выпить кофе на улице. В моей наплечной сумке были упакованы мой другой костюм и туалетные принадлежности, в Кантарранасе я ничего не оставил. Никто не заметил, как я появился или исчез. Я сам превратился в *призрака*.

Прошло всего полчаса после восхода солнца, когда я уже ехал на такси по направлению к особняку Линдера в холмах. На этот раз я попросил водителя высадить меня у подножия холма, на котором стояла вилла. В лесу уже проснулись кукушки, и слышалось слабое, но угрожающее жужжание пчел, собирающихся на полянах. Медленно поднимаясь на холм, я увидел, что вилла со всех сторон скрыта высокими деревьями. Я позвонил в звонок у ворот, но это не вызвало внутри никакого оживления, и тут я заметил, что ворота не были заперты.

Более того, было очевидно, что сама вилла стоит пустой. Я позвал на всякий случай, но уже знал, что никто, даже кто-нибудь из слуг, не появится. Лужайки были усеяны пустыми бутылками, а на крыльце спал кот, который, вероятно, обосновался здесь задолго до появления американцев. Я вошёл в дом. Обстановка осталась точно такой же, как и раньше. Итак, аренда включала в себя мебель, в том числе зеркала в позолоченных рамах и ковры ручной работы. Я подошёл к той самой лестнице, по которой поднимался несколькими ночами ранее, и взглянул вверх, в пыльный полумрак. Бродяги просто выпорхнули из города, не забыв прихватить багаж.

Я уселся на ступеньку и закурил, чтобы всё обдумать. Крутильщик, вероятно, был прав: они сбежали в большой город, думая, что теперь за ними никто не последует. Было, конечно, лестно думать, что всё это из-за меня, но сейчас я преследовал их исключительно из-за уязвлённого самолюбия. Худший из всех человеческих мотивов.

Я поднялся наверх и оказался в том же коридоре, по которому, спотыкаясь, шёл той ночью. Все двери в коридоре были по-прежнему открыты, а комнаты переполнены бокалами с вечеринки. Это выглядело так, как если бы они просто проснулись, не задумываясь ни на секунду, легко собрали вещи и покинули дом. Я вошёл в комнату, в которой они спорили; на полу были разбросаны скомканные простыни и наполовину выкуренные сигареты. В полумраке из-за опущенных ставен сел на их широкую супружескую кровать и вскоре стал различать раздающееся снаружи в саду пение птиц, казалось, что они чем-то взволнованы. Я попытался представить, как они лежат в этой постели, строят планы, занимаются любовью, но такую чувственную сцену я не смог себе представить. Когда мой взгляд скользнул вдоль кровати, я заметил нечто, находящееся между ней и стеной с окнами. Я чуть не подскочил от неприятной неожиданности, на мгновение решив, что наткнулся на кого-то живого. Но это оказался необычайно большой мешок с горловиной, перехваченной скрученной проволокой, и что бы там не находилось внутри, живым оно не было.

На мгновение я подумал, что это, должно быть, хлам, что-то из тех безделушек, что пускают пыль в глаза, которые они не захотели брать с собой, но контуры были какими-то неправильными и мягкими, и я с отвратительной уверенностью понял, что во всём этом есть нечто человеческое. Я отступил к двери и выглянул на лестничную площадку, моё сердце заколотилось, опережая пульс. Не было ни малейшего шанса, что кто-нибудь войдёт в дом, но я подумал о том, чтобы спуститься вниз и запереть входную дверь.

Но, в конце концов, я этого не сделал. Я подошёл к мешку и опустился рядом с ним на колени. Срабатывает какой-то атавистический инстинкт, когда вы находитесь рядом с другим человеческим существом, которое страдает или покалечено. Я протянул руку и

потрогал поверхность мешка, и он немного поддался. Моей первой мыслью было, что, в конце концов, он это сделал. Он убил её. И когда я начал холодеть от ужаса, то обнаружил, что не могу заставить себя развязать проволоку и увидеть всё своими глазами. На меня накатила волна отвращения, и вместо этого я отправился в ванную, чтобы посмотреть, нет ли каких-нибудь признаков борьбы. И точно, пол был покрыт засохшей кровью, тёмно-красным по чёрно-белым квадратам, скорее Ротко, чем Поллок¹⁷³. В тазу лежала пара ножниц с человеческими волосами, застрявшими между лезвий.

Я вернулся в комнату и почувствовал, как начал ощущать панический холод. Я знал, что мне следует немедленно отсюда убираться, и мне, вообще, не стоило сюда приходить, но почему-то я не мог ничего предпринять. Затем, пока я пребывал в таком состоянии, мешок сам по себе немного пошевелился, или мне это показалось, и я бросился к двери, чувствуя, как по шее у меня заструился пот. Когда я добрался до лестницы, то увидел, что кот вошёл в дом и остановился у подножия лестницы, глядя на меня и облизываясь. Возникло ощущение неминуемой заварухи. Я спустился по ступенькам и пересёк холл, и когда я полпути было уже позади, у входной двери раздался сильный шум. Они уже были здесь. Дверь распахнулась, и я задался вопросом, какая же кара обрушится на мою голову.

Мной овладело желание бежать. Я метнулся в одну из комнат рядом с коридором, закрыл за собой дверь так тихо, как только смог, и оказался в маленькой гостиной с окном, закрытым решеткой, и без выхода в сад. Можно было бы попытаться спрятаться, но они начали обшаривать одну за другой все комнаты. «Мне нечего скрывать», — подумал я. Это не я, и я смогу это доказать. Это была неправдой, мне не отмыться, но было определенное облегчение в том, чтобы просто спокойно сесть за стол посреди комнаты и ждать.

Это был отряд мексиканской полиции, включавший в себя двух детективов в джинсах и коротких кожаных куртках. Они ворвались в комнату, раздался вопль, позвали остальных, один из детективов, старший из них, примчался в комнату, широкими шагами пройдя в дверь.

Он был явно удивлён, увидев меня. Старый гринго с тростью и наплечной сумкой. Но его шокировало как я выгляжу, а не то, что я тут нахожусь. Так что они действовали по наводке.

Он спросил меня, говорю ли я по-испански.

— Как видите.

Он приказал всем выйти из комнаты и попросил мои документы. Я выступил с подробным объяснением, почему у меня его не было с собой. Затем он спросил, что я делал в заброшенном доме?

Я сказал правду. Я был на вечеринке и вернулся, чтобы поблагодарить хозяев.

— Каких хозяев?

— Линдеров.

— Кто это?

Это была долгая история, и я не стал её рассказывать.

— Просто американцы, которых я здесь встретил.

— Сиди здесь и не двигайся.

Он захлопнул дверь, а затем подошёл к столу и сел напротив меня.

Это был мужчина лет сорока пяти, с сединой в волосах, невысокий, как будто выточенный и даже слишком подтянутый. Его звали Ангиано, и я отметил его очень чистые руки с идеально подстриженными и наманикюренными ногтями. Такое редко встретишь.

¹⁷³ Марк Ротко (1903-1970), Джексон Поллок (1923-1956) – американские художники, представители абстрактного экспрессионизма.

Некоторое время он молчал, а затем скрестил ноги и оглядел пустую комнату. Выражение его лица стало слегка брезгливым.

— Ты поднимался вверх? — спросил он.

Я сказал, что всё время оставался на первом этаже.

— Кто там в мешке? Ты его знаешь?

Я спросил, правильно ли он произнёс местоимение, но он от меня отмахнулся, и теперь мне стало слышно, как они в бешеном темпе продолжают обшаривать дом.

— Путешествуешь один? — он продолжил.

— Я не женат.

— Я не спрашивал, женат ты или нет. Я спросил тебя, один ты путешествуешь или нет.

— Похоже, что так.

Затем он встал, вернулся к двери и рывком её распахнул. Что-то выкрикнул в царящую там суматоху, его команда была тут как тут. Он обернулся и свирепо взглянул на меня. Меня забирали, и мне пришлось подчиниться. Его люди ворвались в комнату и надели на меня наручники. Мешок уже спустили в холл, и вокруг толпились полицейские, зажимая носы. Подозрение пало на того, на кого и должно было пасть; все вокруг были возбуждены и добродетельны, как это и бывает в подобной обстановке. Когда меня поставили на ноги, вид у меня был, как у захваченного врасплох преступника, недостаточно проворного, чтобы сбежать после того, как зарезал ножницами другого человека. Меня вытолкали наружу, у дороги нас поджидали ещё несколько человек, их рации оживлённо трещали, оружие красовалось на бедрах. Мы спустились к машине, небольшой тюрьме на колёсах. Кот следовал за нами. Ангиано сел рядом со мной на заднее сиденье, и мы покатали обратно в город, в полицейский участок, где в подвале была маленькая комнатуха с кроватью. Там и я остался со своей сумкой, в то время как Ангиано ушёл заполнять бумаги. Я допустил ошибку, но, всё-таки, это была не первая моя ошибка, да и не смертельная.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Он вернулся с двумя чашками кофе, и с нами остались только звуки, издаваемые голубями за единственным в комнате окном и лампочка, подвешенная над столом. С его стороны веяло холодом, но на самом деле он ещё не определился как себя со мной вести. Он хотел узнать, что же там произошло. На это я ответил, что ничего: о мешке наверху я знал не больше него.

— Мы проверили Вас, мистер Марлоу. Бывали ли Вы в местечке под названием Куастекоматес за последние несколько недель?

— Да, возможно, я был там.

— И Вы не просто друг Линдеров. Вы детектив, и прошлой ночью Вас вышвырнули из дома. Кое-кто мог бы сказать, что Вы затаили на мистера Линдера обиду. Так оно и было?

— Я привык к тому, что меня вышвыривают с вилл.

Это заставило его улыбнуться, и он немного расслабился.

— Правда? Должно быть, испытываешь странные чувства. Меня самого никогда не вышвыривали с виллы.

— Вы полицейский.

— В Мексике это не имеет значения. Тебя всё равно могут вышвырнуть.

Он спросил, почему меня выгнали в ту ночь.

— О, — я пожал плечами, — Вы же знаете этих богачей.

— А они богаты?

— Полагаю, что да.

— Вы шантажировали их, чтобы выжать ещё немного денег?

— Теперь, думая об этом, полагаю, что это была прекрасная идея.

— Была ли эта идея прекрасной прошлой ночью?

— Я отправился туда с самыми чистыми помыслами. Просто хотел встретиться с объектом расследования. Вы правы, я за ним следил.

Рано или поздно это должно было выплыть наружу, так что лучше раньше, подумал я. От его знания хуже не будет, а с крючка это поможет снять меня быстрее.

— Что Вы расследовали?

Он делал пометки, и мне пришло в голову, что я вполне мог бы рассказать ему половину истории. Этого могло стать достаточно, чтобы утолить его жажду познания.

— «Тихоокеанская страховая»?

— Страховая компания из Сан-Диего.

И тому подобное.

— Но как только Вы нашли их, то могли бы начать шантажировать. Думаю, это вполне вероятно.

— Вы можете думать всё, что Вам нравится.

Он снова улыбнулся.

— Получается, всё, что у нас есть, — это только мысли.

— Ну, у нас есть немножко больше. Во-первых, у нас есть тело. Мы знаем, чьё оно?

Я сказал, что сам бы хотел узнать.

Что-то в том, как я это сказал, должно быть, убедило его, что я не притворяюсь, и он вздохнул и опустил взгляд на свои руки, сложенные вместе на столе. Его обручальное кольцо выглядело странно аскетично и чужеродно, почти убого. Он тоже уставился на него, как будто это могло вдохновить его на озарение.

— Мужчина. Мы опознать его, потому что труп изуродован со знанием дела. Пальцы, как мы говорим, подпилены. А лицо просто удалено.

Меня прошиб пот, а руки стали холодными и мокрыми. Я откинулся назад, и из меня вышел весь воздух.

— Криминалисты работают над этим, но у нас здесь их не так много. Нам придётся послать за кем-нибудь в Мехико. К счастью, по новой дороге до него всего четыре часа езды. Они будут здесь завтра утром.

— Подпилены?

Он улыбнулся в третий раз.

— Кожа с пальцев удалена. Мы называем это подпиливанием.

Но это должна была работа для специалиста.

— И это ещё мягко сказано. Сам я никогда такого не видел. И насколько могу судить, прекрасно исполнено. Было сделано кем-то знающим.

— Значит, вы не можете его опознать?

— Сейчас нет. Ваше любопытство кажется искренним. На мгновение я действительно поверил в Вашу историю. Но я слышал, что детективы – те ещё актёры из Голливуда. Вы из Голливуда?

— В лучшем случае, из Болливуда¹⁷⁴.

— Понятно. Значит, Вы также умеете петь и танцевать? Я бы всё ещё хотел узнать, что Вы делали в доме той ночью. Для детектива это кажется очень безрассудным и странным поступком. Определённо, Вам надо было держаться от него на расстоянии.

Он был прав, и я это признал.

— Мне просто захотелось посмотреть на них в родной стихии. Это было просто любопытство.

— Любопытство?

— Как у ребёнка. Это всё равно, что захотеть кого-то помучить. Кого-то маленького.

— Это так?

На некоторое время он задумался. Вызываю ли я у него омерзение?

Между нашими профессиями нет взаимной любви. Это вечная война, приколы, тычки под рёбра и издевательства. Шахматная партия со штрафными санкциями.

— Ты хотел их помучить. Могу понять. Через некоторое время начинаешь ненавидеть людей, за которыми гоняешься. Мне знакомо это чувство. Хочется уничтожить их и стереть в порошок. Ты именно это чувствуешь? Все здесь убеждены, что именно по этой причине ты срезал ему лицо. Но сейчас, когда я смотрю на тебя, то не думаю, что ты знаешь, как это делается. А сделано это было при помощи ножниц. Виртуозная хирургическая операция, и я не думаю, что она тебе по плечу.

Он посмотрел мне в глаза.

¹⁷⁴ Болливуд — синоним киноиндустрии индийского города Мумбаи (бывш. Бомбей), названной так по аналогии с Голливудом (Hollywood) в Калифорнии (США). Болливудом также официально называют хиндиязычный кинематограф.

— Но, может быть, ты рад, что смог их уничтожить. Ты именно это пытался сделать?

— Может быть, — честно признал я.

Это прозвучало достаточно правдиво, чтобы заставить его передумать.

— Понятно, — вздохнул он. — И Вы понятия не имеете, кто это такой?

— Не могу себе представить, зачем им понадобилось убивать кого-то в своём собственном доме. Может быть, им надо было свести счеты.

— Нет, сведение счётов не предполагают операций на лице. Это не месть. Это маскировка.

Значит, тело принадлежало не просто кому-то.

Я подумал об убогом Романе. В нём чувствовалась жертва, и что-то происходило между ним и Дональдом. Что-то недоступное окружающим. Враждебность. Но не было никакой причины его изуродовать.

— Какого он роста? — спросил я.

— Около двух метров. Пожилой человек. Может быть, лет около семидесяти.

Значит, Дональд, подумал я. Осознание пришло в одно мгновение, и я задался вопросом, означало ли это, что всё закончилось и моя миссия завершена.

Затем он меня оставил, и остаток дня я проспал на койке, тогда как вокруг меня в лабиринте участка эхом отдавались голоса и шаги. Как будто бы, если бы обо мне временно забыли или потеряли.

Я обдумывал все возможные варианты, и ни один из них не казался правдоподобным. Я задался вопросом, где я нахожусь. Под старым городом, посреди испанской канализации, среди подземных переходов и катакомб. В воздухе слегка пахло серой. Когда за окном начало смеркаться, мне принесли на ужин тамале и немного кока-колы, и я начал думать, что всё не так уж плохо, как я себе представлял. И точно, я беспрерывно проспал всю ночь. А они, должно быть, ждали прибытия бригады криминалистов из столицы. Вернулся Ангиано только в десять утра, на этот раз ещё более элегантно одетый. Выглядело так, как будто он встречался с более важными людьми, чем он сам. И на этот раз он выпил две чашки кофе, и настроение его, казалось, немного улучшилось.

— Бригада уже здесь, и они работают над телом. Осмелюсь предположить, что Вы говорите правду, что понятия не имеете, кто убитый. Тем не менее, на месте происшествия застали только Вас. Вам трудно заставить всех поверить в своё неведение. Лично я верю в это лишь наполовину. Думаю, Вы были в той комнате, огляделись и убедились, что человек в мешке мёртв. Это не значит, что его убили Вы. Следов крови на Вас не обнаружили, а такая операция ведёт к огромной кровопотере. Значит, когда его убили, Вас там не было.

— Блестящее заключение.

— Ладно уж, это не такое и блестящее, но достаточно очевидное. Тем не менее, Вы знали арендаторов и, вероятно, знаете, где они находятся. Думаю, что имею все основания спросить у Вас, где они сейчас.

Я всё отрицал.

— Но у Вас есть идеи.

Я покачал головой:

— У меня столько же идей, сколько и у Вас. Этим людям нравится скрываться. Возможно, сейчас они на пути в Панаму.

После паузы он продолжил:

— Мы позвонили Вашим работодателям, и они подтвердили Вашу историю. Так что я вынужден Вас отпустить. Мне этого не хочется, но выбора у меня. Собственно, теперь Вы свободны.

— Жаль. Я уже начал привыкать к тишине.

Я не кривил душой. Стены камеры ограждали меня от нелепости сложившейся ситуации.

— Не думаю, что Вы собираетесь сообщить мне, куда направитесь. Конечно, можно было бы проследить за Вами. И это было бы в пределах моей компетентности. Ведь кто-то лишился жизни.

— Именно так, — сказал я, и взглянул на ситуацию его глазами. — Наверное, мне придётся отступить и отправиться домой.

Затем я спросил его, от кого они узнали, что я окажусь на вилле. Но он только пожал плечами; это принадлежало ему, а не мне. Должно быть, это был кто-то, кто хотел, чтобы я задержался тут на пару дней, а может, и подольше. Возможно, было бы неплохо, сказал я, отследить этот звонок и посмотреть, кто бы это мог быть.

— Слишком поздно, — возразил он.

Мы в ту часть участка, где были солнечный свет и свежий воздух. Странно, как быстро забываешь, что где-то воздух может быть совсем другим, наполненным светом, птицами, пылью и запахом сигарет. Он проводил меня до выхода, и мы поболтали о мошенничестве со страховками. Он равнодушно заметил, что все они, в основном, одинаковы. За исключением тех, когда людям срезают лица. Он дал мне свою визитную карточку, что было с его стороны оптимистично, и предложил мне звонить, если что-то понадобится. Я ответил, что всё, что мне нужно, — это чтобы меня подбросили до автобусной остановки. Тогда они, очевидно, узнали бы, куда я направляюсь, но мне уже было всё равно.

— Вы серьёзно насчет возвращения домой?

— Я немного думал об этом. Меня ждут яблочный пирог и трубка, а также пляж ранним утром. Прекрасная жизнь.

Мы вышли на улицу, залитую жарким солнцем, и белая рубашка, которая была на нем, внезапно стала выглядеть по-королевски впечатляюще.

— Звучит неубедительно, — улыбнулся он.

— Через некоторое время устаешь от гостиниц. Даже хороших, с коврами. Во всех них пахнет одинаково.

— Ну, это правда.

Я пожал ему руку и поблагодарил за кофе.

— На Вашем месте я бы не ехал в Мехико, — сказал он.

— Приму это как хороший совет.

— Воспринимайте, как хотите. Но если Вы всё-таки туда отправитесь, то на Калле¹⁷⁵ Уругвай есть хороший отель. И, кстати, позволю Вам оставить себе деньги, хотя и знаю, что о них Вы явно не договариваете. Считайте это одолжением. Возможно, однажды Вы сможете мне помочь.

Он вернулся обратно в здание, а за мной приехала машина, чтобы отвезти меня на автобусную станцию. Оказавшись там, я направился прямо к кассе и купил билет в один конец на маршрут *Autobuses del Norte en DF*. Не хотелось возвращаться в автобус, в котором мальчики раскладывают на колени пассажирам изображения Девы Гваделупской, как будто мы должны умереть в дороге, но ничего не поделаешь. Ветер и семена

---

¹⁷⁵ Улица (исп.)

одуванчиков. Я сидел сзади с опущенным стеклом и считал проходящие часы, даже не глядя на время над головой водителя. Напоминало бродяжничество, но, возможно, это было именно то состояние, к которому я стремился всё это время, но так и не смог его обрести: быть камнем, который не только катится, но и обрастает мхом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Я был в столице всего один раз, лет двадцать назад, и то ради короткой встречи с одной наследницей из Штатов, которая заперлась в одном из отелей, чтобы допить до смерти. Я её от этого отговорил, прогулялся вокруг Пирамиды Солнца и вернулся домой в Лос-Анджелес. По делам мне больше туда ездить не довелось, и я знал, что в шестьдесят восьмом тот город исчез¹⁷⁶, чтобы уже никогда не вернуться. Тогда это был самый красивый город в обеих Америках. Но склонность к упадку заложена в самих генах городов. Сейчас я заметил это, когда мы въезжали в пригород к северу от Тенаюки¹⁷⁷. Застойные реки и трущобы, заполненные голыми, похожими на зимние, деревьями. Там были огромные пространства замшелого кустарника, окаймлённые холодильными цехами и остовами недостроенных зданий. Крыши были загромождены изогнутыми распятиями и раскаляющимися на жаре резервуарами с водой розового и магнолиевго цвета. Мне показалось, что они были и раньше. Возможно, они грезились мне за много лет до этого, и теперь они появились из моего собственного подсознания, чтобы встретиться мне по дороге.

Ещё я был уверен, что уже видел эти однообразные цементные мотели, многочисленные бледно-зелёные и розовые лачуги, окутанные дымом, электростанции, ошестинившиеся стальными трубами и утопающие под морем навесов: я видел всё это в своих ночных кошмарах. В глубине разрушенного жилого дома, одна из его боковых стен была разрушена, в детской спальне стоит древняя рождественская елка, увешанная красными игрушками, на верхушке в полуденном свете сверкает ангел. Даже если все ваши помыслы об аде, то и тогда вам не удалось бы представить себе пейзаж, над которым возвышаются гордые знамена «Юнион Карбайд»¹⁷⁸ и «Файрстоун»¹⁷⁹. Под грязными уличными фонарями коммунистические лозунги или нет, не имеет никакого значения; прекрасны только храмы, блестящие под линиями электропередач. На бронзовеющих полях мелькают стада коров. На автостанцию мы прибыли в три часа, и я отправился ловить такси до Калле Уругвай с одноименным отелем. Это было старое здание времен Д.Г. Лоуренса¹⁸⁰, тёмное, уходящее вверх, со свободным номером с выходом прямо на крышу, откуда мне был почти виден «Гранд-отель Сьюдад-де-Мексико».

После заселения, я попросил прислать мне уют и сам погладил свои костюмы. Потом я до наступления темноты я просидел на крыше, наблюдая за фейерверком, который запускали на главной площади. День был настолько ясный, что ещё в сумерки на фоне бледного неба можно было наблюдать оконечность Попо. На улицах были спокойно и почти безмолвно, если не считать стрекотанья механических игрушечных птичек, которых лоточники продавали туристам на всех углах. Затем я позвонил в «Гранд-отель» и спросил, могу ли я поговорить с миссис Линдер.

Девушка ответила: «Её сейчас нет. Хотите оставить для неё сообщение?»

— Она заказывала столик в ресторане отеля?

— Нет, сэр.

— Можно спросить, она со своим мужем?

¹⁷⁶ В 1968 году в столице Мексики проводились игры XIX Олимпиады.

¹⁷⁷ Археологическая зона близ Мехико.

¹⁷⁸ Американская химическая компания.

¹⁷⁹ Американская компания — производитель шин автомобилей, сельскохозяйственной техники, тяжёлых грузовиков и автобусов, а также резиновых изделий для промышленности.

¹⁸⁰ Дэвид Гёрберт Лоуренс (1885 — 1930) — один из ключевых английских писателей начала XX века.

Девушка заколебалась с ответом, и я сразу понял, что она подозревает, что мужчина, с которым была миссис Линдер, определенно вряд ли мог быть её мужем. Она сказала, что не уверена, и возникшая пауза заставила нас отнестись к этому с долей юмора.

— Вы не знаете, когда она вернётся?

В ответ насмешливо прозвучало:

— Мы не спрашиваем гостей, когда они вернутся, сэр.

Я повесил трубку и вернулся на крышу.

В голову мне пришло, что лучше всего прогуляться до «Гранд-отеля» и посмотреть, что мне сможет открыться.

Отель стоял на одном из углов *zócalo*, там же, где и собор, это было одно из тех нагромождений времён Порфирио Диаса¹⁸¹, которые так нравятся старикам. Это было настолько популярное место с его интерьерами в стиле ар-деко и витражами, что я поспешил в бар на террасе крыши, где и решил немного подождать в надежде, что моя дама решит поступить также. Внизу на площади люди были так разбросаны, что по отдельности выглядели маленькие мушки, мушки без крыльев и не несущие какого-либо вреда, там были мужчины, игравшие на флейтах, а другие в перьях миштеков¹⁸² танцевали. Это было похоже на то, что я должен был увидеть, в детстве, но так и не увидел. На высоте семи тысяч футов¹⁸³ воздух был разрежен, и всё в нем сияло совсем по-другому. Я прождал там довольно долго, но Долорес так и не появилась. В многомиллионном городе не было особого смысла искать её, когда я уже стал понимать, что она не появится. Я чувствовал, что теперь между нами установилась связь, такая, что она вполне могла чувствовать, что я у неё на хвосте, и соответствующим образом реагировать.

Но в отелях есть уши. Эти уши — официанты и посыльные.

Мальчик, обслуживающий столики на террасе, за скромные чаевые сообщил мне, что миссис Линдер приходила сюда завтракать, очень рано, когда больше никого не было.

— Как долго она здесь?

— Она приехала два дня назад. Сегодня утром она вызывала такси, чтобы её отвезли в Тепеяк. Так сказали ребята снизу.

Он объяснил, что это был пригород со знаменитой церковью. На самом деле это была великолепная базилика Гваделупской Богоматери.

— И зачем туда ехать американцу? — недоумевал он.

Хороший вопрос, сказал я. Возможно, она была набожной католичкой. А во сколько она позавтракала? В шесть тридцать. Я сказал им, что буду тут следующим утром в это же время.

На мгновение показалось, что он занервничал, но деньги всё-таки взял. Он кивнул, а я сказал ему, чтобы он не волновался; она мой старый друг.

В конце концов я вернулся на Калле Уругвай поужинать — в одну из тех старых пыльных закусочных рядом с отелем, где подают энчилада суизас с белым соусом, — а затем поднялся пешком до Гарибальди, прибегая к помощи карты, которую мне выдали в отеле. Жизнь в кантинах кипела вовсю, по площади бродили марьячи в погоне за деньгами туристов, а в одном из этих притонов я вскоре обнаружил ещё одного Электрикатора,

¹⁸¹ Хосé де ла Крус Порфи́рио Діас Мóри (1830 —1915) — мексиканский государственный и политический деятель, временный президент с 21 ноября по 6 декабря 1876 года. Президент Мексики с 5 мая 1877 по 30 ноября 1880 года и с 1 декабря 1884 по 25 мая 1911 года.

¹⁸² Древний мезоамериканский народ, населяющий некоторые штаты Мексики.

¹⁸³ Около 2 100 метров.

раздающего бесплатные напитки за бесплатный электрошок. Так что я решился на и это — это меня возбудило. А потом я сходил с ума в заведении, где за стойкой бара пили только мужчины. Текила, неплохой напиток, а в промежутке несколько кружек пива. Всё старее и старее, буду пить её смелее. Однако, когда забрезжил рассвет, я уже был на ногах и одевался как на свадьбу.

Я пешком отправился в «Гранд-отель» и для начала остановился у стойки администратора, чтобы узнать, позавтракала ли уже миссис Линдер. Девушка подняла глаза, в которых читались сдерживаемое подозрение, и остановила свой взгляд на щеголеватом старике с тростью.

— Да, сэр. Она уже ушла.

— Черт, я снова её упустил. Она поехала в Тепеяк?

Она удивилась, и её взгляд метнулся к двери, где стояли служащие, в ожидании клиентов, которым будет нужнотакси.

— На самом деле, так и было. Может быть, нам вызвать для Вас такси, чтобы Вы тоже поехали туда?

— Что ж, с вашей стороны это было бы очень любезно.

— *Para servirle*¹⁸⁴. Дорога туда займёт около сорока минут.

Подойдя к двери, я спросил, не знают ли они случайно, куда в Тепеяке миссис Линдер просила её отвезти. Это оказался магазин для верующих на улице под названием Кальварио, который обычно обслуживает паломников, посещающих базилику: это достаточно необычно, чтобы ребятам это запомнилось.

---

¹⁸⁴ К Вашим услугам (исп.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Водитель высадил меня у Музея восковых фигур прямо напротив базилики и рассказал, как отсюда добраться до Кальварио. Это оказалась маленькая улочка, кривые и дикие деревья на которой казались намного старше зданий вокруг. Посреди её стояла двухглавая церковь, а за ней располагалось несколько небольших магазинчиков, среди которых затесались клиника и старые ворота, через которые можно было выйти к Дому престарелых Святой Марии Гваделупской. За ними деревья начинали соприкасаться своими вершинами над серединой улицы, полностью её затеняя. На стенах *nevería*¹⁸⁵ на углу были нарисованы яркие рожки с мороженым. А между церковью и *богадельней* и располагался магазин, адрес которого мне написали. Его витрина была заставлена обетными свечами, маленькими пластиковыми куклами Богородицы в сверкающих накидках и чем-то напоминающим сахарные черепа. Он только что открылся, и в этой пещере католических надежд и безвкусной халтуры какая-то женщина средних лет как раз включала свет. Когда я открыл дверь, в глубине магазина раздался звонок. Женщина подняла глаза, и я понял, что не принадлежу к числу её обычных клиентов. Внезапно мной овладела уверенность, что незадолго до меня тут побывала Долорес, и я решил просто напрямую спросить владельца, так ли это.

— Здесь не было никаких американцев, — вызывающе ответила она.

— Кто только что был здесь — куда он пошёл?

— Все, кто сюда приходят, потом идут в базилику.

На глаза мне попались небольшие фигурки Богородицы с косами, женщины-жнецы, выглядели которые тут необычно. Разве не что-то подобное описывала Долорес, когда рассказывала о Санта-Муэрте? Ряды маленьких блестящих статуэток — скелеты в серебряных и золотых одеждах и колпаках с косами в руках. Некоторые полностью белые, некоторые — чёрные. Несколько, чуть побольше размером, алые и зеленые, у кос золотые лезвия. Вокруг них были расставлены синие и чёрные свечи, были и другие, с радужными полосками. Отдел *botánica*¹⁸⁶ объяснила женщина. Собрание средств народной медицины, колдовских амулетов и средств для заклинаний. Синие свечи давали мудрость; черные защищали от черной магии. Золото было призвано для увеличения благосостояния.

Я показал ей фотографию Дональда, и она покачала головой. И до меня дошло, что я позабыл взять с собой одну из фотографий Долорес.

— Это была женщина? — спросил я.

Отрицание было менее категоричным.

Итак, я получил ответ, и внезапно кое-что понял.

— Когда она ушла? Это было меньше десяти минут назад?

И вопреки здравому смыслу она моргнула, отрицая это.

Стекло задрожало, когда я закрывал за собой дверь. Я бросился по направлению к базилике так быстро, как только мог. Обогнув площадь, переполненную обломками и паломниками, я устроился на солнце, с трудом вдыхая разреженный воздух. Долорес почти наверняка была там, в толпе. Я вошёл в церковь, возвышавшуюся подобно металлическому бедуинскому шатру на краю площади напротив своего собрата шестнадцатого века. Над алтарем висело покрывало, в которое индейский святой Хуан Диего когда-то собирал розы, на нём был запечатлен таинственный образ Пресвятой Девы.

¹⁸⁵ Магазин мороженого (мекс. исп.)

¹⁸⁶ Ботаника (исп.)

Под ним, в ходе автоматизированного ритуала, верующих на конвейерной ленте подносило к святыне для получения благословения. Снаружи доносились звуки громкоговорителей с близлежащих рынков. Всё это захлёстывалось армией нищих и опрятных продавцов сувениров, посвящённых Богородице. И я двинулся сквозь это людское море, медленно пробираясь сквозь калек и слепых, пока — как раз когда я отвернулся от большого металлического шатра — не увидел, что она направляется к базилике.

Долорес была одета в черное, с тёмно-зеленым платком на голове, на низких каблуках и с белой сумкой, перекинутой через плечо. Не подозревая о моём или чьём-либо ещё присутствии, она медленно вошла в церковь, и я последовал за ней на безопасном расстоянии, пока она не забралась на ленту конвейера, который медленно потащил её к алтарю.

Она сошла с него на другом конце, вернулась в неф и опустилась на колени среди других несчастных, прежде чем перекреститься, развернуться и снова оказаться снаружи, на солнце. Она направилась к *bautisterio*¹⁸⁷, рядом с которым находился вход туда, что я сначала принял за большой парк, но вскоре понял, что на самом деле это кладбище. Кладбище Тепеяка. Там было очень многолюдно, но она прошла внутрь по широкой дорожке, заполненной сотнями людей. И вскоре я уже следовал за ней меж массивных каменных ангелов, семейных гробниц в стиле Пер-Лашез¹⁸⁸ и *camposantos*¹⁸⁹. Она направлялась к могиле, находящейся в удалении от кипящего людского моря, так, что вскоре я оказался всего в нескольких надгробиях от нее.

В этот момент крошечное продолговатое облачко, существующее само по себе, появилось у внешнего края солнечного диска и должно было вот-вот застить его. Оно засияло, как жидкое серебро, а затем, по мере того как оно продолжало двигаться, становилось темнее, её взгляд приподнялся вверх и встретился с моим. Но никакого узнавания в нём не промелькнуло. Именно в этот момент словно из ниоткуда возник молодой человек, подошёл к ней и с уверенностью старого знакомого обнял за плечи.

¹⁸⁷ Баптистерий (исп.) — пристройка к церкви, отдельное здание, предназначенное для совершения крещения.

¹⁸⁸ Самое большое кладбище Парижа и один из крупнейших музеев надгробной скульптуры под открытым небом.

¹⁸⁹ Здесь: могил (исп.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Рука об руку они возвращались на площадь, а я держал их обоих в поле зрения. Это был мексиканец лет тридцати, хорошо одетый стройный, мужчина, способный составить с ней респектабельную пару. В этом отношении в них не было ничего примечательного, и, несмотря на внезапное разочарование, которое я испытал, я понял логику. Это случилось, как если бы на площади, заполненной кающимися грешниками и калеками, на меня наконец обрушилась старость. Я был стар, а они молоды, и в них было изящество, которое я уже потерял.

Они расстались на краю площади — быстрый поцелуй, — и она направилась обратно к магазинчику религиозных товаров. Она беззаботно спустилась по Кальварию и на углу поймала такси. Час спустя мы оба были в «Гранд-отеле», я вышел на площади и ухитрился прибыть туда значительно позже неё.

Сначала я зашёл в магазин шоколада и купил там небольшую коробочку нуги¹⁹⁰. Служащие были слишком заняты, чтобы заметить меня, когда я проходил через вестибюль. Я подошёл к стойке регистрации и спросил, можно ли через них отправить посылку в номер миссис Линдер или, если им будет удобней, то они могут сообщить номер комнаты мне, и я смогу доставить её сам. В тот момент их захлестнул поток вновь прибывших, и мне дали номер комнаты исключительно из-за желания избежать дополнительной нагрузки. Номер располагался на третьем этаже. Я сразу же поднялся наверх и подождал, пока коридор по обе стороны от него опустеет. Потом я постучал в дверь.

Когда ответа не последовало, я решил прибегнуть к помощи кого-нибудь из персонала. Я отправился странствовать по корридорам, пока не наткнулся на одну из уборщиц. Отдав ей коробку, я попросил доставить её в номер, не сообщая, от кого она.

Она вернулась через несколько минут, сообщив, что посылка успешно доставлена. В номере была красивая молодая девушка, и она очень удивилась, получив коробку нуги.

— Я тайно влюблен в неё, — прошептал я, подмигнув и прижав палец к губам.

Полуправда всегда срабатывает лучше.

Я представил, как она открывает коробку, видит упакованные квадратики нуги и записку, написанную мной в магазине. *Чёрная вдова.*

Остаток дня я провел в своём номере, предварительно договорившись с одним из швейцаров, чтобы он дал мне знать, если Долорес или её парень покинут отель. Звонка не последовало. В конце дня я поднялся на крышу и выпил несколько порций крепкого *кайпирина*¹⁹¹. Моя нуга, вероятно, напугала её. Смогла бы она предположить, что охотник всё ещё следует за ней по пятам, нарушая свою часть соглашения? Теперь становилось ещё яснее, что это именно Дональд остался без лица в брошенном доме в Гуанахуато. Если бы он всё ещё был с ней, я бы, скорее всего, оставил их в покое. Но теперь это уже совсем другая история. Долорес начинала новую жизнь, которую, вероятно, и планировала с самого начала. Её мотивом, должно быть, было измыслить для себя новую жизнь, и в этом она, очевидно, преуспела. Новый мужчина, новая личность, её финансы теперь в полном порядке. Могла ли существовать какая-то серьёзная причина остаться со стариком? Ревность и ненависть вспыхнули во мне сейчас, ненависть к этому новому любовнику, к его молодости, и ярость, которая приходит с бессилием. Но когда это прошло, со всей ясностью я понял, что по всей вероятности, он просто симпатичный болван, который заполучит её только на текущий сезон. И, в конце концов, она избавится

¹⁹⁰ Кондитерское изделие, традиционно изготавливаемое из сахара или мёда и жареных орехов.

¹⁹¹ Бразильский алкогольный коктейль, который готовится из кашасы, лайма, льда и тростникового сахара.

от него так же, как избавилась от Дональда и меня. Успокойся, мустанг, подумал я. Её унесло ветром, и это ей больше по душе. Однажды она тоже состарится на уединенной вилле с благообразными слугами, а я к тому моменту уже превращусь в пыль на чьей-то каминной полке.

Итак, в бар на нижнем этаже.

За стойкой рулит здоровяк рулевой в разноцветных подтяжках с безупречным английским. Это единственный человек в отеле, с которым можно поговорить. Я спросил его, может ли он приготовить мне «буравчик» с концентрированным соком лайма.

— Проще простого.

В ту ночь в заведении было пусто, он сказал, что многие гости собирались в местечко под названием Яутепек на карнавал, и как раз этим вечером отправились туда на частных такси. Некоторые считают этот карнавал самым большим в мире.

— И не говори. А где, чёрт возьми, этот Яутепек?

— Левее местечка под названием Тепостлан. Только не говори мне, что не знаешь, где находится Тепостлан.

— Никогда о таком не слышал.

И тут мне кое-что пришло в голову.

— Это на юг или на север? — спросил я.

— Прямо через горы на юг. Часа три, если не угодишь под дождь.

— Всегда хотел оказаться на карнавале. Единственное, чего я никогда не видел. Только в кино.

— Не верь тому, что видишь в фильмах.

— Я уже ни во что не верю.

— Что ж, дело твоё. Вот твой «буравчик».

Никогда буравчик не выглядел более красиво, более льдисто-зелёным и прозрачным.

— Без вопросов, я немного мешуга, — сказал я.

— Извините?

— Не играю с полной колодой карт.

Когда я постучал по виску, его глаза ожили.

— А, понимаю.

Затем он рассмеялся и положил обе руки на прилавок, по обе стороны от буравчика, как бы противостоя ему.

— Ты забавный парень. Зачем ты здесь?

— А на что это похоже? — спросил я.

— Женщина?

— Что же ещё? Может ты её тут видел.

И я описал Долорес.

— Она бывала здесь, — подтвердил он. — Пьёт только газированную воду с гренадином.

— Полагаю, она была со своим кавалером.

— Нет, насколько я заметил. Впрочем, она немного молода для тебя. Но не обращай внимания.

— И как покончить с этим? Безумие всё продолжается и продолжается, а потом ты просто падаешь замертво. Во всяком случае, надеюсь, что так произойдёт.

— Конечно, так было бы лучше. Она, вероятно, приехала сюда на карнавал, как и большинство людей в это время года.

Я заказал второй «буравчик» и попросил его добавить поменьше лайма. *Тепостлан, Яутепек*. Я бы отправился в крошечную тьму, перспектива казалась прекрасной.

— А когда карнавал? — спросил я.

— Завтра. Тебе следует пойти. Возможно, девушку ты не встретишь, но хорошо проведёшь время.

Я вернулся в номер, в дрова, но только наполовину, и позвонил работодателям. Некоторое время мы не общались, и я должен был сообщить им последние новости, прежде чем их терпению настанет конец, а вместе с ним и моему гонорару. Я тщательно репетировал свою маленькую речь два вечера подряд, и сейчас она прозвучала убедительно. С холодным вниманием к деталям я рассказал, как Зинн был убит в Гуанахуато, после чего след был потерян. Я пояснил всё от начала до конца, и это был длинный монолог. Они терпеливо всё выслушали. Деньги исчезли, главный виновный попал в ад, а я в одиночестве в мексиканском отеле и поделаться больше ничего не могу. Я хочу вернуться домой.

— А что по поводу жены? — выпалил один из них.

— Исчезла, растворилась в воздухе. Конечно, она ведь у себя дома. Может быть, деньги у неё, а может, и нет. В любом случае, затрудняюсь ответить. Я чувствую, что сделал всё, что мог. Собираюсь попросить мексиканскую полицию прислать их отчет, и вы сами сможете во всём убедиться. Мне жаль, что не удалось завершить это дело. *C'est la vie*¹⁹², как говорят в Мексике. Это по-французски, если вы не знаете.

— В Мексике не говорят по-французски.

— Разве? Ну что ж. Будь я проклят. Я всё время так говорю, и всем нравится. Ну, мне всё равно. Кроме того, завтра я возвращаюсь домой.

— И Вы не нашли никаких следов денег?

— Деньги — такая скользкая штука, так ведь?

— Это означает «нет»?

— Ни единой зацепки. Печальный конец счастливых каникул, но мы все выживаем, чтобы завтра снова сражаться. Я закончил. Мне выслать счёт?

---

¹⁹² Такова жизнь (франц.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда дорога на Тепостлан спустилась с дальней стороны гор в сторону Куэрнаваки, дождь прекратился, и я прибыл в колониальный городок в долине, находящейся в тени отвесных горных склонов и карстового ландшафта, покрытого напоминающими кисточки для бритья деревьями с кремовыми цветами. Был полдень, и вершины были погружены в опереточный туман. Я в одиночестве брёл в центр города с сумкой через плечо, по улицам, окруженным садами внутри стен из вулканического камня, вокруг слышались в основном только звуки человеческих голосов. Здесь снова говорили на наuatль. Я нашел *posada*¹⁹³, где мне предоставили комнату. Это была старая вилла со стенами печёночного цвета и комнатами, расположенными вокруг террасы на первом этаже; владелицей была женщина внушительных габаритов и с тёмно-зелёными глазами истинной иберийки. Мимоходом я осведомился о карнавале и о других гостях. Это тот самый знаменитый карнавал и отель переполнен?

Она призналась, что именно так, но только в дни карнавала. Во второй половине дня все направляются в Яупетек. Не хочу ли я заказать место в такси прямо сейчас?

— Я жду знакомую из столицы. Возможно, Вы могли бы проверить, может она уже приехала. Миссис Линдер.

Она без особой спешки просмотрела книгу, но имени не нашла.

— Может она записалась под другим именем? — предположил я.

Я попробовал Долорес, Арайя, вместе и по отдельности. Ничего.

— Понятно. Женщина лет тридцати...

И я описал её.

— К сожалению, гости заранее не дают своего описания. Может быть, она встречается с женатым мужчиной и не хочет, чтобы об этом стало известно. Или этот женатый мужчина — Вы?

— Кольцо никогда не затеняло на мой палец, — солгал я.

— Уверена, это неправда. Всё же такой красивый мужчина...

На мгновение в венах вскипела старая ртуть, но почти сразу же остыла. В руинах, взметая пыль, пронёсся внезапный порыв ветра.

— Тем не менее, — продолжила она, — могу дать Вам знать, если появится кто-то похожий. Вы хотите, чтобы никто этого не заметил?

— Вы читаете мои мысли!

— Невозможно управлять отелем в течение двадцати лет и не уметь при этом читать мысли.

— Должно быть, это самый маленький из Ваших талантов.

Я поднялся в комнату и лег в кровать под натянутой противомоскитной сеткой. Время прошло, подумал я, и всё, что осталось, — это пустая посуда. Но разве последние дни не могут совпасть со временем карнавала? Карнавал это место, где старики могут немного сиять за своими масками и притворяться, что не утратили интереса к жизни. В сумерках на широкой цементной площади перед церковью разгорелись костры, и я вышел прогуляться

¹⁹³ Постоялый двор, гостиница (исп.)

в своей мятой панаме. Протестующие сапатисты¹⁹⁴ собирались вокруг костров, а стены вокруг были покрыты их красными граффити. *Traidores fuera!*¹⁹⁵ Но кто эти предатели? Высоко в горах над городом все ещё можно было разглядеть белую пирамиду предков. Резиденция бога пульке¹⁹⁶ «Два кролика» Тепостекатля¹⁹⁷, бога спиртных напитков и пьянства. Это прекрасное божество смотрело на меня сверху вниз, когда я сидел на площади и наслаждался окружавшим меня протестом и кактусовым мороженым. Мне пришло в голову, что после стольких лет наконец-то началась революция. Может именно этого я ждал всю свою жизнь. Революция, карнавал, как бы это ни называлось, когда выстреливают фейерверки и начинаются танцы. Сердечная недостаточность, которая делает главным в песне её финал. Сегодня днём я уже решил, что этот вечер будет последним. Завтра я, наконец-то, соберу свои вещи и отправлюсь домой. Я вернулся бы обратно в Ла-Мисьон, настраиваясь на рыбалку и дневной сон. И текилу. Я зашёл в кантину на площади, адскую дыру, заполненную фермерами, чьи глаза уже блуждали где-то в ином мире. После полуночи уже не оставалось бы ни одной песни, которая была бы ещё не спета.

Говорят, в своих снах ты никогда не видишь себя старым. Ты остаёшься молодым, одетым так же, как одевался в тридцать, в самый разгар своей привлекательности. Ночью все они возвращаются, клиенты, у которых я когда-то был в их великолепных домах, таких же, какими они были в 1940-х или 1952-ом. Виски льётся рекой, шутки резкие и сексуально ужатые, а солнечный свет заливают величественные лужайки и подъездные дорожки. Они понятия не имеют, кто я такой, и это их волнует меньше всего. Для них я мусор, наёмный палач. Но женщины тут чувствуют, как у них внутри всё переворачивается. Это присуще животным и пьяницам; в самый полдень всё выглядит прекрасным и свежим.

После полуночи я едва держался на ногах, и парень из одной из кантин проводил меня домой. По дороге мы вместе спели песню, и он сказал мне, что я ещё не самый напившийся пьяница из тех, с которых он сталкивался на этой неделе. Он довёл меня в до комнаты и оставил на кровати в мрачном настроении. Я пролежал там в одежде всю ночь, и мне приснилось, что я искал свою собственную могилу в лесу в лагере для беженцев. Надгробья были сделаны из дерева и имели форму саней, их внешняя сторона была ярко раскрашена. Я ненадолго проснулся, и мне показалось, что я услышал в городе выстрелы — либо так, либо сапатисты удовлетворились петардами. Я не мог вспомнить, где я был накануне вечером и что я делал. «Кактусовое мороженое», — подумал я, и, собственно, этим ограничился. Всю ночь шёл дождь. В сад пришли призраки и заговорили со мной на полудюжине языков. Появился Топси Перлштейн, разговаривая на науатле и танцуя канкан. Далеко в темноте ночные клубы из прошлого трубили в свои рога, и какое-то время я слышал звуки аттракционов на Кони-Айленде.

Утром хозяйка приготовила мне завтрак на террасе. Она сказала мне, что поздно ночью кто-то, похожий по описанию на Долорес, прибыла в отель и заняла номер на первом этаже, но рано утром она уехала в Яутепек. Я спросил, как её звали.

— Зинн.

— Неплохое имя, — сказал я.

¹⁹⁴ Сапатистская армия национального освобождения (САНО, исп. Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN), часто называемая сапатистами — леворадикальное движение в самом южном мексиканском штате Чьяпас.

¹⁹⁵ Долой предателей! (исп.)

¹⁹⁶ Алкогольный напиток крепостью 2-8%, получаемый из забродившего сока агавы американской. На территории центральной Мексики пульке производят более тысячи лет.

¹⁹⁷ В мифологии ацтеков бог пульке, пьянства и плодородия. Божество было также известно под своим календарным именем, Ометочтли («два кролика»).

— Она может носить любое имя, какое ей нравится. Это свободная страна.

Всё ещё шёл дождь, но уже гораздо слабее. На горизонте гремел гром. На склонах рядом с отелем стояли странные высохшие деревья с тёмно-красными семенными коробочками размером с монету, висющими на ветвях, в то время как цветы юкки словно в одночасье ворвались в эту жизнь. *Поэзию Земли – не умертвить*¹⁹⁸.

Яутепек находился в часе езды. Казалось, он затерялся среди бесконечных долин, как будто его создавали поколения безумцев, и добраться туда было всё равно, что прокатиться на ярмарочной машине: дорога поднималась и опускалась, выворачивая желудок наизнанку. Это будет последнее место, в котором я окажусь, так я продолжал думать всю дорогу. Но я пошёл на это, чтобы в последний раз взглянуть в глаза, которые мне так понравились. Яутепек был последним местом, в котором можно было бы настичь преступника. На поле, сразу за его центром, был установлен шест высотой в тридцать футов¹⁹⁹ для проводимого летающими танцорами ритуала, в котором они со свистульками в зубах вращались вокруг шестов на цветных веревках. Эти *voladores*²⁰⁰ уже начали свой представление, и поэтому я направился туда и наблюдал, как четверо кружатся вокруг шеста на своих канатах, а пятый сидит на шесте и бьёт в маленький барабан.

Я бродил по городу в соломенной шляпе с цветком на ленте, с бутылкой текилы в руке, в огромном беспорядке, создаваемом чинелос, а вокруг меня грохотал дождь. Костюмированные духовые оркестры и мужчины в парчовых шляпах в форме перевернутых пирамид. Я чувствовал себя как дома. А почему я не должен был чувствовать себя как дома, ведь, в конце концов, у меня его нет? Есть мужчины, у которых есть дом, и есть мужчины, у которых его нет. Среди последних — прорицатели и безумцы. И теперь я был окружен сотнями масок, которые имитировали длинноносые лица и завитые бороды завоевателей много веков назад, мужчин, которые были похожи на меня. Тысяча копий моего собственного лица. Они кружились, загибая ногами и подергивая плечами, так что каскады бусин, бахромы и фальшивого жемчуга покачивались вверх-вниз в сексуальных движениях, и в конце концов, я танцевал среди них, держа трость в руке, покинутый и освобожденный, такой же не крутой и нерасчетливый, какой крутой и расчётливой была моя предыдущая жизнь. Я наблюдал, как под дождём собаки тащили по грязи небольшие связки кишок с близлежащего рынка, а мальчишки с топориками таскали глыбы льда. Но вскоре небо прояснилось; вторая половина дня была залплена возвратившейся жарой и залита палящим солнцем. На крытом рынке, где измученные гуляки приходили в себя за столиками кантин и ресторанов, разделявали свиней. Пока я сидел там, день сменился ночью, и карнавал превратился в эпизод из далекого прошлого. Я остался один в конце дороги, и лабиринтов больше не будет, а я был совершенно счастлив среди незнакомцев. Во всяком случае, я всегда был среди незнакомцев, обменивался с ними остротами и никогда по-настоящему не вызывал у них уважения.

Когда спустилась ночь, я вышел к каналу или ручью, который протекал мимо рынка, его высокие берега были усыпаны битым стеклом. Люди отключались прямо на улице и лёжа на земле, смотрели в небо, ни о чём не жалея. Улица изгибалась рядом с набережной, и на ней было мокро. Я шёл, стуча тростью, пока шум вокруг немного не стих. В конце концов я устроился на набережной среди конфетти, которыми была усыпана дорога вместе с раздавленными *piñatas*²⁰¹. Мне показалось, что вдалеке я вижу колесо обозрения и всех

¹⁹⁸ Джон Китс. Сонет о кузнечике и сверчке (перевод Александра Раскина).

¹⁹⁹ Около 9 м.

²⁰⁰ Летуны (исп.)

²⁰¹ Латиноамериканская полая игрушка довольно крупных размеров, изготавливаемая из папье-маше или лёгкой обёрточной бумаги и пленки с орнаментом и украшениями. Своей формой пиньяты воспроизводят фигуры животных (обычно лошадей) или геометрические фигуры и наполняются

местных жителей в «стетсонах» со своими девушками, стоящих в сиянии его огней. Если даже это мне привиделось, мне было всё равно. Крики и музыка, девочки, катающиеся в креслах колеса обозрения. Конфетти напоминали снег, собаки с кишками в челюстях — быстрых рептилий. Ставлю свою теперь уже пустую бутылку текилы на траву рядом с собой.

На другой стороне улицы было что-то вроде бара. Пластиковые столики вываливались на дорогу, а под гирляндой лампочек сидела одинокая женщина в костюме и пила из бутылки фанты. На ней было пурпурное одеяние с серебряной каймой, а на шапочке были блески и кисточки. Она выглядела как чиновник Персидской империи времен Хосрова²⁰². Её маска была ярко-розовой — мужское лицо с золотистой бородой и глазами с чёрной подводкой. Она посмотрела на меня, и у меня возникло ощущение, что она мне улыбнулась. Именно тогда я вспомнил слова, которые годами крутились у меня в голове, впустую отнимая умственную энергию, но которые сейчас цели. *И юноши, подобно козлогоним, закружатся в старинном хороводе*²⁰³.

Она приподняла маску за бородку и стянула её целиком с лица вверх на голову, на её лицо упал свет из бара. Это была Долорес, она выглядела печальной, и это правда, что она заметила меня на набережной.

Она приподняла бутылку «фанты», и её улыбка была столь же ослепительно неожиданной, как и узнаваемой. У меня не было бокала, который я бы мог поднять в ответ, но я улыбнулся, и на мгновение мне показалось, что в последние дни ничего не произошло. Она обратно натянула маску, вышла на улицу и свернула на рынок в танцующую толпу. На мгновение мне пришла мысль о том, чтобы последовать за ней, но я больше не знал, чему я буду следовать и зачем.

Вместо этого я пошёл в бар выпить последнюю порцию «саузы».

— Кто это? — спросил я мужчину, который меня обслуживал.

Он пожал плечами так, как это делают мужчины, стоящие за стойкой.

— Какая-то женщина из города. Они постоянно приезжают на карнавал. Их привлекает насилие.

Но что за насилие?

Это была шутка. Но в то же время я понял, что он имел в виду. В темноте раздались выстрелы, те хрустящие *хлопки*, которые ни за что не спутаешь с хлопушками. Пик безумия был достигнут, и о такой ситуации можно было бы сказать, что это также точка величайшего удовлетворения. Я хотела спросить его, что в моём возрасте мне следует делать дальше — отправиться ли в поле потанцевать с остальными? Но его глаза сказали мне то, что мне нужно было узнать, и я согласился с этим планом. Я встал, не заплатив — и он меня не остановил — и пошёл под музыку и взрывающиеся пистолеты. Я хотел спокойно потанцевать с кем-нибудь красивым, но, хотя я и искал её, но так и не смог найти в этой свалке. Позже, во всяком случае, когда я протрезвел, я попытался вспомнить, не видел ли я её лицо где-нибудь раньше, в прежние времена. На дне какого-нибудь колодца, в давнем-давнем кинотеатре, где шёл фильм, который сейчас уже никто не вспомнит. Таких лиц было так много, и у меня никогда не было возможности воочию наблюдать, как они стареют. Полагаю, из всего, что было, это самое большое горе. Мне не следовало никуда так торопиться.

различными угощениями или сюрпризами для детей (конфеты, хлопушки, игрушки, конфетти, орехи и т. п.)

²⁰² В Персидской империи династии Сасанидов было четверо Хосровов, правивших VI-VII веках н.э.

²⁰³ Кристофер Марло, «Эдуард II» (перевод А. Радловой).

ЭПИЛОГ

Месяц спустя в Эль-Сентро к пяти часам пополудни разыгралась песчаная буря, и улицы погрузились в коричневую дымку. Неоновые лампы «Кон Тики» были выключены на весь день, и китайские владельцы, казалось, не узнали меня. Однако я снял ту же комнату, и к тому времени, когда я лёг, на улице стало почти темно. Песок с шипением забивался в окна и просачивался в комнату под дверь. Я снова услышал, как их дочь играет на скрипке на первом этаже, и снова согласился встретиться с Бонхоффером в закусочной на Адамс-авеню. К тому времени, как я туда добрался, уже стемнело, и в заведении было пусто. Он сидел, сгорбившись, у окна, облитый бледно-зеленым светом уличного неона, и выглядел отдохнувшим и великолепно равнодушным к капризам своей собственной работы. Он уже заказал молочный коктейль и разгадывал кроссворд в газете, посасывая соломинку с клубничными полосками.

Он был таким же, как всегда, чем-то напоминающим краба, чем-то, что остаётся неизменным до того, как внезапно исчезнет. Он кротно взглянул на меня, и весь юмор и сарказм в этих тёмных глазах были готовы выплеснуться наружу.

— Итак, ты вернулся. — Он утопил соломинку в молочном коктейле, а затем дал ей всплыть. — Хорошо провёл время?

— Новых шрамов нет, если ты это имеешь в виду. Ну, может быть, один или два. В Мехико было лучше, чем в прошлый раз.

— Ой? А я думал, они утонули в смоге.

— Возможно, и так. Но смог — это не самое худшее в жизни. Однако, если подумать, я вообще не видел никакого смога. Это напоминало Вирджинию весной.

— Никогда не был в Вирджинии, — сказал он.

Я сел, и он отложил кроссворд.

— Давай закажем «роудкилл²⁰⁴», — продолжал он. — На самом деле это не ДТП. Просто такое на вкус.

— Убийство на дороге меня вполне устроит.

Мы оба взяли по «Coors»²⁰⁵ и в придачу ведро со льдом.

— Адская буря, — сказал он, когда мы с отчаянием уставились на завывающий песок.

— А разве когда я был тут в прошлый раз, не было песчаной бури? — спросил я.

— Конечно, была. Это как нашествие саранчи. Ты приносишь её с собой.

— Что-то я зачастил в свою собственную страну.

Он приподнял край шляпы, которая всё ещё была на нём.

К бургерам прилагались бумажные пакетики с капустным салатом, маринованными огурцами и картофелем фри с сыром. В зелёном свете мы были похожи на двух стареющих шимпанзе, поедающих объедки в пещере. Вдоль улицы проезжали ржавые мексиканские пикапы с мрачными пассажирами, осматривающими улицу с освещенным окном, за которым сидят два гринго за пивом с картошкой фри.

— Мне было, чем заняться с тех пор, как ты уехал, — сказал Бонхоффер. — Хотя нам так и не удалось узнать, кому принадлежит пепел. Я зарегистрировал это как смерть неизвестного, которого не удалось опознать. Это самое большее, что я смог сделать. Но у меня есть адрес человека, которому ты просил его передать, Линдер-старший. Он здесь.

²⁰⁴ Гамбургер. Буквально, ДТП, при котором пострадало животное.

²⁰⁵ Пиво производства одноименной пивоваренной компании.

Он толкнул через стол листок бумаги.

— Ты мог бы пойти и поговорить с ним. Наверное, с ним будет не так-то просто.

— Отлично поработали, мистер Бонхоффер.

— Всё, что угодно, лишь бы помочь человеку восстать из мертвых.

Я взял листок и прочитал адрес: Хорсшу-лейн, Глэмис.

— Как тебе известно, это на дальнем берегу озера, в пустыне. Мы разузнали о нём, похоже, он работает смотрителем в закрытом посёлке неподалеку. Или работал. В посёлке сказали, что он вышел на пенсию два года назад, — объяснил Бонхоффер.

— Он женат? — спросил я.

— Понятия не имею. У него нет телефона. А я бы сказал, что без него сейчас трудно.

— Одиночка, который сам по себе. Будет весело.

— На твоём месте я бы действовал осторожно. У одиночек скверный характер.

— Мне ли не знать, — вздохнул я.

— Возьми с собой бутылку виски. Это могло бы сделать его помягче.

— Это могло бы сделать помягче нас обоих.

Некоторое время мы ели в тишине, и я невольно смотрел на пустую улицу. Я ненавидел Эль-Сентро, но не был уверен, что знаю все причины, по которым у меня такое к нему отношение. Их было слишком много. Но разве так было всегда? Точно вспомнить я не мог.

— А если, в конце концов, я ни к чему не приду? След, который ведёт вникуда. Просто подсказки, которые ведут к другим подсказкам, а затем исчезают. Но я заработал достаточно денег, чтобы купить небольшую лодку. Единственное, что хорошего из всего этого вышло.

— Лодку?

— Небольшой катамаран. Я почти сразу и купил его у знакомого парня в Попотле. Теперь смогу рыбачить в свободное время. Конечно, скорее всего, я на нём и умру. Как в «Старике и море».

— Более чем вероятно.

Потом он протёр глаза и спросил меня о человеке в пустыне.

— На этом я закончу, — сказал я.

— Однако ты не можешь знать заранее, что он скажет.

Я подумал, что я знаю об известном мне прибежище для омаров под названием Попотль. У дороги стоит заброшенная арка, неподалеку производство домашней мебели, основанное местными крестьянами. Отныне это станет моим местом. Сразу за линией прибоя, на виду у подростков Попотля, продающих своих гипсовых девственниц и черепа крупного рогатого скота, там, среди них, буду и сидеть на своём обычном месте и я, поедая маленькие тортильи и наблюдая за ними, и за алыми каменными бассейнами у подножия утёсов. Я бы читал «Баха Сан» от корки до корки, пока с закатом не пришло бы время для коктейля. И так снова и снова, до наступления глубокого сна.

Но в то же время я считал, что Бонхоффер был прав, и я думал об этом, когда вернулся в «Кон Тики», размышляя о том, что утра собираюсь отправиться к горячим источникам Глэмис на дальнем берегу Солтон-Си. Там была Хорсшу-лейн, и именно там, в нескольких минутах ходьбы от курорта Глэмис-Норт-Хот-Спринг, где-то на ней жил он. То был уголок пустыни, которого я не знал, один из тех никуда не входящих и ни к чему не относящихся, живущих сам по себе, лагерей, где собирались одиночки и недоучки, чтобы бежать от того, что они ненавидели в нашем прекрасном образе жизни.

На следующий день я добрался до моря около семи. Сегодня ничего не напоминало о вчерашнем вечере. Вернулась прежняя яркость. В Найлэнде я выпил кофе с пончиком и купил в дорогу бутылку виски. На пассажирское сиденье рядом с собой я пристроил маленький чемоданчик с тем, что осталось от денег Долорес. Затем я поехал посмотреть на длинный канал, который пересекает пустыню с севера на юг. Это одна из тех самых странных вещей, которая заставляет задуматься.

Канал шёл прямо от Слэб-Сити до самого Глэмиса, и я ехал вдоль него, справа от меня были горы, а слева — море. Редкие лачуги и трейлеры по пути, с остатками произведений хиппи, прячущимися среди мескитовых деревьев, заставили меня задуматься, не приезжал ли и сюда старина Линдер по своим субботним вечерам. Глэмис, должно быть, был ещё более позабыт богом.

Так оно и оказалось. Место, где дороги носили такие названия как Гаслейн, Систем²⁰⁶ и — невероятно — Спа. Поначалу это напоминало промышленное сооружение или заброшенную базу ВВС, слева от дороги раскинулись аквафермы, а бесплодные земли за каналом и Гаслейн-роуд переходили в пики цвета молочного шоколада.

В Глэмисе было всего три или четыре дороги, и Хорсшу-лейн было легко найти. Она действительно изгибалась наподобие подковы, и внутри неё была стоянка для трейлеров с восемью или девятью автомобилями, припаркованными за низкими кустами. Я оставил машину под несколькими пальмами на дальней стороне грунтовой дороги и направился к стоянке. На самом деле это была всего лишь горстка трейлеров и небольшая пристройка. С гор дул горячий ветер; маленькие пустынные ивы, росшие у дороги, шипели, когда он их избивал, а пыль то поднималась, то опадала.

Двое детей играли в мяч на дороге, и я спросил их, где живет Линдер. Они указали на трейлер, из которого, должно быть, открывался прекрасный вид на местный пейзаж. Но, по их словам, старик Линдер был сейчас внизу, у канала. Вы бы его заметили, если бы были внимательнее.

— А что он там делает? — спросил я.

— Он каждое утро ходит туда на рыбалку.

— В Коачелле есть рыба?

— Нет, сэр.

Я посмотрел вниз, на Коачелла-роуд. Вокруг была открытая пустыня, и, конечно же, у канала неподвижно стояла крошечная человеческая фигурка.

Я помахал ему с дороги, но он не смог бы меня заметить. Мне ничего не оставалось, как спуститься туда самому, взяв чемодан и бутылку виски с двумя бумажными стаканчиками.

Я зашагал по обжигающему серому песку, на котором на фоне пронзительного неба забавно темнели веерные пальмы и креозотовые кусты. Крошечные голубые цветочки дымчатых деревьев уже начали распускаться. Дорожка спускалась к каналу, и недалеко от того места, где она обрывалась над тёмно-зелёной водой, сидел старик в комбинезоне, держа в руках древнюю удочку с леской, которая исчезала в покрытой пеной глубине.

Он, должно быть, услышал меня, потому что его голова уже была полуобернута, и он краем глаза наблюдал за мной. Это был пустынный гном, созданный из проволоки и шипов, перекасти-полем в человеческом облики, одетое в клетчатую рубашку, рядом с которым на песке лежали банка с табаком и трубка. Я решил, что лучше всего будет сесть рядом с ним, предварительно испросив разрешения.

— У тебя проблемы с ногой? — спросил он, когда на него упала моя тень.

²⁰⁶ Газопровод, система (англ.)

- Со мной всё в порядке.
- Ты из Эль-Сентро?
- Не совсем. Но был там прошлой ночью.
- А что в чемодане?
- Конфеты.

Он улыбнулся и опять повернулся к зелёной воде. Солнце резко ударило ему по глазам, но они не дрогнули.

- Тогда я знаю, зачем ты здесь.
- А я этого и не скрываю, — сказал я. — Не хотите ли выпить?

Он взглянул на этикетку бутылки, которую я принёс. Односолодовый виски «Марс».

- Что это, чёрт возьми, такое?
- Это японский виски. Друг прислал мне из Иокогамы.
- Будь я проклят.
- Это значит «да»?
- Уверен, чёрт возьми, что это именно «да».

Я налил, и между двумя стариками воцарился мир.

Сделав глоток, он закатил глаза.

- Черт возьми, это хорошо. Лучше, чем «Famous Grouse»²⁰⁷.
- Вы пьёте это здесь, «Famous Grouse»?
- В Найлэнде, он есть там
- Ну, *банзай* и всё такое.
- Забавно, — сказал он, — я участвовал в битве за Мидуэй²⁰⁸ в далёком 42-м.
- Тогда двойной *банзай* за тебя, старина, — сказал я, поднимая свой стаканчик.
- Спасибо за выпивку. Полагаю, ты уже знаешь моё имя. А твоё?

Я представился, и он сделал второй, более длинный глоток.

- Я хочу узнать о пепле, — сказал я.
- Мало что знаю об этом. Я отправился туда, чтобы забрать его, когда прошёл слух, что Пол умер в Мексике. У меня было предчувствие, когда он уезжал. Он сказал, что собирается устроиться на яхту своего босса. Они выходили в море и им нужны были люди, чтобы управлять яхтой. Они набирали неудачников.
- Странное желание.
- Нет, не странное. Боссы они такие. Им нужны люди, которые будут молчать и делать то, что им говорят. Которые потом исчезнут и которые сделают всё, что им скажут. В этом нет ничего странного.
- Но раньше он с ними не выходил.
- Может, и выходил. Он мне никогда не рассказывал. Но в тот раз собирался, предлагали хорошие деньги. Он ушёл и больше не вернулся.
- Я пришел сюда, потому что... ну, я хотел извиниться.

²⁰⁷ Марка шотландского купажированного виски, одна из самых известных в мире.

²⁰⁸ Крупное морское сражение Второй мировой войны на Тихом океане, закончившееся решительной победой флота США над силами японского ВМФ. Стало поворотной точкой в войне на Тихом океане.

— За что?

— За то, что не нашёл его. -

Его взгляд стал абсолютно холодным.

— А ты его искал?

— В каком-то смысле, да. Но я нашёл его деньги. Так что я думаю, это Ваше.

Я пододвинул чемодан к нему, но он даже не взглянул на него.

— Я спал в своём трейлере, — продолжил он, — и вдруг проснулся и увидел, что мой отец, который давно умер, стоит рядом со мной и говорит, что он умер и его собираются утром кремировать. Он так мне и сказал. Поэтому я оделся, поехал в полицейский участок в Эль-Сентро и спросил, где будет кремация. И конечно же, старик меня не обманул. И это был вовсе не сон.

— Вы забрал его?

— Мне позволили его забрать. Я бы ничего не смог доказать. Но они просто позволили мне его забрать.

— А где он сейчас?

Он поднял глаза к голубоватому мареву располагавшихся неподалёку дымчатых деревьев. Вокруг золотом мерцали цилиндропунции.

— Я отнёс его туда, — сказал он, показывая на пустыню. — Мне показалось, что так будет лучше всего.

Я опустошил стаканчик и наполнил его снова. Некоторое время мы пили, не произнося ни слова, и я позволял солнцу проникать глубоко мне в грудь. Значит, всё это время я искал не там. Далеко на равнине, которая поднималась к леденцовым горам, поднялся вихрь пыли и двинулся против света, похожий на тот, что видел Иезекииль²⁰⁹, и, насколько я теперь знал, это мог быть его прах, потревоженный движением в мире духов. Затем пыль улеглась, и мы ещё долго сидели там, не решаясь что-то нарушить или добавить ещё хоть слово к тому, что так и осталось недосказанным.

---

²⁰⁹ «Я, Иезекииль, видел вихрь, идущий с севера. Это была большая туча, из которой рвался огонь, и вокруг неё сиял свет.» Книга пророка Иезекииля, глава 1, стих 4.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Проникнуть в сознание другого автора – это всегда опасная самонадеянность, но возможно не настолько, как попытаться проникнуть в сознание одного из его персонажей. Тем не менее, я старался оставаться в рамках вымышленной биографии Марлоу. Дата его рождения всегда оставалась неопределённой. Как однажды написал Билл Хенкин, один из исследователей творчества Чандлера, Марлоу родился в «то безвременье, позволявшее ему оставаться тридцатитрёхлетним в 1933 году, сорокадвухлетним в 1953 и сорока трёх с половиной лет от роду в 1958 году». В письме от 1951 года сам Чандлер обозначил возраст детективу в тридцать восемь лет. Это позволяет предположить дату рождения где-то между 1903 (поскольку действие «Глубокого сна» происходило в 1936 году) и 1915 годами. Я решил остановиться на последней, а затем добавил ещё год, обосновывая это свободой творчества.

Вряд ли надо упоминать, что многие более поздние воплощения персонажа Марлоу — например, версия Марлоу 1973 года в «Долгом прощании» Роберта Олтмана — были результатом ещё большего вольного обращения с датами. Эллиот Гулд в шедевре Олтмана — тридцатилетний мужчина, перемещающийся по Голливуду и Мексике 1970-х. Кстати, и уже после того, как я покончил с рукописью, я осознал, что Олтман также заканчивает свою интерпретацию этого романа на улицах Тепостлана — совпадение настолько нелепое, что от него надо либо отказаться, либо просто упомянуть.

Я старался следовать в русле ошеломляюще сказочных сюжетов Чандлера, потому что мне всегда казалось, что он всегда стремился именно к этому сочетанию вымышленной истории с ужасом. Сюжет «Глубокого сна» был настолько запутанным, что даже Уильям Фолкнер, один из его сценаристов, не смог за ним проследить; и когда, наконец, Говард Хоукс обратился к Чандлеру, чтобы выяснить, кто же всё-таки убил Оуэна Тейлора, одного из второстепенных персонажей, автору пришлось признать, что и он сам понятия об этом не имеет. Но это, конечно, не имеет никакого значения.

Как уже неоднократно отмечалось, изначально в ранних рассказах главного героя звали Мэллори в честь сэра Томаса Мэлори, жившего в пятнадцатом веке автора «Смерти Артура». Соответственно, Марлоу всегда обладает любопытной меланхоличной целеустремленностью странствующего рыцаря. И всё же, Чандлер однажды написал в письме своему другу Морису Гиннессу: «Я всегда вижу Марлоу одиноким, что дома, что на улицах, сбитого с толку, но никогда не побежденного». Это стало именно тем предложением, которое, по неизвестным причинам, и подтолкнуло меня к своей собственной попытке создать ещё одного Марлоу, несмотря на наличие уже стольких славных прецедентов. Персонажа, который является преувеличением, как говаривал его создатель, возможного.

Лоуренс Осборн

Бангкок, март 2018 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотел бы выразить благодарность Эду Виктору, Грэму К. Грину и Шарлотте Хортон за то, что они постучались в мою дверь с этим предложением. Без них я бы никогда не осмелился попытаться обосноваться в тени Рэймонда Чандлера, писателя, боготворимого мною с детства.

ОБ АВТОРЕ

Лоуренс Осборн родился в Англии, но путешествует по всему миру и живёт то тут, то там. Он является автором признанных критиками романов «Прощённый», «Баллада о маленьком игроке», «Охотники в темноте» и «Красивые животные».

Лоуренс Осборн является третьим писателем, после Джона Бэнвилла и Роберта Б. Паркера, к которому «Рэймонда Чандлер Истэйт» обратилось с предложением написать новый роман о Филиппе Марлоу. В романе «Всего лишь уснуть» Осборн опирается на впечатления, полученные в начале 1990-х годов во время работы репортером на мексиканской границе.

К числу его документальных произведений принадлежат «Дни Бангкока» и «Сухой и влажный».

В 2012 году рассказ Осборна «Вулкан» был включён в антологию «Лучшие американские рассказы года», также он выступал автором в журналах «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин», «Кондей Нэст Трэвэллер», «Нью-Йоркер», «Форбс», «Харпер'с» и некоторых других.

В настоящее время²¹⁰ Лоуренс Осборн проживает в Бангкоке.

---

²¹⁰ На момент издания романа в 2018 году.
